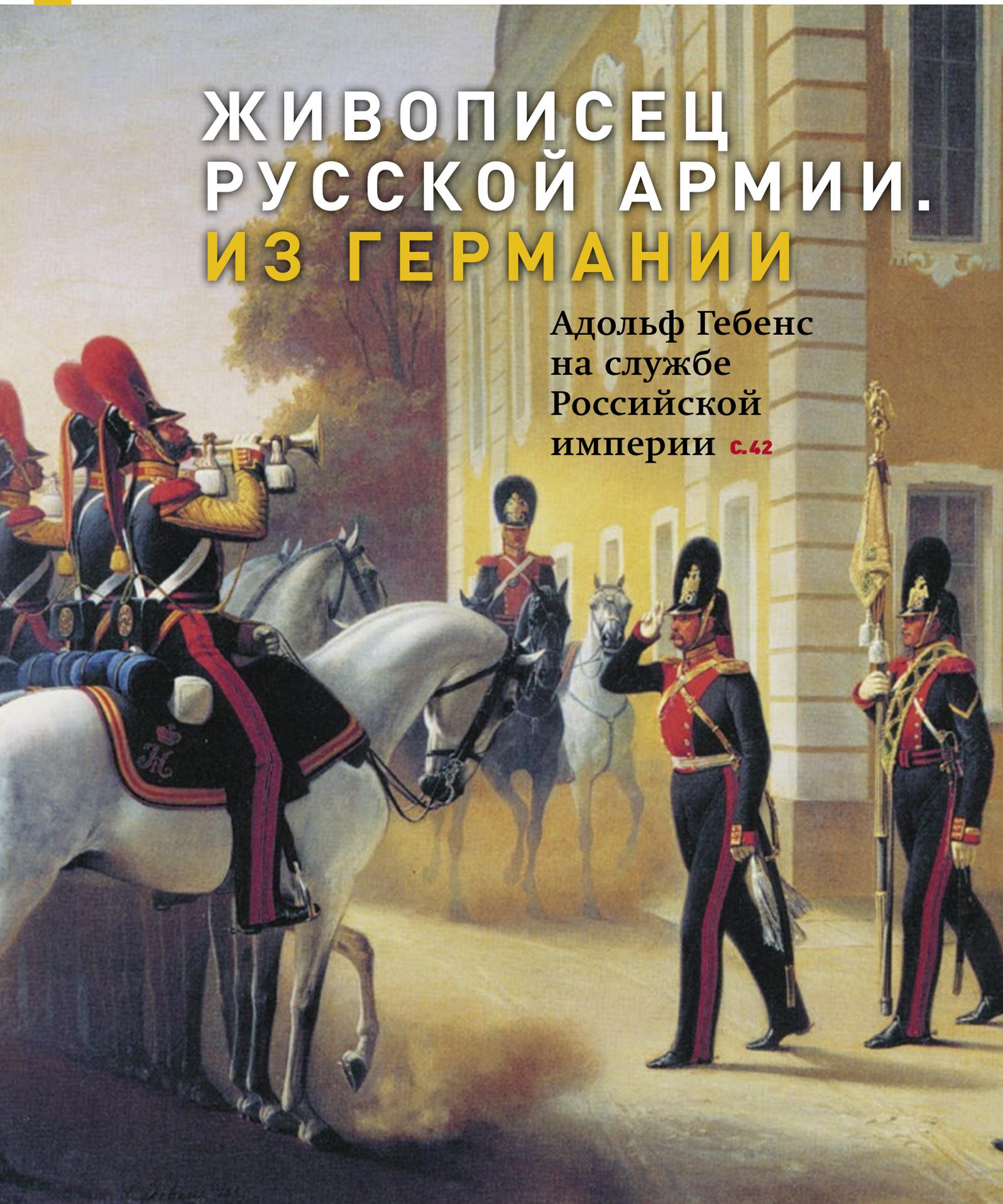

ЖИВОПИСЕЦ РУССКОЙ АРМИИ. ИЗ ГЕРМАНИИ

Адольф Гебенс
на службе
Российской
империи **с.42**

СОСРЕДОТАЧИВАЕМСЯ

П ОДВОДЯ ИТОГИ 2015 ГОДА, МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО он был непростым для России, однако худшие алармистские прогнозы не сбылись. Страна не улетела в пропасть экономического коллапса и тем более не оказалась в международной изоляции, которую ей сулили некоторые «заклятые друзья-партнеры». Она выстояла и потихоньку начала приспосабливаться жить в новых условиях и не ждать, что «партнеры» смягчатся и отменят в обозримом будущем санкции за «хорошее поведение».

Не отменят. А критерии оценки – что такое хорошо, а что такое плохо – у нас по-прежнему разные. Можно, конечно, было бы посоветовать, что Россия, используя термин Горчакова времен после поражения в Крымской войне, «сосредотачивается» не очень быстро, – но уж как есть. Мы действительно порой долго запрягаем. Но зато потом едем быстрее многих ожиданий. Хочется надеяться, что так будет и на сей раз.

В наступившем году проблем не убавится. Главным фактором нестабильности на внешнеполитической сцене по-прежнему останется Украина. Территория, ставшая некогда колыбелью Русского мира, сегодня управляется политической элитой, настроенной по отношению к России самым враждебным образом, пожалуй, за всю историю наших отношений. Чем закончится этот «побег в Европу», да еще сопровождаемый действиями в духе «назло москалям», пока предсказать трудно, однако неприятностей от взаимодействия с таким соседом может быть доставлено еще немало.

Новый год станет продолжением поиска внутренних сил не только для противостояния внешнему давлению, но и для роста и, если уж по большому счету, прорыва в будущее. Возможно, он даже станет в этом плане годом решающим. Оглядываясь на драматическую историю нашей страны, мы можем укреплять в себе уверенность, что нам это по силам. Вглядываясь в богатство нашей культуры и интеллектуального наследия, мы должны согласиться с тем, что нам это и по плечу: не тарашиться вечно в прошлое, а уверенно смотреть в будущее. Так что с Новым годом! 🍷

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06 Демократия
и миграция
несовместимы?
- 10 130 мгновений
Константина
Симонова

ИНТЕРВЬЮ

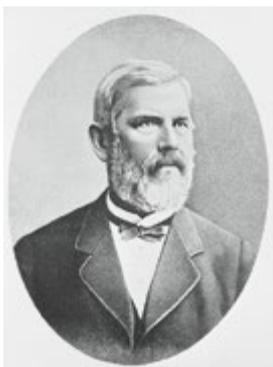

- 12 Ненадежный
господин

ИСТОРИЯ

- 18 Испитая чаша

- 24 Дневник
фабриканта

- 30 Система
Милютина

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 36 Смех
и слезы
Татьяны Бах

- 42 Фотограф
с кистью
и палитрой

КУЛЬТУРА

- 50 Бахтинский
круг

НАСЛЕДИЕ

56 Живое
и мертвое

МУЗЕИ

64 Честь, что превышает
прибыли

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

72 Хранители
традиций

82 Хозяин
«советского
заповедника»

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Русские
на «той стороне»

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Татьяна АНИКЕЕВА
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ТЕРЕНТЬЕВ
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 5 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiimir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ДЕМОКРАТИЯ И МИГРАЦИЯ НЕСОВМЕСТИМЫ?

АВТОР

ТАТЬЯНА АНИКЕЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ, НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ КОТОРОЙ ОБОЗНАЧИЛАСЬ ПЕРЕД МИРОМ, МЕНЯЕТ ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

В МОСКВЕ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ фонда «Русский мир» прошел международный экспертный диалог «Актуальные проблемы внешней миграции». Его участники в итоге согласились с тем, что миру надо принимать новую концепцию миграции. Правда, тут же прозвучала оговорка: единая глобальная концепция, как и единая миграционная политика, невозможна. К единой миграционной политике мир вынужден стремиться через точки соприкосновения – введение квот на миграцию и внесение солидарных поправок в законодательства стран, принимающих мигрантов; более гибкое, чем сложилось, отношение к интеграции и межкультурному диалогу. «Надо исходить из того, что миграционные потоки в мире будут только расти, – сказал, открывая конференцию, хозя-

ин форума, ректор РУДН Владимир Филиппов. – Мир пока не готов к ее трансформациям и тем вызовам, которые она бросает сложившимся устройствам традиционных государств».

ЯЗЫКИ ИНТЕГРАЦИИ

Ректор РУДН Владимир Филиппов и депутат Госдумы Владимир Плигин обосновали причину проведения экспертного диалога «Актуальные проблемы внешней миграции» в России двумя причинами. Открывая конференцию, Владимир Филиппов сказал, что считает логичным ее проведение в стенах университета, где обучаются студенты из 152 стран. И где есть свой, как положительный, так и негативный, опыт миграционной политики. «Наш опыт состоит в убеждении, что единой миграци-

Ректор РУДН
Владимир
Филиппов

онной и интеграционной политики нет и быть не может, – заметил Филиппов. – Она крепится на культурных и исторических традициях. С моей точки зрения, ключевые из них две: язык страны пребывания и межкультурная коммуникация. Изучение языка – это основной способ интеграции в принимающее общество. Но мы видим, что не всегда мигрант или студент хочет глубоко учить язык страны пребывания. Тоже считаю это нормальным явлением межкультурного диалога. Просто надо законодательно менять к нему отношение: если мигрант не желает совершенствовать язык страны пребывания, отношения с ним надо переводить на контрактную основу и после окончания контракта или трудового договора прощаться».

Именно такой подход – добровольной интеграции и взаимовыгодного межкультурного диалога – Филиппов предложил положить в основу новой концепции миграции, принятие которой, с его точки зрения, неизбежно.

Владимир Плигин, согласившись с тезисами Филиппова, обратил внимание на то, как Россия в 1992–1996 годах приняла почти 10 миллионов мигрантов «с относительным успехом и без потрясений. И хотя почти 78 процентов среди них были бывшие соотечественники, владеющие русским языком, нагрузка на государство была колоссальной, что достойно изучения и уважения».

– Преодоление другого вызова Россией и вовсе прошло не замеченным даже ООН, не говоря уже об иных международных структурах, – сказал Владимир Плигин. – За 2013–2014 годы наша страна приняла, дала кров и трудоустроила свыше 2,5 миллиона украинских беженцев, которых в мире сначала отказывались называть беженцами, потом ввели эвфемизм «гости», а сегодня, в связи с мощным потоком беженцев из стран Ближнего Востока в ЕС, там приходит понимание того, какую колоссальной сложности задачу в оперативные сроки смогла решить Россия. Что тоже, с поправкой на то, что принимались все же знающие русский язык украинцы или просто русские, достойно изучения.

Директор
Института
Европы РАН
Алексея
Громыко

Депутат
Государственной
думы РФ
Владимир
Плигин

СИСТЕМНЫЙ СБОЙ

Интеллектуальную планку международного дискурса научно-практической конференции «Актуальные проблемы внешней миграции» задали три спикера.

– Сегодня очевидно: Европа не может решить миграционный кризис, она может им только ситуативно управлять, – считает директор Института Европы РАН и председатель совета экспертов Института лингво-

цивилизационных и миграционных процессов (ИЛМП) Алексей Громыко. – Это системный сбой в глобализации, ведущий к еще большему социальному расслоению мира, росту терроризма, что толкает мир к росту спонтанных миграционных потоков.

Профессор Университета Гумбольдта в Берлине, член сената Европейской академии наук и искусств Вильфрид Бергманн был еще жестче. Он подчеркнул, что в ЕС и Германии все, что ясно сформулировал Алексей Громыко, – негласное табу. – В ЕС обсуждение проблем миграции жестко подвергается регулированию и дисциплине, – сказал Вильфрид Бергманн, – а любое мнение, отличное от мейнстрима, будет изолировано. Это и есть полнокорректность в действии – полная противоположность свободы. Мы полтора года втаптывали в грязь Путина и Россию, вводя против нее санкции. А теперь от Путина ждем решения наших проблем в Сирии. А в случае с Россией вынуждены признать, что надо изучать ее социальный опыт решения проблем миграции.

Профессор Католического института Ренна (Франция), писатель, экс-депутат Национального собрания Франции и Европарламента Иван Бло сформулировал тезис, который стал ключевым для обсуждения на конференции, – соотношение демократии и миграции. С его точки зре-

ния, завтра общественный дискурс будут определять следующие тренды: введение квот на миграцию через референдум и отстранение от регулирования миграционных процессов олигархических групп, правовая и общественная борьба с мигрантским лобби в парламентах и лобби нелегального мигрантского трафика, соотношение и сосуществование идентичностей коренного населения страны пребывания и мигрантов.

Остроту этим вопросам придает то, что происходит устойчивый рост легальных и нелегальных миграционных потоков в США, ЕС и Россию. По данным ООН, в десятку ведущих стран по числу принимаемых мигрантов входят пять европейских стран, включая Россию (второе место), Германию (третье место), Францию (седьмое место). Мировым лидером по приему мигрантов, согласно статистике ООН, являются США.

Эксперты сошлись во мнении, что все проблемы, сформулированные Алексеем Громыко, Вильфридом Бергманном и Иваном Бло, будут определять суть подходов к разрешению миграционного кризиса в Европе и растущих потоков миграции в мире. Однако при этом все выступавшие согласились с тезисом Владимира Филиппова о том, что единая миграционная политика в мире невозможна. Причина проста: у каждой страны свои национальные приоритеты. Но стоит искать «точки сопряжения».

ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ

– Наше главное согласие заключается в том, что сегодня мигранты и беженцы не просто просят о помощи, они угрожают национальной безопасности государств их пребывания, – отметила председатель попечительского совета фонда «Русский мир», президент Российской академии образования Людмила Вербицкая. – Сегодня нужна новая концепция миграционной политики, она должна учитывать как цивилизационные процессы глобализации, так и особенности и потребности отдельных стран в мигрантах и, наоборот, в эмиграции.

По мнению Людмилы Вербицкой, основой интеграции должен быть

Директор Академии политического образования в Тутцинге (Германия) Урсула Мюнх

лингвоцивилизационный фактор: знание языка и культуры страны пребывания, при этом умение оставаться в рамках своей культуры, не навязывая ее коренному населению. В этом направлении экспертами прогнозируются следующие проблемы: мигранты, примером чего является Франция, могут отказываться говорить на языке страны пребывания, создавая свои анклав, а коренное население может выступать против их приема, что меняет природу современных демократий.

Как считает директор Академии политического образования в Тутцинге (Германия) Урсула Мюнх, в ФРГ именно сегодня происходит трансформация соотношения и совместимости демократии и миграции. Она получила название «эффект канцлера». Когда канцлер Меркель провозгласила политику открытых дверей для мигрантов, то до поло-

вины общества выступило против. И оно поднимает вопросы ограничения миграции, проведения референдума по введению квот на миграцию и изменения отношения понимания интеграции мигрантов и мультикультурализма. Как подчеркнула Урсула Мюнх, сегодня общественные настроения в ФРГ тяготеют к изменению законодательства в сторону ограничения и более жесткого регулирования потоков мигрантов, изменения понимания интеграции как ассимиляции, отказа от мультикультурализма и провозглашения межкультурного диалога с теми, кто не желает интегрироваться.

И власти ФРГ, в связи с войной в Сирии, ростом потоков мигрантов и беженцев из этой страны, а также мозаикой общественных настроений внутри Германии, вынуждены менять миграционную политику. Так, в 2015 году, по разным данным, ЕС принял от 900 тысяч и до 1,5 миллиона беженцев и переселенцев. Из них в Германии расселено до 200 тысяч человек: 40 тысяч человек получили статус беженцев и право проживания в ФРГ, 100 тысяч – на один год статус субординарной поддержки, включающей соцпакет и бесплатное изучение языка страны пребывания, после чего соцпакет будет снят, а специальная комиссия примет решение, достаточно ли знания немецкого языка для предоставления работы, нужно ли продлить курс по его изучению или отправить переселенца обратно в свою страну как не желающего вести межкультурный диалог.

Профессор Католического института Ренна (Франция) Иван Бло

Еще жестче обстоит ситуация примерно с 40 тысячами экономических переселенцев из Пакистана, Афганистана, Албании, Косово, Ирана, Турции и других стран, которые проникли с потоками сирийских беженцев в Германию. Им предстоит доказывать свою экономическую целесообразность пребывания в ФРГ и, если это удастся, способность к межкультурному диалогу или интеграции.

– Межкультурный диалог мы понимаем как уважение культуры страны пребывания и своей культуры, равно как и коренного населения, – сказала Урсула Мюнг, – но рамки межкультурного диалога, подразумевающего отказ от интеграции, подразумевают и возвращение мигрантов домой после истечения сроков контракта работы в стране пребывания.

СЕЛЕКТИВНЫЙ ПОДХОД К НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

Анри Парис, президент фонда «Демократия» (Франция), в общественный миграционный дискурс, который постепенно зреет в Евросоюзе, внес французский акцент.

– Мы должны не стесняться ввести понятие «террористическое измерение мигрантских потоков», – заявил он, – и таким «мигрантам» законодательно запрещать въезд в страну навсегда, передавая черные списки странам, принимающим мигрантов. Ольга Чудиновских, заведующая сектором лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ, предложила отказаться от политики открытых дверей для мигрантов в России, заменив их на миграционную политику «селективного подхода».

Председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая

– Это миф, будто сложно получить российское гражданство, – считает Ольга Чудиновских. – По разным каналам, инициируемым ФМС и федеральным правительством, гражданином России сегодня становятся в рекордные сроки – за год, полтора-два года. Это беспрецедентно рекордные сроки, что, как показывает практика, не только привлекает трудовые ресурсы, но и опасно для самоощущения нации. Снижается ценность российского паспорта, а вместе с ним отпадает необходимость длительного процесса адаптации к российским реалиям, которые у «скоропелых» граждан неизбежно вызывают разочарование и естественное отторжение. Поэтому не надо стесняться «селективного подхода», подразумевающего длительную процедуру получения гражданства. Именно она адаптирует будущего гражданина к культуре, традициям и социуму страны и в целом-то делает его гражданином или отторгает. В итоге эксперты международной научной конференции «Актуальные проблемы внешней миграции» признали, что предлагаемые в разных странах ЕС и в России меры по ограничению и регулированию потоков миграции ведут к ограничению демократии и наступлению на права человека. Однако, как заметили Анри Парис и заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН Владимир Зорин, предлагаемые «контурные» меры новой миграционной политики «развивают демократию эволюционным путем – для коренного населения укрепляя национальную безопасность стран пребывания мигрантов» и «дают новую гуманитарную составляющую».

Второй тезис Зорин объяснил отдельно. Он убежден, Евросоюз и Россия идут и придут к неизбежности создания совместного производства в странах, откуда к ним массово едут мигранты.

– Совместное производство, – считает Зорин, – еще один путь интеграции мигрантов в мировую экономику, но уже не в качестве переселенцев, а полноправных ее участников, что важно – у себя дома.

Исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин

130 МГНОВЕНИЙ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

АВТОР

ЛАДА
КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

НАКАНУНЕ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО РОССИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ, ПОЭТА И ЖУРНАЛИСТА КОНСТАНТИНА СИМОНОВА В МОСКОВСКОМ ФОТОЦЕНТРЕ НА ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ОТКРЫЛАСЬ УДИВИТЕЛЬНАЯ ВЫСТАВКА. ЗДЕСЬ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ МОГЛИ УВИДЕТЬ 130 ФОТОГРАФИЙ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА КОНСТАНТИНА МИХАЙЛОВИЧА СИМОНОВА.

Т Е ИЗ ГОСТЕЙ, КТО НЕ ПОЛЕНИЛСЯ И ПРИШЕЛ НА ВЫСТАВКУ «Жизнь Константина Симонova» пораньше, смог стать участником замечательного действия. Сын известного поэта и писателя, Алексей Кириллович

Симонов, рассказывал обступившим его журналистам о том, как, когда и при каких обстоятельствах были сделаны те или иные фотографии. «А! Это 1946 год! Америка, – останавливается Алексей Кириллович у очередного фото. – Рядом с отцом – вот, видите – главный доносчик процесса Маккарти – знаменитый американский актер Гарри Купер. А с другой стороны – писатель Джон Стейнбек, один из тех, кто во время этого процесса сильно пострадал. Но, кстати, пьеса отца «Русский вопрос» ему очень не понравилась. И, боюсь, он был прав. А вот обратите внимание на эти две фотографии. Мне очень приятно, что они находятся рядом. На одной Симонов с генералами и маршалами, а на другой – с солдатами – кавалерами трех орденов Славы. И что особенно приятно – отец разговаривал и с теми, и с другими на одном языке войны. Ему было легко с ними разговаривать».

Фотографии, развешанные по стенам центра, действительно удивительные: подавляющее большинство из них эксклюзивны и ранее никогда не публиковались. Здесь можно увидеть и детские фотографии поэта и писателя, и фотографии его родителей, его жен и детей, фронтовые снимки, фотографии из зарубежных поездок, со встреч с читателями и с выступлений. Отдельная стена отведена под фотографии

Алексей Симонов и исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин на открытии выставки

Константина Симонова, сделанные известным фотографом Яковом Халипом. «Он был, наверное, самым близким отцу фотокорреспондентом, – рассказывает Алексей Кириллович. – И, кстати, стихотворение «От Москвы до Бреста...» написано в машине, в которой отец ехал вместе с Халипом. «Если бог нас своим могуществом // После смерти отправит в рай...» написано на спор с Халипом. Отец поспорил, что сможет написать стихотворение о смерти так, что Халип будет смеяться. И спор он выиграл».

Кто-то из журналистов задал вопрос о дневниках Константина Симонова, которые обещали опубликовать через пятнадцать лет после его смерти. «Дневники? – переспросил Алексей Кириллович. – Отец никогда не вел дневников. То, что опубликовано как его дневники, это на самом деле его воспоминания, написанные на основании рабочих тетрадей. У него была феноменальная память. А что касается обещания... Речь шла о том, что через пятнадцать лет после смерти будет опубликован архив Симонова. И мы уже начали его публиковать. В этом году в журнале «Дружба народов» опубликованы письма отца к Брежневу, Демичеву и другим партийным начальникам».

На официальной церемонии открытия выставки «Жизнь Константина Симонова» директор Фотоцентра Валерий Никифоров поблагодарил фонд «Русский мир», «без которого эта выставка просто не состоялась бы». «Главная тема творчества Константина Михайловича – это, конечно, Великая Отечественная война, – отметил Валерий Никифоров. – И очень символично, что 100-летие со дня рождения Симонова совпало с 70-летием Великой Победы».

«Меня очень порадовал мой личный оператор, с которым я десять лет назад снял фильм про Константина Симонова. Фильм называется «КМ», – сказал в своем выступлении на открытии Алексей Симонов. – Он посмотрел на фотографии, которые мы отобрали для выставки, и спросил: а где же они раньше были? Почему не вошли в наш фильм? Надо сказать, что за последние пять-семь лет мы расширили представление о том, как ве-

Сын поэта рассказал, в каких обстоятельствах были сделаны некоторые фотографии

Алексей Симонов и директор Фотоцентра на Гоголевском Валерий Никифоров

лика симоновская фототека. Слава богу, что это так, потому что чем больше фотографий, тем увереннее мы будем хранить о нем память, тем интереснее нам будет это делать. Мой отец очень многое пытался сделать, многое сделал, но многое – не успел. Больше всего жаль того, чего он не успел. А лично мне больше всего жаль, что отец не успел посмотреть мою картину, которую я снял через четыре года после его смерти. Этот фильм для меня был очень важным элементом в наших с отцом отношениях, потому что про войну мы с ним поговорили бы совсем на другом уровне. Знаете, в одном из своих писем он написал следующее: «Меня спрашивают, почему я

все время пишу о войне. Да не пишу я о войне! Я пишу о проблемах, которые меня волнуют каждый день. Просто пишу я об этих вопросах на основе того материала, который лучше всего знаю. А лучше всего я знаю о войне».

«Безусловно, война была главной темой прозы и поэзии Константина Симонова, – подчеркнул в своем выступлении исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин. – Но в то же время все его произведения – еще и о долге, чести, совести. Когда сегодня перечитываешь, к примеру, «Живых и мертвых», рассказывающих о самом тяжелом периоде Великой Отечественной, начинаешь понимать, почему мы победили в той войне, да и во многих других. Потому что всегда, как у Симонова это прекрасно описано, всегда находились люди, которые честно выполняли свой долг. Замечательно, что эти фотографии дошли до нас, они дают хороший повод вновь перечитать произведения Константина Михайловича Симонова, которые сегодня, по-моему, стали еще более актуальны, чем несколько десятков лет назад».

130 фотографий для выставки «Жизнь Константина Симонова» были отобраны, по словам Алексея Кирилловича, из нескольких тысяч снимков.

НЕНАДЕЖНЫЙ ГОСПОДИН

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

ВЛАДИМИР ДЖУНКОВСКИЙ – СТРАННАЯ ФИГУРА. ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР МОСКВЫ, В ДНИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ ОН «ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ ХОДИЛ ОТ ТЮРЬМЫ К ТЮРЬМЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОСВОБОДИТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ». ДРУЖИЛ С ВОЙСКОВЫМИ КОМИТЕТАМИ И УЧАСТВОВАЛ В ВЫБОРАХ. В ТЕЧЕНИЕ ДВАДЦАТИ ЛЕТ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЖУНКОВСКИЙ СОТРУДНИЧАЛ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ, А В 1938-М БЫЛ РАССТРЕЛЯН В БУТОВЕ.

О ЗАБЫТОМ ПЕРСОНАЖЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ вспоминает кандидат исторических наук, автор книги «Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский» Анастасия Дунаева.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

– Джунковский возглавил Москву в период первой русской революции, спустя полгода после того, как московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, погиб от рук бомбиста Каляева. Какими были обстоятельства его назначения?

– Смерть великого князя стала трагедией для Владимира Федоровича, который был его адъютантом. Приехав на место взрыва через несколько минут, он помогал великой княгине Елизавете Федоровне собирать по кускам тело ее супруга, организовывал похороны и вовсе не думал, что станет губернатором. Он ждал, что его отправят в Преображенский полк, где он служил до приезда в Москву в декабре 1891 года. Но получилось так, что сначала его выдвинули на пост московского градоначальника (назначение не состоялось), потом вице-губернатора и исполняющего обязанности губернатора, и только в 1908 году императорским указом утвердили как московского губернатора.

– Обычно на эту должность царь назначал людей, которых знал лично и которым доверял...

– Царь знал Джунковского. Они вместе служили в Преображенском полку. В 1891–1905 годах Владимир Федорович был адъютантом московского генерал-губернатора – родного дяди Николая II, «князя Ходынского», великого князя Сергея Александровича. В этот период он проявил себя как товарищ председателя, а потом и председатель комитета Московского столичного попечительства о народной трезвости. В его ведении находились народные дома, в которых за очень низкую плату кормили, лечили и обучали беднейшие слои населения. Когда в 1905 году в Москве начались волнения, Джунковский обратился от имени комитета попечительства к рабочим с просьбой прекратить стачки. И его обращение возымело действие.

– Каковы были его первые шаги на новом посту?

– Джунковский считал, что беспорядки должны быть подавлены. Но ему лично не пришлось этим заниматься. Не было его именных приказов применять войска. А когда ситуация нормализовалась, первой его задачей было восстановить экономику губернии. Во-вторых, надо было завоевать доверие народа. Это стало его кредо как правителя Москвы. «Главной обязанностью администратора должно быть стремление приобрести не популярность, а доверие населения, – писал он в своих

Владимир
Федорович
Джунковский
{1865–1938}

Анастасия Дунаева, кандидат исторических наук, автор книги «Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский»

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Сергей Александрович (слева), адъютант великого князя В.Ф. Джунковский (справа во втором ряду) и другие гости на торжественном собрании в Елизаветинской гимназии. Москва. 1902 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мемуарах. – А для сего прежде всего необходимо внедрить в себе сознание, что не население существует для власти, а власть для населения».

– Владимир Федорович управлял губернией семь лет. Каким губернатором он был, какое наследие оставил?

– Джунковский возглавил губернию в период Столыпинских реформ, среди которых важнейшее значение имела аграрная. В 1910 году в Москву приезжал сам Петр Аркадьевич. Он инспектировал окрестные хуторские хозяйства и признал их образцовыми. Кроме того, при Джунковском в Москве пошли трамваи, была пущена Окружная железная дорога, развивалась авиация. В 1910 году он поднялся в воздух с Уточкинским, а за участие в перелете Москва – Петербург был избран председателем Московского

общества воздухоплавания. Вообще, он был человеком, который мало времени проводил в кабинетах. Много ездил, причем перемещался неформально: мог совершить неожиданный объезд на велосипеде. И он был доступен для людей. Раз к нему обратились кустари с просьбой выделить землю для организации ремесленного поселка. Они были мешане и по закону сами получить ее не могли. Джунковский добился выделения участка в районе современных Химок, артельщики организовали поселок и назвали его «Владимир Джунковский». Впоследствии он стал Джунковкой, сейчас – Фирсановка.

– В каких отношениях он был с тогдашними «олигархами» – Второвыми, Рябушинскими, Мамонтовыми?

– По своим политическим взглядам он был, скорее, центристом, но был открыт к общению с промышленной верхушкой и депутатами Государственной думы, учрежденной как раз в годы его губернаторства. При нем брат председателя III Государственной думы, октябриста Александра Гучкова, Николай Иванович, стал московским городским головой, с Родзянко Джунковский учился в Пажеском корпусе. В связи с этим представители правых партий обвиняли его в потакании либералам. Но сам он не думал о себе в таких категориях – либерал или консерватор. Он считал, что служит монарху, служит России.

– Известно, что Джунковский поддерживал Столыпина.

– Он отвечал за реализацию программы Столыпина в Московской губернии и, безусловно, относился к «бюрократам столыпинского типа». Но он был категорически против столыпинских военно-полевых судов. Считал, что не может государство, огромное по своим возможностям, нарушать права личности, и протестовал против казней по этим приговорам. В итоге экзекуциями в Московской губернии ведал градоначальник, Джунковский сделал все, чтобы не быть к этому причастным. Последнее подтверждают материалы уголовного дела, возбужденного большевиками в 1918 году. Его признали врагом советской власти, но ничего конкретного вменить не смогли.

– Наиболее заметным общественным событием времен губернаторства Джунковского было 200-летие Бородинской битвы в сентябре 1912 года. Каково значение этого празднования?

– После реформ Столыпина революционное движение пошло на спад. Изменился состав Думы, ее работа вошла в более или менее мирное русло. На этом фоне юбилей Отечественной войны 1812 года и последующие торжества 1913 года, связанные с 300-летием дома Романовых, преследовали цель сплотить нацию. Празднования начались с приезда царской семьи на открытие памятника

Александр III, затем переместились в Троице-Сергиеву лавру и, наконец, на Бородинское поле, где состоялся грандиозный парад при участии 100 тысяч человек. Я думаю, это было наградой Джунковскому за все его труды. Сын генерал-лейтенанта, сам генерал-майор царской службы, выпускник Пажеского корпуса, преображенец – он понимал, какая честь выпала на его долю в связи с тем, что он должен был обеспечивать это мероприятие. Джунковский лично участвовал в создании музея в Инвалидном домике, приобрел мебель и экспонаты, на свои деньги купил 12 сажень земли, чтобы обустроить дорогу от музея к Бородинскому монументу. В память об этом по просьбе жителей Можайского уезда и москвичей его портрет был «на вечные времена» размещен в Бородинском мемориале. Но в 1921 году его изъяли большевики.

– Этот юбилей стал своего рода «экзаменом» на следующий пост, и Джунковский выдержал его с успехом. В самом начале 1913 года его назначают товарищем (заместителем) министра внутренних дел и начальником Отдельного корпуса жандармов (шефом политической полиции империи). Он что-то делал для этого, интриговал?

– Джунковский не был интриганом, и это ему очень мешало. По рождению он с самого начала находился в привилегированном положении и мог сохранить свои лучшие качества. В 7 лет он был зачислен пажем к Высочайшему двору, в 11 поступил в самое престижное военное учебное заведение империи, Пажеский корпус, потом служил в Преображенском полку и был под покровительством великого князя Сергея Александровича. В 1905 году он вошел в императорскую свиту и, как дежурный флигель-адъютант, имел возможность общаться с Николаем II и членами императорской фамилии. Свой пост он получил не благодаря связям, а по представлению министра МВД Николая Маклакова.

– Главным мотивом нового назначения Джунковского была необходимость провести полицейскую реформу 1900–1910-х годов. В чем ее суть?

– В начале XX века в России было очень много разных полиций. Полиция делилась на общую и жандармскую, народную и политическую, конную, пешую, городскую, уездную, фабричную, железнодорожную, портовую, речную, горную. Существовали полиция волостная и сельская, мытная и полевая – для охраны полей и лесов. После революции 1905 года особую роль приобрели охранные отделения, которые подчинялись частью Департаменту полиции, а частью Отдельному жандармскому корпусу. Это двойное подчинение порождало множество конфликтов. Нужно было унифицировать систему, поднять статус полицейских, обеспечить их материально, повысить образовательный уровень, внедрить правовой императив в сознание нижних чинов.

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

– В этом Джунковский преуспел. За 1913–1914 годы он подчинил полицию и политический розыск Корпусу жандармов, закрыл районные охранные отделения, кроме трех – московского, петербургского и варшавского, упразднил агентуру в учебных заведениях и армии, запретил перлюстрацию и анонимки, добился, чтобы большевиков судили не военные суды, а гражданские. Сегодня эти меры оцениваются неоднозначно.

– В тот момент революционное движение пошло на спад. Это был период затишья, когда думали, что революция завершена. Если бы не война, так могло бы и быть. Департамент полиции постепенно переводил систему политического розыска на дореволюционные рельсы. Еще до Джунковского охраны стали вливать в губернские жандармские управления. То есть мы не можем сказать, что инициатива их закрытия принадлежала ему. Он был одним из тех, кто довел этот процесс до логического конца.

– Следующий пункт – демонтаж агентурной сети. Полиция вербовала сотрудников из числа учащихся средних и высших учебных заведений, на предприятиях, в армии. Джунковский эту структуру упразднил. Зачем?

– В средних учебных заведениях агентура была запрещена. Ее внедрение было явным нарушением закона. В своих мемуарах Владимир Федорович вспоминает о «Витмеровском деле» – аресте учащихся гимназии Витмера во время тайного собрания. О сходке полицию предупредили провокаторы из гимназистов. История получила огласку, по ее поводу был сделан запрос в Государственную думу. Вряд ли такие скандалы способствовали укреплению власти. Джунковский считал безнравственным заставлять детей доносить друг на друга. И относительно агентуры в армии он думал так же. Солдат не может доносить на солдата – это противоречит понятию о воинской чести. Но агентура в армии не была упразднена полностью. Остались соглядатаи из «вольного состава», которые были не менее эф-

Великий князь цесаревич Николай Александрович и его друзья из Преображенского полка у полкового офицерского клуба в летнем лагере императорской гвардии в Красном Селе. Крайний слева – В.Ф. Джунковский

Приезд московского губернатора В.Ф. Джунковского (в первом ряду в середине) в Богородск Московской губернии на храмовый праздник 6-й Отдельной Донской казачьей сотни 5 октября 1912 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

фективны. Точно так же и в средних учебных заведениях действовали агенты из обслуживающего персонала.

– *Некрасиво следить за террористами, которые мечут бомбы, за агитаторами, которые провоцируют неподчинение властям...*

– Агитировали, потому что нелегки были условия службы. Когда начались беспорядки на судах Балтийского флота, контрразведка пригласила начальника Кронштадтского жандармского управления для выяснения причин. И этот офицер, ротмистр В.В. Владимиров, писал, что главная причина волнений на флоте не упразднение агентуры, а «неумение и нежелание морских офицеров подойти ближе к нижним чинам, руководить их мыслями и посвящать хотя бы небольшое время внеслужбным беседам с ними».

– *Одна из «побед» Джунковского на посту товарища министра – дело Малиновского. Что это за персонаж? Почему за него так сражались чиновники?*

– Это был видный деятель РСДРП, глава большевицкой фракции в Государственной думе, ее главный оратор, любимец Ленина, который, говорят, доверял ему редактировать свои речи. При этом Малиновский был агентом охраны, который отрабатывал задание по развалу партии. Его внедрением в Думу руководил лично директор Департамента полиции Степан Белецкий.

– *Это была сложная операция. Как можно было вот так просто все сдать?!*

– Малиновский стал неуправляем. Не только Джунковский, многие в Департаменте полиции считали, что он работает уже не на государство, а на революционеров. К тому времени у российского МВД уже был печальный опыт использования провокаторов: истории убийцы Столыпина Богрова и Азефа. И в мае 1914 года Джунковский рассказал о Малиновском Родзянко. Тот поделился новостью с газетами, и она стала достоянием широких кругов.

– *В 1915-м Джунковского с треском увольняют из МВД. История увольнения тоже неоднозначная. Формальным поводом для него стала записка о Распутине, которую он представил Николаю II. Но есть мнение, что он впал в немилость за то, что скрыл от царя заговор думцев, которые хотели сменить правительство.*

– Причиной отставки был доклад о Распутине. Джунковского беспокоило ослабление императорской власти слухами вокруг Григория Александровича. Он следил за ним и подготовил доклад о его бесчинствах в марте 1915 года в московском ресторане «Яр».

– *Он действовал сам или был в числе заговорщиков – убийц Распутина?*

– Джунковский считал убийство Распутина не только преступлением, но и колоссальной ошибкой. Он даже выразил соболезнования княгине Юсуповой по поводу участия в заговоре ее сына. Да, он следил за Григорием, но не чтобы убить, а чтобы собрать сведения для доклада. Он недооценил, что его подчиненный и главный оппонент в МВД, шеф Департамента полиции Степан Белецкий, сам сдружился с Григорием Александровичем, а главное – с фрейлиной императрицы Анной Вырубовой. И за это поплатился.

– *Записку о Распутине Джунковский представил императору лично?*

– Да. Это случилось в мае 1915 года, когда в Москве произошли антигерманские погромы. Джунковский был вызван к императору для доклада. Одновременно он сообщил ему о Распутине, и не только об оргии в «Яре», но и все сведения, которые накопились к тому времени. Тем не менее его участие в антираспутинском заговоре – это миф, и я как раз пишу об этом в своей книге. Вообще, есть два главных мифа о Джунковском: один – что он упразднил агентуру в армии, второй – что специально дискредитировал Распутина, чуть ли не выполняя масонский заговор по развалу империи.

Товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, старшина купеческого сословия С.А. Булочкин и другие почетные гости в президиуме заседания по случаю 50-летнего юбилея Московского купеческого общества. Декабрь 1913 года

– После марта 1917 года для Джунковского началась новая жизнь. Чиновников его ранга расстреляли в Петровском парке в сентябре 1918 года. Всего их было более 80 человек, в том числе бывший начальник Джунковского министр Маклаков и шеф полиции Белецкий. Первый молчал на допросах, второй сотрудничал со следствием. Джунковский пережил их на двадцать лет и даже получил от Советов пенсию в 3270 рублей. Его сестра Евдокия, бывшая фрейлина двух императриц, умерла своей смертью. Как им удалось так устроиться?

– Люди, о которых вы говорите, попали в Петропавловскую крепость еще при Временном правительстве. То есть не большевики их туда засадили. И только когда начался красный террор, их приговорили к смерти. Что касается Джунковского, он в ту пору был на фронте. После отставки с поста товарища министра в 1915 году он мог, конечно, остаться в Петербурге. Благодаря истории с докладом о Распутине вокруг него поднялся ажиотаж. Гучков ему писал: «Вы им не нужны, но нам вы нужны». Он был на пике популярности, мог войти во Временное правительство. По крайней мере, он был в списках Министерства народного доверия как товарищ министра внутренних дел. Но он принимает решение идти на фронт, то есть вообще выпасть из политики.

– На фронте Джунковский быстро наладил отношения с войсковыми комитетами. Был даже карьерный рост: после Февральской революции он получил звание генерал-лейтенанта.

– Он действительно установил контакт с солдатами. С ним считались, до определенного момента он поддерживал порядок в своем корпусе. Когда осенью 1918 года он уехал в отпуск, корпусной комитет его ждал обратно. Должны были состояться выборы командира корпуса, его собирались переизбрать.

– Он не хотел эмигрировать?

– До сентября 1918 года он жил в Петрограде и, судя по всему, об отъезде не помышлял.

– А он понимал вообще, что происходит в стране? В Петровском парке казнили 80 его коллег, которых он знал лично. Какое-то впечатление на него это произвело?

– Он о советском периоде вообще не пишет. Мемуары заканчиваются его выходом на пенсию в декабре 1917 года. Но он оставляет такую фразу: «Писать дальше я не могу, мне очень тяжело. Может быть, если Господь сохранит мне жизнь, я продолжу этот труд». Они с сестрой сложно жили, голодали, продавали ценности, мебель. В конце концов Джунковский не выдержал и в ноябре 1918 года поехал к родственникам на Украину. Как пишут, хотел бежать, но вряд ли это возможно, потому что в Москве оставалась его сестра Евдокия, которую он никогда не оставил бы одну, и вторая сестра, Ольга. И вот его забирают по дороге как бывшего товарища министра. Какое-то время он проводит в смоленской ЧК, затем начинается процесс Малиновского, и по этому делу его привозят в Москву. Он участвует в трибунале, дает показания и все это время остается под арестом в тюрьме.

– Чем закончился процесс?

– Малиновского расстреляли, а Джунковский остался в тюрьме – уже по другому делу, как бывший московский губернатор. Был приговор: как убежденный монархист, он является врагом советской власти. Однако его не расстреляли, в суд пришли жители Московской губернии, служащие Попечительства о народной трезвости, солдаты. Джунковского пришли защищать большевики! Чуть ранее, в декабре 1918 года, было коллективное письмо артистов – Книппер-Чеховой, Неждановой, Ермоловой и других – в управделами Совнаркома в его защиту.

– В 1919 году Джунковского приговорили к пяти годам лагерей без права амнистии. Но через год освободили...

– Он сильно болел, что подтверждают свидетельства врачей. К тому времени он был инвалидом. Кроме того, Гражданская война заканчивалась, и он попал под амнистию.

Адъютант Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича В.Ф. Джунковский в костюме боярина XVII века. На костюмированном балу в Зимнем дворце в феврале 1903 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

– Как же так выходило, что к нему то и дело подбирались и тут же отпускали?

– Предполагают, что он мог находиться под чьей-то защитой. По этому поводу нет документов, но какие-то связи проследить можно. В Пажеском корпусе историю преподавал профессор Рудольф Менжинский – отец большевика Вячеслава Менжинского. Известно, что в 1933 году Джунковский встречался с Паукером – начальником оперативного отдела ОГПУ, в ведении которого находилась личная охрана Сталина. Он был подчиненным Менжинского.

– Как бы то ни было, в 1920-м Джунковского досрочно освободили и даже привлекли к участию в операции «Трест».

– Материалы «Треста» недоступны, они до сих пор не рассекречены. Но я общалась со специалистом по этому вопросу – кандидатом исторических наук, президентом Общества изучения истории отечественных спецслужб Александром Здановичем. Он эти документы видел и отрицает участие Джунковского. Я тоже считаю, что это легенда. Она появилась в комментариях американских ученых Т. Эммонса и С.В. Утехина к дневнику Ю.В. Готье. Есть также статья американского ученого Ричарда Робина «Был ли Джунковский отцом «Треста». Но эта гипотеза не имеет фактического подтверждения.

– О Джунковском также говорят, что он встречался с Дзержинским. И это миф?

– Документальных свидетельств его общения с Дзержинским нет, но сохранилось письмо, кото-

рое Джунковский написал ему из Бутырки. Оно не окончено, может, это черновик, может, оно и не было отправлено... Кроме того, существует протокол показаний Джунковского, которые он давал после своего второго ареста, в 1937 году. На вопрос: «Когда и зачем вы вызывались в органы ОГПУ НКВД?» – он отвечает: «Я в ОГПУ вызывался 3 раза, первый <...> в 1928 году к сотруднику ОГПУ Андреевой по вопросу о приездах иностранцев, Андреева интересовалась, какой был порядок приезда иностранцев до 1917 года. Причем во время беседы с Андреевой присутствовал еще один сотрудник ОГПУ (фамилию его не знаю, с 4-мя ромбами). Второй раз <...> в 1932 году к Андреевой и этому же сотруднику, к которому я вызывался в 1928 году, но беседы у меня с Андреевой не было, т.к. она меня отвела в другой кабинет к Михайлу Сергеевичу (фамилии его не знаю) <...> беседа у меня с Михаилом Сергеевичем длилась до 4 часов по вопросу о паспортной системе. Третий раз я был вызван в 1933 году в ОГПУ к Михайлу Сергеевичу по вопросу о структуре министерства внутренних дел, где я давал подробную информацию о структуре министерства внутренних дел и по вопросу охраны при путешествиях на железных дорогах императора. Больше я в ОГПУ-НКВД не вызывался».

– 2 июня 1918 года главный редактор стенографического отчета ЧСК Временного правительства Александр Блок записал в своем дневнике: «В.Ф. Джунковский. 5 февраля 1913 г. – 19 августа 1915 г. – товарищ министра внутренних дел <...>. Погонь генерал-лейтенанта. Теперь начальник 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Неинтересное лицо. Голова срезана <...> Лоб навис над глазами, усы жесткие». И тут же, следующей строкой: «Нет, лицо значительное. Честное. Глаза прямые <...>. Прекрасный русский говор». То есть на Блока Джунковский произвел противоречивое впечатление...

– Я тоже через это прошла, когда писала диссертацию. Сначала я думала, что он действительно способствовал ослаблению государственной безопасности России. Но мое исследование показало, что это не так. Даже если у него были какие-то заблуждения, тот посыл, который он нес, – патриотизма, законности, милосердия – очень важен для нас сегодня. Моя книга о Джунковском – это только начальный этап, научный, это попытка вернуть ему его доброе имя. В 2013 году, 26 февраля, в день расстрела Владимира Федоровича, сотрудники Бутовского мемориала, Можайские краеведы, москвичи отслужили панихиду в храме Новомучеников и исповедников российских и возложили цветы на Поклонной горе. Но то была разовая акция, приуроченная к 75-летию смерти Джунковского. Сейчас эта инициативная группа обратилась в мэрию с просьбой назвать в его честь улицу и поместить памятную доску на доме, где он жил, когда был московским губернатором. Это дом 20/21 по Тверской, здесь находилась его резиденция в 1905–1913 годах. ❶

Чешская
дружина
в 1914 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ИСПИТАЯ ЧАША

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В КАНУН НОВОГО, 1916 ГОДА В РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ПОЯВИЛСЯ И НОВЫЙ ПОЛК. СОБЫТИЕ САМО ПО СЕБЕ НИЧЕМ НЕ ВЫДАЮЩЕЕСЯ. ПОСЛЕ ОЧЕРЕДНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ, РАЗВЕРНУТОЙ ВЕСНОЙ 1915-ГО, КОЛИЧЕСТВО ТОЛЬКО ПЕХОТНЫХ ПОЛКОВ ПЕРЕВАЛИЛО ЗА ПОЛТЫСЯЧИ. ОДНАКО Ж ЭТО НОВОЕ СОЕДИНЕНИЕ БЫЛО ВЕСЬМА НЕОБЫЧНЫМ, И НАЗЫВАЛОСЬ ОНО – 1-Й ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК ИМЕНИ ЯНА ГУСА.

ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ, чехов и словаков на поле брани давние и изрядно запутанные. Мы дрались друг с другом, дрались плечом к плечу, бывало, на одной войне делали и первое, и второе. Причин хватает, но две стоит выделить особо. В XVI веке Чехия потеряла независимость и вошла в состав Австрии. Окончательно это положение было закреплено после пораже-

ния на Белой горе рядом с Прагой в 1620 году, после которого чешские земли и народ три века жили под короной австрийских Габсбургов. История независимой Словакии, она же – Великая Моравия, еще печальнее: в течение тысячелетия словацкие земли частично или полностью попадали под руку то венгерских королей, то османских султанов, то австрийских императоров. Довольно сказать, что

в XVI веке столицей Венгрии стала... Братислава.

Чужая власть заставляла чехов и словаков воевать за ее интересы. Так, в Великой армии Наполеона, вторгшейся в Россию в 1812 году, находилось более 40 тысяч подданных австрийской короны. Во Второй мировой войне Словакия помимо собственной воли оказалась среди сателлитов Третьего рейха. И пусть ее крохотная армия в боевых действиях против СССР не участвовала, сам факт союзничества с немцами оказывал определенное влияние на ситуацию.

В Первой мировой войне множество чехов и словаков было вынуждено отправиться на Восточный фронт в составе австро-венгерской армии и воевать против русского народа. Иначе откуда б взялся нетленный герой Ярослава Гашека – браваый солдат Швейк, уроженец и житель Праги? Да и сам писатель облекся в военную форму и воевал на востоке, пока не попал в плен.

Вторая причина – наше этническое родство. То самое славянское братство! В тяжелое время оно нет-нет да и брало верх над всем остальным.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«РУССКИЕ ЧЕХИ»

«Русскими чехами» в начале XX века называли в России тех чехов и словаков, что прочно осели в пределах империи, занимаясь торговлей, производством, службой в образовании и финансах. Немалое их число трудилось на земле. А всего таких «русских чехов» насчитывалось свыше 100 тысяч. Кто-то, как владелец музыкального магазина и мастерской по ремонту инструментов в Киеве Игнат Йиндржишек, задолго до начала Первой мировой принял православие и русское подданство. Но большинство чехов и словаков об этом как-то не задумывались. Жили себе и жили. Задуматься пришлось после того, как 28 июня 1914 года в боснийском Сараево был застрелен австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд. Через месяц началась война, и военнообязанные подданные вражеской

державы Австро-Венгрии подлежали интернированию, многим грозила конфискация имущества и ущемление в правах. В подавляющем большинстве «русские чехи» не желали оставлять Россию и уж тем более, оказавшись дома, быть призванными и воевать против нее. Господин Йиндржишек был упомянут не просто так. 8 августа 1914 года в зале Купеческого собрания набралось более 3 тысяч человек – чехов и словаков. Основной лозунг: «русских чехов» больше нет, есть просто чехи! И эти «просто чехи» готовы начать записываться добровольцами в Русскую армию, желают коллективно принять российское подданство, согласны приступить к сбору средств для открытия в Киеве госпиталя. Вел собрание гласный городской Думы, купец 2-й гильдии Йиндржишек.

Члены Санкт-Петербургской чешской общины после торжественного принятия православия 3 августа 1914 года. Торжество происходило в Казанском соборе и совершено было архиепископом Геннадием в сослужении с настоятелем Казанского собора протоиереем Ф. Орнатским

Киевское собрание чехов и словаков стало ответом на события, происшедшие тремя-двумя днями ранее в Петербурге и Москве соответственно. 4 августа многие чехи, жившие в столице, написали заявления о смене подданства на российское. На следующий день они вышли на Невский проспект и прошли демонстрацией от памятника Екатерине II до Зимнего дворца. Все лозунги были пророссийские. Кроме того, судя по транспаранту с надписью «Братья, освободите чехов!», богемские и моравские славяне России уже задумались о послевоенном устройстве Европы. В случае победы Антанты они могли рассчитывать на восстановление независимости их стран.

6 августа шествие чехов и словаков прошло в Москве. Под красно-белым чешским флагом сотни людей шли на Красную площадь, по которой ожидался проезд императора Николая II, прибывшего в Первопрестольную. И сам государь, и люди свиты по дороге в Кремль через Спасскую башню не могли не заметить плакатов и растяжек на чешском и русском языках, взвившихся над толпой у памятника Минину и Пожарскому.

Чехи и словаки вышли на улицы и в других крупных городах, где проживали внушительные диаспоры. Результатом этих событий стала аудиенция, данная Николаем II группе чехословацких народных парламентариев. И – приказ военному министру Владимиру Сухомлинову отдать распоряжение о формировании в России первой воинской части из добровольцев – Чешской дружины. Это произошло 20 августа. В тот же день начальство Киевского военного округа получило соответствующее поручение. Этот округ выбран был неслучайно. От чехов и словаков надеялись получить больше пользы на юго-западном направлении, так как вело оно в их исконные земли и основным противником там были австро-венгерские части.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Патриотическая демонстрация чешской диаспоры в Москве в августе 1914 года

ЧЕШСКАЯ ДРУЖИНА

В приказе, отправленном в КВО, Сухомлинов писал обтекаемо: «Формировать один или два полка, или в зависимости от числа добровольцев батальон хотя бы из двух рот. Употребление не боевое, а из-за политических соображений, и с ориентацией на будущее восстание постоянной и прочной организации не придавать, ибо в дальнейшем будут действовать отдельными партиями. Формировать без пулеметных команд и связи...» Короче, не без традиционной армейской смекалки в стиле «стой на месте, иди сюда». Видать, военный министр в начале войны сам еще до конца не понимал, на что могут сойдиться эти добровольцы. Далеко не все из братьев-славян имели хотя бы минимальную военную подготовку, не все хорошо знали русский язык, не имелось среди них опытных офицеров...

Потому-то и приступили к делу с излишней аккуратностью. Сразу появились обязательные требования. Каждый вступающий в дружину обязан был взять российское подданство. Все офицеры в части – русский кадр. Командование ведется только на русском языке. По части дисциплины очевидно переборщили. Первым командиром дружины был назначен полковник Людвик Лотоцкий. Редкое, надо признать, имя для кадрового русского офицера. Не оно ли подвигло больших начальников на столь странный кадровый выбор? Дело в том, что полковник командовал дисциплинарным батальоном в городке Дубно и был мало приспособлен для работы с обычными солдатами. «Дисбат» – это совсем другие навыки. К тому же Лотоцкий прихватил с собой из Дубно нескольких самых опытных унтер-офицеров. И этот опыт не заставил себя ждать на практике. Унтеры привыкли учить штрафников – криком, руганью, а то и руку прикладывая. А тут против них были

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

28 сентября 1914 года, в День покровителя Чехии святого Вацлава, дружинники приняли присягу на Софийской площади Киева

вчерашние купцы, банковские служащие, учителя, инженеры. А им даже в свободное от службы время запретили посещать увеселительные заведения и рестораны, даже – в парках гулять.

В качестве оправдания жестких требований командования можно привести только один серьезный аргумент. В штабах опасались, что в этих самых заведениях, равно как и на парковых аллеях, между чехословаками и русскими офицерами могут возникнуть серьезные конфликты. Добровольцы получили очень красивую военную форму, сильно напоминающую форму лейб-гвардии 3-го стрелкового Его Величества полка. Но носить ее, понятное дело,

пока не научились. Да еще втыкали по славянской традиции под кокарду липовые веточки. Кадровые офицеры и старые солдаты, коих скопилось к этому времени в Киеве без числа, таких вольностей, мягко говоря, не понимали. Не выучившие еще уставов добровольцы путались в сложной армейской субординации, как писал в мемуарах один из них, «не знали, где заканчивались благородия, а где начинались высокоблагородия, не говоря уже о превосходительствах и высокопревосходительствах. Случалось, что обыкновенному прапорщику парни становились во фронт, а генералу отдавали честь лишь слабым махом руки...». Конфликт мог вспыхнуть в лю-

Чешская дружина во время учебных сборов в окрестностях Киева. 6–8 октября 1914 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бой момент и по любому поводу. Но, по большому счету, все обошлось. «Нехорошего полковника» вскоре заменили другим – подполковником Иосифом Созентовичем, артиллеристом по военному образованию, кавалером нескольких орденов и Золотого оружия. Отправляясь в Киев, подполковник встретился с «московскими чешками», которые вручили ему вышитое ими дружинное знамя. С одной стороны оно было в символикe Чехии, с другой – России. На чешской стороне была вышита корона святого Вацлава, символ чешской государственности.

28 сентября, в День святого Вацлава, 1070 солдат, включая полторы сотни нестроевых, при 34 офицерах на Софийской площади Киева приняли присягу. К слову, среди офицеров уже имелось 8 представителей чешского этноса. Еще перед началом формирования дружины без лишнего шума было принято решение о переаттестации тех добровольцев, которые когда-то служили в австро-венгерской армии и имели офицерский чин. Вот откуда взялись в строю надпоручик, четыре подпоручика и три прапорщика.

ПОРОТНО И ПОВЗВОДНО

В 3-й армии Юго-Западного фронта, наступавшей осенью 1914 года в Галиции, куда угодил Чешская дружина, быстро сообразили, как эффективнее использовать неумелых в военном отношении, но имеющих другие неоспоримые преимущества братцев. Знание языков, бытовых привычек, армейских обычаев противника, природная привычка к ландшафту и климату, близким землям Чехии и Словакии, – все это неопределимые качества для разведчика. Батальон – а дружина по численности соответствовала русскому пехотному батальону – разбили на роты и взводы. А затем разбросали по всей линии фронта, занимаемой армией генерала Рад-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Радко Дмитриевич Радко-Дмитриев (1859–1918), генерал-адъютант, генерал от инфантерии

ко-Дмитриева. Любопытно, что болгарин Радко Дмитриевич Радко-Дмитриев в Русскую армию угодил, как и чехословаки, с началом войны. Будучи болгарским посланником в Петербурге, он, памятуя о службе в русских уланах во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и годах учебы в Николаевской военной академии, тут же вступил в Русскую императорскую армию. И без всяких придворных сантиментов был отправлен на фронт.

Карел Вашатко (1882–1919), самый отличившийся чешский солдат

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Первые успешные бои и первые потери пришлось на начало ноября. Во время разведки в стычке с 40 венгерскими гусарами 23 разведчика отбились, уничтожив шесть противников, включая офицера. Да еще взяли несколько пленных. На следующий день в бою с австрийскими пехотинцами погибли трое дружинников и трое пропали без вести. «Пропал без вести» – это не всегда означало, что человек физически исчез и никто не видел как. Утонул в реке при ночной переправе, погребен прямым попаданием тяжелого снаряда, умер в окружении от ран... Это еще и плен, когда едва плененного, еще не занесенного ни в какие списки, но уже лишенного документов и знаков различия, расстреливали или закалывали без суда и следствия. Именно такая судьба была уготована чехословакам дружины при попадании в плен. Австрийцы не считали их военнопленными, они считали их изменниками родины.

Джур Ивикилич в списки пропавших без вести не попал. Он погиб в том самом бою с австрийцами. Погиб первым из личного состава Чешской дружины. Правда, никакой он не чех и не словак. Черногорцем был Джур, черногорцем.

Подразделения дружины действовали настолько успешно – и во Второй Галицийской битве, и в сражении за Карпаты, – что командование Юго-Западного фронта обратилось в Ставку Главковерха с просьбой организовать формирование других чехословацких частей. Об этом, в частности, писал наверх тот самый командующий 3-й армией Радко-Дмитриев. О том, как воевали добровольцы, лучше других свидетельствует история Карела Вашатко. Управляющий имением на Волыни, выпускник Карлова университета Праги по философскому факультету прибыл в дружину в начале сентября 1914 года. А в августе 1916-го он уже был кавалером Георгиевского банта. До «пол-

ного банта» – четыре Георгиевских креста и четыре Георгиевские медали – ему не хватило только одной награды. Но отсутствие Георгиевской медали 1-й степени он впоследствии компенсировал офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. А кроме того, уже служа Российской республике при Временном правительстве после февраля 1917 года, был награжден Георгиевским крестом с лавровой ветвью. Итого – 10 георгиевских наград. Знаточи до сих пор спорят, не был ли Карел, которого на фронте русские солдаты быстренько переименовали в более привычного Кирилла, самым-самым из всех георгиевских кавалеров Первой мировой войны. Вашатко так и не смог вернуться в родную Чехию. В разгар Гражданской войны в России умер от старой раны в голову, полученной в боях под городком Зборов в 1917 году. Из Челябинска его прах перевезли в Прагу, где и перезахоронили в 1935 году в Пантеоне национальной славы.

ИЗ ПОЛКА В ДИВИЗИЮ

За 16 месяцев боев – с ноября 1914-го по февраль 1916-го – чины дружины были награждены более тысячи раз. Поэтому преобразование части в полноценный двухбатальонный стрелковый полк (а стрелковые полки, в отличие от пехотных, почти всегда состояли из двух батальонов. – Прим. авт.) в конце декабря 1915 года стало и фронтовой необходимостью, и признанием заслуг чехословаков. Тем более что недостаток в добровольцах не было. Простая арифметика: из 100 тысяч чехов и словаков, живших в России перед войной, теоретически взять в руки оружие и сражаться в регулярной армии могли тысяч двадцать. Выходит, даже в момент образования Чешской дружины на фронт ушел каждый двадцатый. По самому скромному счету. Для добровольческих формирований это очень много. Особенно если

Санитары 1-го
Чехо-Словацкого
полка у Зборова.
1917 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

учесть, что значительная часть чехов и словаков перед войной уже имела русское подданство и призывались они на общих основаниях.

Однако «русские чехи» – это не единственный резерв для пополнения редевших рот. Одно из самых успешных действий дружины на фронте – агитационная работа. Не являлось секретом, что «австрийские чехи и словаки» с большой неохотой воевали в рядах австрийской армии. Вспомним уже упомянутого бравого солдата Швейка. И «наши» чехи использовали этот фактор по полной. Есть много примеров, как австрийские солдаты чешского и словацкого происхождения сдавались или переходили на нашу сторону только потому, что с ними – из окопа в окоп – побеседовали дружинники. Были случаи, когда сдавались целыми частями. Например, в мар-

те 1915 года так произошло с двумя батальонами кадрового полка – Императорского 28-го пехотного, который в просторечии называли «Пражские дети». Пока на русскую сторону переходили ополченческие части, бывало, целыми полками, австрийское командование это как-то терпело. Но после сдачи в плен «Пражских детей» выпустило циркуляр, строго-настрого запрещавший формировать части по этническому признаку. С этого момента батальоны стали «винегретом», в который смешивали славян, мадьяр и австрийцев. Эта мера позволила избавиться от тотальной сдачи в плен, но резко ухудшила ситуацию в полках. Солдаты и унтер-офицеры частенько не понимали друг друга, так как знали только родной язык. А венгерский, как известно, радикально отличается от немецкого и чешского.

Понятно, что состав добровольных пленных был неоднороден. Кто-то не хотел воевать за Австрию, кто-то вообще не хотел воевать. Для отбора добровольцев из числа пленных в 1915 году был создан «Союз чешских обществ в России», он и стал тем фильтром, который отбирал солдат для чешских частей. А их количество в Русской армии постепенно росло. В апреле 1916 года полк имени Яна Гуса был развернут в бригаду. В ее составе помимо гуситов,

Образ
Швейка,
созданный
Йозефом
Ладой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

именовавшихся теперь полком имени святого Вацлава, сражавшихся теперь на Северо-Западном фронте, вел боевую работу в привычной Галиции полк имени Кирилла и Мефодия. Военачальники по-прежнему оценивали действия чехословаков крайне высоко. Не склонный к лишним восхвалениям, ревниво относившийся к чужим успехам генерал Алексей Брусилов писал: «Они великолепно сражались у меня на фронте. Во все время они держали себя молодцами. Я посылал эту дружину в самые опасные и трудные места, и они всегда блестяще выполняли возлагавшиеся на них задачи».

Эти слова относятся к периоду подготовки к знаменитому Луцкому прорыву лета 1916 года, когда Русская армия нанесла противнику крупное, но последнее поражение. И Чехословацкая бригада добровольцев этому поражению способствовала в полной мере. Строго говоря, она уже и не была добровольческой. А превратилась в полноценное соединение, в котором права солдат и офицеров полностью соответствовали правам их коллег из Русской императорской армии.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

Чешская дружина превратилась в полк, а вскорости – в бригаду, когда ею командовал полковник Вячеслав Троянов. Боевой офицер, прошедший русско-японскую войну, кавалер ордена Святого Георгия и других шести боевых орденов, именно он превратил добровольческую часть в полноценное боевое соединение. И именно он повел его в последнее сражение Первой мировой войны в составе Русской армии. Это случилось во время летнего наступления 1917 года, когда она, разваленная совместными усилиями Временного правительства и партии большевиков, оказалась неспособна не только наступать, но хотя бы держать фронт. В этих условиях – при обнаженных флангах, брошенных

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВЫМ

соседями; в отсутствие артиллерийской поддержки; без пулеметов, испорченных тыловыми провокаторами, – бригада, имея всего 3,5 тысячи штыков, пошла в атаку под украинским Тарнополем. Была потеряна треть личного состава, но позиции австрийцев – прорваны, в плен захвачено более 3 тысяч человек. Этот бой вошел в историю Первой мировой войны как сражение у Зборова.

А потом под ударами немцев и австрийцев фронт покатился на восток, вглубь Украины.

7-я рота 1-го Чехо-Словацкого стрелкового полка в окопах под Зборовом. 1917 год

Вячеслав Платонович Троянов (1875–1918), полковник, кавалер ордена Святого Георгия

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВЫМ

2-й полк Чехословацкой бригады оказался в окружении. Уцелевшие потом рассказывали, что солдаты, расстреляв все патроны, добровольно уходили из жизни, положив под голову гранату. Боялись не смерти. Боялись того, что, если враг победит в войне, опознанные им тела позволят найти родственников в теперь уже далеких богемских и моравских землях.

В 1917–1918 годах политические и общественные организации чехов и словаков развили бурную деятельность не только в России, но и в других странах Антанты. Все делалось ради одного: добиться после войны возрождения чешской и словацкой независимости, создать единое государство – Чехословакию. На передовой, под ударами врага солдаты 1-й Чехословацкой дивизии, преобразованной осенью 1917 года в Отдельный корпус числом в 39 тысяч штыков, вряд ли знали о политических перипетиях в европейских столицах, о борьбе различных партий, о будущем, которое их ждет. Они – дрались! Дрались с Георгиевскими крестами на груди и с изображением гуситской чаши на погонах. Той самой чаши, что была религиозным символом борьбы чехов против Священной Римской империи еще в XVI веке...

3 марта 1918 года в Брест-Литовске представителями германского командования и Советской России был заключен сепаратный мир. Спустя пять дней восточнее Киева, города, в котором возникла Чешская дружина, Чехословацкий корпус принял пятидневный бой у города Бахмач. Уже не было Русской армии. Уже не было прежней России. Но война продолжалась. Чешские и французские политики договорились, и корпус включили в состав французской армии. Даром что он находился в тысячах километров от Парижа и Вердена. И корпус дал германцам последний бой, не желая опускать знамена перед все еще недобитым врагом. ❀

ДНЕВНИК ФАБРИКАНТА

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ, ЗАВЗЯТЫЙ ТЕАТРАЛ И ТОНКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ ЖИЗНИ, КОТОРЫЙ БОЛЕЕ СОРОКА ЛЕТ ВЕЛ ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК...

ГЕРАСИМ ИВАНОВИЧ ХЛУДОВ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОДНОЙ ИЗ БОГАТЕЙШИХ СЕМЕЙ РОССИИ – ОСТАВИЛ НАМ ПОДРОБНУЮ ЛЕТОПИСЬ, БЛАГОДАРЯ КОТОРОЙ МЫ МОЖЕМ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С БЫТОМ, УЗНАТЬ О ЧАЯНИЯХ И БЕСПОКОЙСТВАХ КУПЦОВ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В XIX ВЕКЕ.

ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны 1812 года родители Герасима Ивановича Хлудова переселились в Москву из Егорьевского уезда Рязанской губернии. Согласно семейной легенде, произошло это в 1817 году. Главе семейства, Ивану Ивановичу Хлудову, исполнился в тот момент 31 год, его супруга, Меланья Захаровна, достигла 33-летия, сыновьям Тарасу и Савелию было соответственно 11 и 12 лет, а дочери Татьяне – 5.

До того как перебраться в Москву, Иван Хлудов со своими родителями числился экономическим крестьянином деревни Акатово Егорьевского уезда Рязанской губернии (сейчас это Московская область. – Прим. авт.). Это зафиксировано в ревизских сказках – документах регулярных переписей населения для сбора налогов. Так называемые экономические крестьяне принадлежали государству, то есть должны были платить ежегодный денежный оброк в каз-

ну. Экономическими они назывались потому, что ими распоряжался Департамент экономии. Эта группа крестьян, в отличие от крепостных крестьян, всецело зависевших от хозяина-помещика, обладала личной свободой. Для государства было главным, чтобы экономический крестьянин вовремя внес денежный оброк для пополнения казны, а зарабатывать деньги он мог как землепашеством, так и мелкими промыслами.

Иван Хлудов тяготился жизнью в деревне, монотонную крестьянскую работу не любил, часто говорил: «Пойду в Москву, буду лучше торговать моченой грушей, чем здесь печься на солнце». С юности он уходил из родных мест на заработки, пригонял скот в Москву. Ежегодно летом в Первопрестольную на съестной рынок пригоняли из разных мест России гурты скота: из среднерусских губерний – баранов, с Украины – волов.

По крестьянской традиции Иван Иванович женился рано. Как писал его сын Герасим Иванович, «едва минуло моему батюшке 16 лет, он был женат немедленно на Меланье Захаровне, одной из дочерей Захара Емельяновича Щёкина».

Отец, Иван Афанасьевич, не хотел отпускать сына в Москву,

Вид
Хлудовской
мануфактуры
в Егорьевске.
1870-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.Д. Мыльников.
Портрет Ивана Ивановича Хлудова
(1786–1835)

но Иван Хлудов все же переубедил отца, и тот согласился на отъезд сына. 26 ноября 1817 года, в День Георгия Победоносца, в народе называемый Юрьевым (когда крестьяне, закончив полевые работы, могли переходить от хозяина к хозяину. – Прим. авт.), семейство молодых Хлудовых отправилось в город.

Перебравшись в Москву, Хлудовы сначала поселились у дяди Меланьи – купца Афанасия Емельяновича Щёкина, которому принадлежал один из крупнейших в городе пивоваренных заводов. Чтобы содержать семейство, Иван Иванович начал изготавливать тканые кушаки. Видимо, товар был хорошим, поскольку постепенно Хлудов стал желанным поставщиком кушаков в лавки Китай-города близ Красной площади. Тарас и Савелий помогали отцу. Вскоре Хлудов снял палатку в Гостином дворе, чтобы самому торговать своей продукцией. А уже в 1824 году Иван Иванович, накопив денег, поступил с семейством в 3-ю гильдию московского купечества, приписавшись к Кошельной слободе. Глава семьи дал расписку в том, что «быть мне с детьми моими Тарасом и Савельем московского купечества по 3 гильдии по желанию моему в Кошельной слободе и со

Н.Д. Мыльников.
Портрет
Меланьи
Захаровны
Хлудовой
(1784–1838)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Праздничный
шелковый
кучерский кушак
производства
фабрики
И.И. Хлудова
в Москве.
Первая четверть
XIX века

онным купечеством всякие государственные подати платить и гражданские службы служить в равенстве, купечеству же убытка никакого не доставлять и ничего неблагоприятного и законопротивного не чинить».

В Москве у Ивана Ивановича и Меланьи Захаровны Хлудовых родились еще четыре сына – Алексей, Назар, Герасим и Давыд. В 1835 году Иван Иванович умер, и его сыновья, за исключением Савелия, который состоял в отдельном капитале, продолжили дело отца. С 1824 года в Егорьевском уезде семья имела небольшую фабрику, производившую нанку и саржу. Кроме того, Хлудовы раздавали хлопчатобумажную пряжу ткачам-надомникам в Егорьевском, Серпуховском и Можайском уездах и затем продавали ткани – нанку, саржу, плис – в Москве и на ярмарках.

В январе 1842 года семья получила разрешение открыть торговый дом «А. Н. Г. и Д. Ивана Хлудова сыновья», с того же времени Хлудовы состояли в 1-й гильдии купечества. А вскоре они построили в Егорьевске большую бумагопрядильную фабрику. Церемонию открытия, которая состоялась 8 ноября 1845 года, Герасим Иванович так описывал в своем дневнике: «Стечение народа было многочисленное. Три священника с хоругвями и образами, с колокольным звоном пришли на фабрику, отслужили молебен с водосвятием, и фабрику пустили в ход».

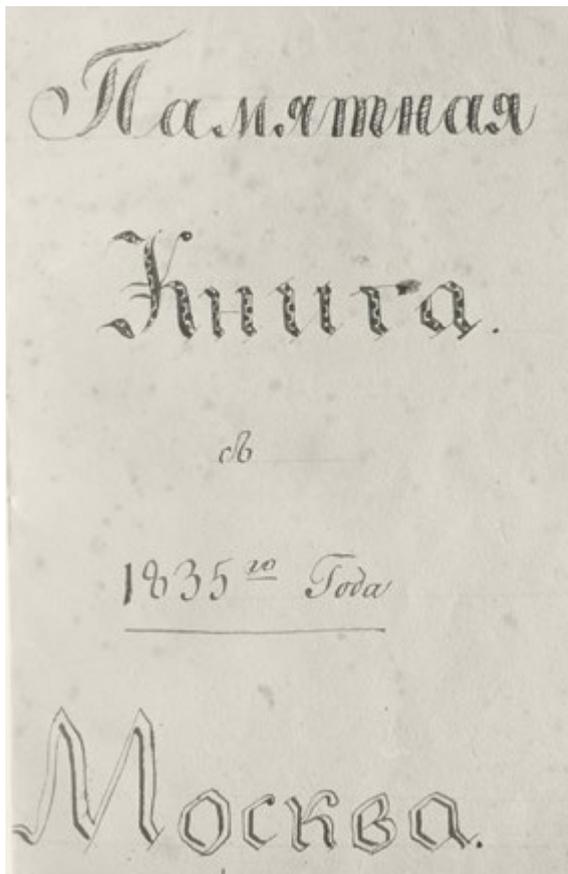
Всего за несколько десятилетий Хлудовы вошли в число московских текстильных фабрикантов-миллионеров и приобрели огромное влияние. В 1903 году на их предприятии в Егорьевске трудились 6883 рабочих, ежегодно здесь вырабатывалось товара (пряжи, ткани, ваты) на 6,5 миллиона рублей. Кстати, фабрика работает до сих пор: после революции она была переименована в «Вождь пролетариата», сегодня это – «Егорьевский текстиль», выпускающий ткани главным образом военного и технического назначения.

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Свой дневник Герасим Хлудов вел с 14 лет. В свою «Памятную книгу» он записывал семейные события, свои впечатления от прогулок по Москве или посещения театров. Дневнику Герасим Иванович поверял и свои размышления о жизни и окружающем мире.

Из дневника мы узнаем, что купец 1-й гильдии, мануфактур-советник, совладелец торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», который продавал бумажную пряжу егорьевской фабрики, «родился в Москве на берегу Яузы, близ Яузского моста в доме Щёкина». Позже семья переехала на Мещанскую улицу. Смешанный мальчик с детства тянулся к учению. Заметив это, отец отдал 6-летнего Герасима в Простонародное уездное Адриановское училище, находившееся на соседней, Второй Мещанской улице, а когда сыну исполнилось 12 лет – в Московскую практическую академию коммерческих наук.

С большим рвением подросток окупился в учебу, ему особенно нравилось изучать немецкий и французский языки. Но через два года учение пришлось прервать из-за скорострительной смерти отца и старшего брата, Тараса. Хотя Иван Иванович на смертном одре сказал о Герасиме: «Не брат из академии» – братья не смогли выполнить волю родителя: ему пришлось участвовать в семейной торговле. Купеческих сыновей приобщали к бизнесу довольно рано. Так, Герасима уже с 13 лет брали на Макарьевскую ярмарку – в возрасте 19 лет он записал в дневнике, что едет туда шестой раз. Герасим Хлудов обладал литературным даром и утонченным вкусом, обостренно переживал виденное. Например, 11 сентября 1839 года он оставил яркий рассказ о закладке храма Христа Спасителя в Москве, которая произошла днем ранее: «В восемь часов утра, надевши шинель и взявши свою трость, я отправился к церкви Василия Блаженного, чтобы смотреть церемониальное шествие на закладку храма Христа Спасителя. Народу всех воз-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

растов было неисчислимое множество, всяк спешил занять себе место, чтобы наслаждаться зрелищем на Венценосного государя и Наследника. Войско было всех родов, как конное, так и пешее».

«Памятная книга»
Герасима Хлудова.
Титульный лист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дневники Герасима Ивановича рассказывают о жизни семьи в 1820–1830-е годы, а также о поездке в Санкт-Петербург, Кронштадт и Павловск осенью 1842 года. Хлудов писал бойко, его меткие наблюдения часто ироничны. Чтение этих записей убеждает в том, что представители купеческой элиты хорошо разбирались в театре, гастрономии и даже архитектуре. Кстати, примечательна оценка Хлудовым образованности представителей купечества и их тяги к образованию. Например, о своем отце Хлудов пишет так: «Он не был учен, но имел довольно ума и был любителем и ревнителем просвещения».

Герасим Иванович любил ездить на прогулки в Сокольники, в Куское, в Кузьминки, на Воробьевы горы, а также в подмосковные усадьбы, например Архангельское и Суханово. Посещал он и монастыри – Воскресенский Ново-иерусалимский монастырь, обитель Святого Саввы в Звенигороде. Был большим театралом и меломаном, слушал всех звезд московской оперы и хорошо разбирался в репертуаре и актерской игре. Судя по дневниковым записям, он мог посещать театры четыре-пять раз в месяц. Даже последний декабрьский вечер 1844 года 23-летний, уже женатый Хлудов провел в театре. Запись в дневнике сообщает: «Сию минуту возвратился из театра, смотрел балет «Жизель». Роль Жизели исполняла Андреянова и исполняла весьма удовлетворительно. Несмотря на то, что завтра Новый год (то есть первое января) <...> театр был совершенно полон. Итак, я будущий 1845 год встретил в театре, что со мной никогда не было. Дай Бог, чтобы будущий 1845 год для меня был такой же, как прошлый. Записано 31 декабря 1844 года в 11 часов вечера».

Е.И. Андреянова.
Литография Тюлева.
Елена Ивановна Андреянова
(1819–1857) – выдающаяся русская
балерина своего времени

ВО ГЛАВЕ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

Когда Герасиму было 22 года, пришла пора жениться. Герасим с братьями Савелием и Алексеем 23 сентября 1843 года поехал смотреть невесту в дом знакомого текстильного фабриканта Абрама Саввича Морозова. 37-летний Абрам Саввич советовал Герасиму жениться на своей свояченице (сестре жены) Пелагее Широковой – дочери купца 1-й гильдии Павловского посада Давыда Ивановича Широкова.

В дневнике Герасим записал: «Невеста меня потчевала виноградом и сливою. Невеста мне понравилась». 3 октября молодых благословили, и 1 ноября при большом стечении народа состоялось венчание Герасима Ивановича с Пелагеей Давыдовной. Жених подарил невесте изящный фермуар за 4750 рублей и обручальный бриллиантовый перстень за 1150 рублей, а каждому из своих новых родственников – Абраму Саввичу Морозову и отцу невесты Давыду Ивановичу – преподнес золотые часы стоимостью 1075 рублей.

Этот брак можно назвать счастливым. Супруги прожили в согласии 42 года, с 1844 по 1860 год у них родилось 12 детей. Вот, например, запись в дневнике Хлудова от 3 марта 1852 года, сообщающая о пополнении семейства: «В понедельник, в 6 часов утра Бог даровал мне дочь Клавдию, счетом седьмого ребенка, и шестого числа ее крестили. Восприемниками были брат Давыд Иванович и маменька Василиса Никитична. Полинька во время беременности и в особенности к концу была слаба здоровьем. Замечательно, Полинька, будучи ею беременна, любила есть крупу гречневую и курить папиросы».

Однако из 12 детей выжили лишь пятеро: четыре дочери – Клавдия, Любовь, Александра и Прасковья – и сын Павел. Но и он скончался, когда ему был 21 год. Смерть сыновей оказалась страшной трагедией этой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

семьи: Сергей прожил один день, Александр – три месяца, Коля – десять дней, Иван в возрасте 4 лет за неделю угас от крупа... Герасим Иванович не находил себе места, подробно описал в дневнике смерть ребенка и свои переживания: «Я лишился милого, бесценного и единственного моего сына Ивана, и теперь могу по опыту сказать, как прискорбно и тяжело потерять милое дитище. Такой скорби и печали я еще не испытывал, и не приведи Бог никому того испытать. Это был по кротости Ангел во плоти, а по уму умница, каких мало. Всем он был мил, и все о нем плакали. <...> Прощай! Милый и бесценный мой друг Ваничка. За твою ласку и утешения, какими ты меня дарил, я тебя никогда не забуду»...

Герасим Иванович Хлудов с женой и двумя старшими дочерьми, Прасковьей и Клавдией. 1856 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Павел Герасимович Хлудов (1862–1884), член правления и директор Товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики Хлудовых. Скончался в возрасте 21 года

ДУХ БОДР, ДА ПЛОТЬ НЕМОЩНА

Герасим Иванович писал и о своих путешествиях в Европу. Иногда они были связаны с делами, как, например, путешествие в 1856 году. Тогда Хлудов провел в Европе октябрь и ноябрь. Его сопровождал поставщик текстильного оборудования московский немец Людвиг Кноп. Сначала путь лежал из Кронштадта пароходом в Англию, где Хлудов посетил Лондон и главный текстильный центр, Манчестер, затем последовали Париж и Германия – Кёльн, Гамбург, Берлин.

Но чаще Хлудов отправлялся за границу на лечение. С 1853 года, когда ему исполнилось всего 32 года, Герасим Иванович сильно страдал ревматизмом, что вынуждало его порой подолгу отвлекаться от дел. Он лечится на европейских курортах Карлсбад и Теплице: грязевые процедуры и ванны, минеральная вода... Все это улучшало его самочувствие.

Дождливый и холодным летом 1853 года он безвыездно провел дома три недели из-за сильных болей в суставах. Приступ повторился в сентябре–октябре, когда он вновь просидел дома два месяца: «С первого сентября по третью ноября просидел безвыездно дома. Скука страшная. Стал выезжать только с третьего ноября. Стало немного легче, но болезнь сильно засела, и по временам чувствую себя весьма нехорошо».

В 1859 году, когда ему исполнилось 38 лет, он с грустью отметил, что волосы на голове становятся реже и он начал плешиветь – этому сопутствовали немалые переживания. Вот что он пишет в дневнике: «Я, видимо, начинаю стареть. Волосы на голове лезут ужасно, и образовалась заметная плешь. Если не остановится, то через год совершенно буду плешивым, чего бы очень не хотелось». В 1860 году Герасим Иванович пишет, что отрастил бороду: «Многие находят, что она мне к лицу».

Усадьба Усачевых-Хлудовых-Найденовых «Высокие горы» в Москве, на Земляном Валу. Парадное крыльцо. Архитектор Д. Жильярди. 1829–1831 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1863 году Хлудов страдал из-за болезни печени – о приступе, заставшем его вне дома, писал, что «боль была так сильна, что я не думал доехать домой», позже он принимал закупленную в бутылках мариенбадскую «крейцбрунн»-воду, которая хорошо помогла (подразумевается Kreuzbrunn – Крестовый источник в нынешних Марианских Лазнях. – Прим. авт.). В том же году он совершил паломничество – ходил к Троице (в Сергиеву лавру), пройдя пешком 70 километров.

В 1868 году Герасим Иванович сетует, что начал совсем лысеть, ухудшалось и зрение – он стал читать в очках. 1868 год, когда Хлудову – 47 лет, вообще был неудачным. Он писал, что часто и подолгу лежит в постели, его замучила подагра: «Второго октября я простудился, получил сильный ревматизм. У меня жестоко болели обе ноги и левая рука. Около трех месяцев я не мог ходить и вставать с постели». Ему прописали разные процедуры, а знаменитый доктор Г.А. Захарьин «лечил электричеством». Его жена Пелагея, которой в это время 52 года, тоже хворала и пять с лишним месяцев с перерывами провела в постели, «не владея руками и ногами». Хлудов переживает, что подступила немощь: «Смотреть на это скучно и грустно». В том же, 1868 году Герасим Ивано-

вич пишет: «С прошлого года я, видимо, начал стареть. Голова плешивеет, седина появляется как на голове, так и в бороде. Вечером и даже днем без очков читать не могу. Очки начал употреблять постоянно с октября месяца, а до сего читал днем без очков, а вечером в очках».

Как видно, дневнику Герасим Иванович поверял все свои размышления, включая и мысли о своем здоровье и самочувствии. Такие записи почти не встречаются в других дневниках.

Усадьба «Высокие горы». Музыкальный («Чайный») домик, интерьер. Сгорел в 1949 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЖИЗНЬ ЭСТЕТА И ФИЛАНТРОПА

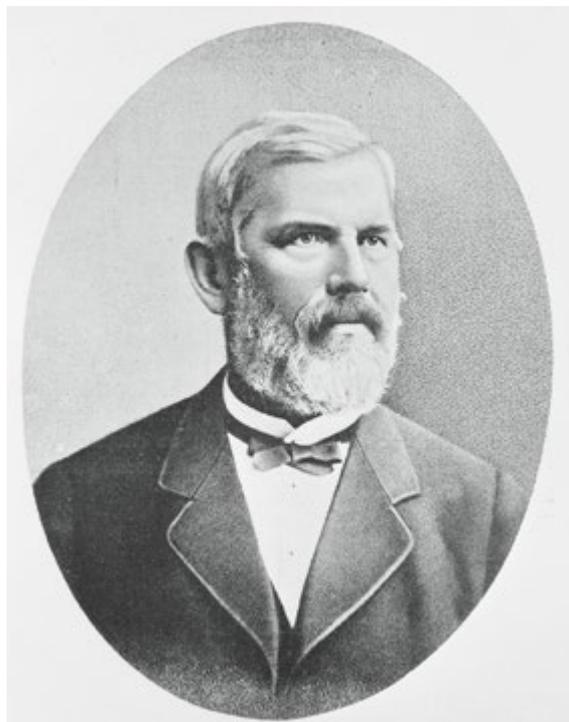
Хлудовых никак нельзя было причислить к «темному царству» – они вели необычный для купеческой среды образ жизни. В очерке известного в свое время публициста Д. Покровского, опубликованном в журнале «Исторический вестник» в 1893 году, содержатся восхищенные строки об усадьбе Хлудовых: «Дом свой Герасим Иванович вел на самую утонченную ногу, да и сам смахивал на англичанина. У него не раз пировали министры финансов и иные тузы финансовой администрации. Сад при его доме, сплывший к самой Яузе, был отделан на образцовый английский манер и заключал в себе не только оранжереи, но и птичий двор, и даже зверинец».

Городская усадьба «Высокие горы» (ныне – улица Земляной Вал, 53) была построена в 1829–1831 годах по проекту архитектора Доменико Жильярди для купцов Усачевых. Герасим Иванович купил ее в 1854 году за 60 тысяч рублей серебром на имя своей жены Пелагеи Давыдовны. На фронте дома был установлен вензель с ее инициалами. После смерти Герасима Ивановича и его супруги, после 1887 года, дом перешел в собственность их дочерей. Одна из четырех сестер, Александра Герасимовна Хлудова, в замужестве Найденова, в 1903 году выкупила дом у остальных наследников, и он принадлежал ей до 1918 года, когда был конфискован после большевистской революции. Автор изданного в 1924 году путеводителя по московской архитектуре В. Никольский называл усадьбу по проекту Жильярди «итальянской виллой, каким-то волшебством перенесенной на берег грязной и узкой Яузы». Он писал: «Густо разрослись деревья сада, разбитого по плану того же Жильярди. <...> В рамке из пиний и кипарисов, на фоне лилового южного неба, среди цветущих магнолий и роз, а не в окружении московской зелени хотелось бы видеть этот чудесный уголок Италии. <...> Зодчество Жильярди – лебединая

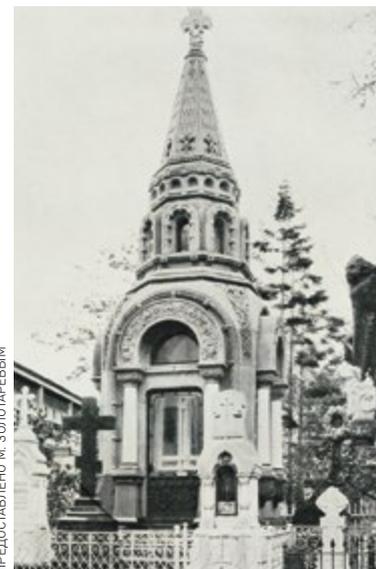
песня стилия империи, последнее его слово, высочайшее достижение». Родственник Хлудовых, знаменитый искусствовед Михаил Алпатов, посещавший усадьбу еще ребенком, писал, что весной весь сад покрывался ковром из ярко-синих подснежников: «В пустынном парке, где деревья стояли еще не одетыми, где птицы лишь робко попискивали, синева подснежников была бесподобной дерзостью самой природы».

Был Хлудов и известным коллекционером живописи – предпочтение отдавал полотнам русской школы. Первые две картины он приобрел в начале 1850-х годов у тогда еще молодого художника Перова. Позже к ним добавились работы Федотова, Капкова, Рипциони, Айвазовского.

Семья Герасима Ивановича Хлудова прославилась широкой благотворительностью. Причины столь крупных пожертвований были отчасти вызваны трагедией Хлудовых. В семье Герасима Ивановича любимым ребенком был младший сын, Павел. Когда он внезапно скончался в возрасте 21 года, горю родителей не было предела. О смерти наследника миллионного состояния ходили разные слухи: одни говорили, что он был неизлечимо болен, другие считали, что родители избаловали сына до предела, мало контролировали его, когда он обучался коммерции в Лондоне, и жизнь на широкую и разгульную ногу свела юношу в могилу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Часовня Хлудовых
(семейная усыпальница)
в Покровском монастыре.
Архитектор Л.Н. Кекушев

После смерти Павла Герасим Иванович принял решение о финансировании дома призрения. Но до строительства благотворительного заведения он не дождался: лишившись наследника по мужской линии, Хлудов не оправился от потрясения и вскоре скончался. По его завещанию в 1885 году поступило 500 тысяч рублей на устройство и содержание Дома призрения имени Г.И. Хлудова с богадельней на 80 человек и домом бесплатных квартир на 150 вдов с сиротами, которые были открыты в 1888 году. 30 тысяч рублей было направлено на пособия бедным Москвы к праздникам Рождества и Пасхи. Еще

Герасим
Иванович
Хлудов
(1821–1885).
Начало
1880-х годов

245 тысяч рублей – для денежных выдач разным благотворительным заведениям, в том числе егорьевской богадельне, московскому воспитательному дому и рязанскому дому трудолюбия, а также на 35 пособий бедным невестам Егорьевска. Четыре дочери Хлудова впоследствии укрепили авторитет семьи своими щедрыми жертвованиями.

Однако как крупный филантроп Хлудов был известен и раньше, являясь попечителем егорьевской богадельни в 1863–1885 годах. Огромной заслугой Герасима Ивановича было и то, что, как член Московского отделения Мануфактурного совета, он финансировал издание «Атласа мануфактурной промышленности», изданного в 1872 году.

Герасим Иванович Хлудов скончался в 1885 году и был погребен в семейном некрополе в Покровском монастыре. Могила его не сохранилась. Но его добрые поступки остались в памяти поколений, а искренние строки дневниковых записей не оставляют читателей равнодушными. ❀

Дом призрения имени Г.И. Хлудова с храмом Преподобного Герасима «иже на Иордане» в Москве, в Сыромятниках. Открыт в мае 1888 года. Включал в себя богадельню на 80 человек и дом бесплатных квартир на 150 вдов с сиротами

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СИСТЕМА МИЛЮТИНА

АВТОР
ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

СОРОК ШЕСТЬ ЛЕТ КУПЕЦ ИВАН АНДРЕЕВИЧ МИЛЮТИН БЫЛ ГЛAVОЙ ЧЕРЕПОВЦА, ПРЕВРАТИВ ГОРОД ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЗАХОЛУСТЬЯ В «РУССКИЙ ОКСФОРД». «НУ И ЧТО? ПОДУМАЕШЬ, КАКОЙ-ТО ЧЕРЕПОВЕЦ», – УДИВИТСЯ ПРОХОЖИЙ, ПО РУССКОЙ ТРАДИЦИИ ПРЕНЕБРЕГАЮЩИЙ МАЛЫМИ ФОРМАМИ. И НЕ ЗАМЕТИТ В МИЛЮТИНСКОМ ОПЫТЕ ГЛАВНОГО: УМЕНИЯ ПРЕВРАЩАТЬ В РЕСУРСЫ ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ ПОД РУКОЙ.

Иван Андреевич
Милютин

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ЧЕРЕПОВЦУ НЕ ПОВЕЗЛО ни с нефтью, ни с золотом, ни с царскими дворцами. И даже к большим и богатым городам от него не вело ни одной приличной дороги. Что можно противопоставить столь очевидной бесперспективности? Только хватку, упорство и веру русского мужика.

КУЗНИЦА КАДРОВ

К военному министру империи, своему современнику, автору военной реформы Дмитрию Милютину городской голова Череповца Иван Андреевич Милютин никакого отношения не имел. Да и с чего бы? Первый – московский барин из рода, получившего дворянство при Петре I за устройство шелко-

вой фабрики, а у второго – дед в лаптях ходил. Багюшка будущего череповецкого городского головы поднялся на перепродаже скота в Петербург, открыл в Череповце лавку, дела пошли на лад, да не выдержало здоровье – отдал Богу душу в 1838 году. В это время в Петербурге – год, как схоронили Пушкина, его столичные современники

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Главная улица
Череповца
всегда вела
к храму

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

писали о слякотном времени николаевского застоя. Интересно, что бы они заговорили, оказавшись в 3-тысячном Череповце, среди обшитых тесом и вросших в землю домов? На буржуазном Воскресенском проспекте, где стоял милютинский дом, сено раскидывали и сушили прямо на улице. Только в начале века в городе появилось реальное училище: городской голова Василий Демидов подарил ради него Череповцу свой перестроенный дом, а городское общество ежегодно выделяло на содержание училища 150 рублей. Пиво в Череповце

варили всего двух сортов, да и то к праздникам. Интересно, как скоро взвляли бы здесь, скажем, Вяземский с Жуковским? Череповец стоит на реке Шексне. Во времена Милютин ГЭС, конечно, не было, как не было и рукотворного Рыбинского водохранилища, уничтожившего благословенные земли между Мологой и Весьегонском. С юга России по Волге и Шексне в Петербург днем и ночью везли хлеб, перегружая его на маломерный флот в Рыбинске. По весне здесь собиралось свыше 100 тысяч человек, связанных с хлебной торговлей, оживали

Эти серьезные мужчины – земская управа Череповца образца 1903 года

9 главных пристаней и две сотни магазинов со складами. А профессионализм тех же скупщиков был таков, что зерно чаще всего даже не взвешивали, мерили на глаз. Полагаться на весы считалось моветоном. Большая часть пшеничного зерна на Рыбинской бирже была двух видов: «размольное» и «биржевое». Первое годилось для крупяных заводов, второе – шло на экспорт через Петербург. Опытный купец мог погрузить в мешок ладонь, извлечь пригоршню, сыпать обратно, вслушиваясь в шуршание зерна, и все про этот товар понять. Купленное зерно нужно было доставить заказчикам. Железная дорога тогда еще не была построена, так что использовали водный путь. К весне в Рыбинске собирались по 3 тысячи лоцманов и по 7 тысяч конононов, чьи лошадки тянули баржи вверх по реке – к Петербургу. Конононы были пошехонскими или мOLOGскими крестьянами, у которых зачастую своих лошадей не было, и они арендовали их у посредников – «овсянников». Что же касается лоцманов, то конкуренции со стороны своих волжских коллег они не боялись: путь знать надо, чужак сюда не сунется. Только на одной Шексне гиблых мест вон сколько! Судьбицкие гряды, Баран-порог, Повалиха-гряда, Черная гряда, Коленораменский порог, Болтун-порог, Гряды косые... За прохождение каждого из них лоцман получал бонус. А впереди – Белое озеро, где свои «засады!» Да еще приходилось нанимать парходные буксиры у вытегорского купца Столбокова. А дальше – еще Онежское и Ладожское озера преодолевать.

Сейчас многим кажется, что до революции крестьяне все как один ходили за плугом. Однако, к примеру, Уломская волость, что рядом с Череповцом, специализировалась на производстве гвоздей – строительных, лодочных и сапожных. Еще здесь делали уклад (сталь особой закалки, использовалась для изготовле-

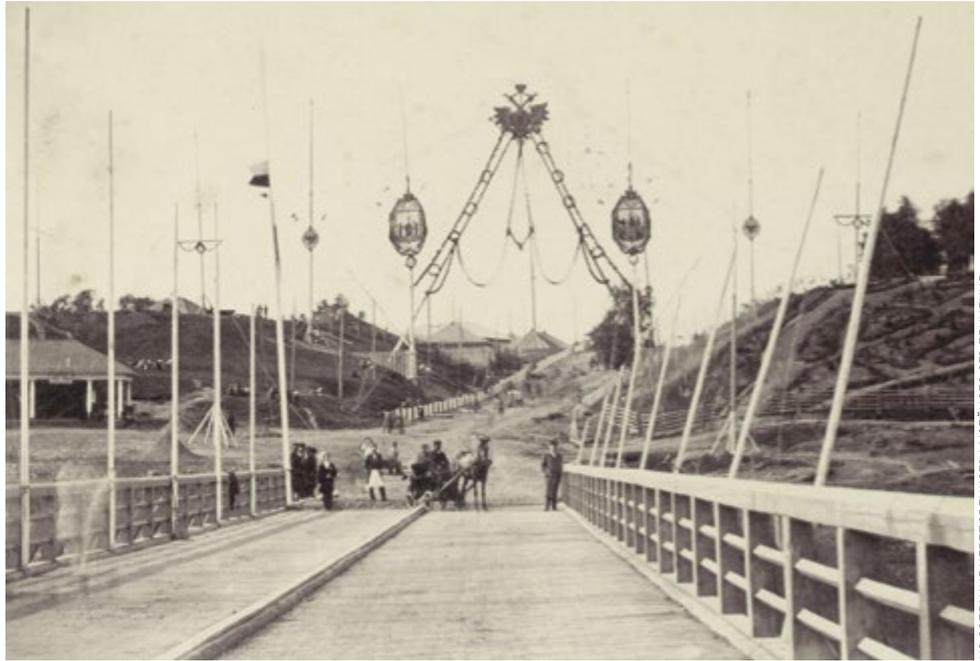
г. ЧЕРЕПОВЕЦЬ - Воскресенский проспект.

Далеко не все улицы города тогда были мощеными

ния кинжалов, сабель, лезвий клинков. – Прим. ред.), косы, наковальни, лопаты, кованые котлы, лемеха, сошники, втулки, шпонки, подковы, крюки. Кому надо – знали, что в деревне Совала мастер Харлам Богданов кует ковши до 8 пудов весом! А за сковородами надо ехать в Нелазское, за плугом – в Игнатово. В общем, вокруг юного Милютину гудел ныне потерянный, чрезвычайно сложно устроенный мир, который нужно было разгрызть как орех.

Когда умер отец, Ивану Милютину было 9 лет, а купеческие дети обычно начинали работать в 12. О том, чтобы соваться в Рыбинск, не могло быть и речи: живьем бы съели вместе с небольшим капиталом. Но и в родительской лавке Иван с младшим братом, Василием, работали недолго. Пошли по отцовским стопам, начали скучать по деревням коров, телят, овец и перегонять их в Петербург. Работа эта сложная: надо с вечера прийти в деревню и, пока скот не вывели поутру на выпас, постучаться в каждый дом, спросить, нет ли животины на продажу, осмотреть каждое копыто. Потому что до Питера 600 верст – идти со стадом около месяца. По дороге ночуешь в поле, кормишь телят коровьим молоком. И это на минуточку Север, где даже летом не слишком тепло.

В Рыбинск Милютин попал уже опытным дельцом 16 лет от роду, как ни забавно это звучит. Прибыл он туда с баржей длиной в 20 сажень. Много лет спустя секретарь и биограф Милютина Федор Кадобнов рассказывал об этом эпизоде скромно: мол, патрон «взял на поставку хлеб, нагрузил его и отправился до Петербурга. Доставив благополучно хлеб и сдав его, возвратился с судном домой в Череповец. От этой операции чистого барыша было получено около 200 рублей». Правда, за этими строками не разглядишь ни старой России, ни Милютину. И никогда не поймешь, почему у него столь многое получилось в жизни.

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

К праздникам у Милютину было вполне серьезное отношение

Леушинское подворье влекло пилигримов со всей страны

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Главная загадка: зачем Милютину потребовалось служить Череповцу почти полвека? Нет, зачем коммерсанты идут во власть, понятно. Но кто из них при этом отказывается, как Иван Андреевич, от жалованья? И сам постоянно докладывает капиталы в городские проекты? Сегодня трудно представить себе мэра или губернатора, отслуживших хотя бы треть милютинского срока. Да еще умудрившегося не вляпаться ни в одну грязную историю.

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Милютину избрали в магистрат, когда ему стукнуло 24 года, еще через пару лет он стал бургомистром, а в 1861 году, когда он приблизился к 33-летнему рубежу, – городским головой. Авторитет? Безусловно. Милютин к тому времени уже был видным купцом. На следующий год после той первой баржи с хлебом он отвез в Петербург еще четыре. К моменту восшествия на престол Александра II под флагом «Торгового дома братьев Милютиных» ходило около 40 судов. И не то чтобы для хлебного бизнеса позарез требовался административный ресурс – все решали деньги и удача. Другое дело, положение в обществе.

Сам Милютин вспоминал, что тогда купца не пускали дальше лакейской в дворянских усадьбах. Гвардейский офицер, женившийся на купчихе, обязан был выйти из полка. По свидетельству петербургского историка Льва Лурье, среди купечества начало развиваться «чинобесие» – стремление во что бы то ни стало поступить на службу и выслужить дворянство. В Петербурге только два рода, Лейкины и Меншуткины, продержались в купеческом сословии более века. А когда в 1913 году отмечалось 100-летие Торгового дома Елисеевых, заплативших казне

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

за пятнадцать лет 12,5 миллиона рублей налогов, в Благородном собрании не увидели ни августейших особ, ни министров. Но Милютин стал минуть Череповцу явно не из «чинобесия». Его дело росло такими темпами, что дворянство он мог себе просто купить, как многие, через благотворительность или подношения. У него, например, был деловой партнер – знаменитый откупщик Василий Кокорев. В середине 1850-х, когда бюджет Российской империи составлял 200 миллионов рублей, состояние Кокорева оценивали в 30 миллионов. Не пошел бы Милютин на службу обществу – заработал бы под стать партнеру. А так коммерческие дела ему пришлось переложить на брата Василия.

О характере Милютина многое говорят строки из его поздней публицистики: «Я не мог выносить тогда бесконечного и безрезультатного словоговения в ученых обществах, не понимая неизбежности этого, взял да и построил, будучи нравственно поддержанный К.Н. Посъетом, три брига в 400, 500 и 600 тонн каждый; это я сделал для того, чтобы узнать судостроение и мореплавание на деле». «Торговый дом братьев Милютиных» первым на Шексне завел цепные буксиры – туера. Тяжелая цепь,

уложенная на грунт вдоль русла реки, проходила по желобу вдоль судна и вращалась от привода судовой машины на трех барабанах. Туер сам себя толкал вдоль этой цепи и тащил баржи. Мало того что этот способ был более производительным, так еще и отказ на реке от лошадей снижал риск распространения сибирской язвы. Вскоре милютинская фирма своих буксирных пароходов насчитывала 40 штук и свыше 500 других различных посудин.

Если бы целью Милютина было получение дворянства, он бы получил его не за службу, а за услуги. Вот, например, в 1867 году Милютину озвучили просьбу столичных властей: закупить

Техническое училище строилось обстоятельно, на века

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Дамы активно участвовали в жизни земств

в Поволжье хлеб для голодающих Архангельской губернии – без малого миллион пудов. Милютин объехал поставщиков и вопрос решил. Но если бы кто узнал, что он блюдет государственный, а не личный коммерческий интерес, взвинтили бы цены втрое. Ивану Андреевичу в награду достался орден Святого Владимира 4-й степени и теплый рескрипт наследника престола цесаревича Александра. И таких услуг Милютин оказал немало, его не раз принимали три российских императора. Если бы он желал должность в столице – возможности были. Тем более что уважением земляков он вроде бы должен был насытиться в первые десять лет служения Череповцу. К тому времени его город в Петербурге называли просто – Милютин.

АФИНЫ НА ШЕКСНЕ

О своих первых шагах в качестве чиновника Милютин писал: «Свои общественные дела мы начали, так сказать, с корня, и первым для нас представился храм Божий: мы возобновили его без роскоши, как дом для молитвы, дом убежища и духовного утешения в горе и печали. Мы это сделали не из политики, а из послушания святому чувству, и этим мы приобрели доверие и поддержку от наших стариков и заслужили их благословение нашим начинаниям». Но не все складывалось столь благобно: «Приходилось нередко с трепещущим сердцем подписывать страшные приговоры, согласно подведенным секретарем законам». А первое же предложение городского головы Думе – увеличить на 5 копеек с души расходы на содержание приходского училища для девочек – встретило мощный протест: дескать, какой толк учить девок кавалерам записки писать? Милютина только назначили – другой не стал бы из-за ерунды себе врагов наживать. Но он любое дело привык доводить до конца: стал собирать у себя дома единомышленников из гласных, убеждал. Те, в свою очередь, разгова-

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ривали со знакомыми по Думе. А через месяц – все собрание поддерживает милютинскую идею... В быту Иван Андреевич был скромен. Женился он в 20 лет по настоянию бабушки, в семье родились шестеро детей. Его жена, Татьяна Мартемьяновна, умерла на сорок лет раньше его, но Милютин снова жениться не стал. Сохранившаяся переписка с братом и детьми не оставляет сомнений: в семье царили мир и согласие. Хобби никаких у Милютина не было. Разве что вот любил приемы устраивать – иногда по 150 человек собиралось. Это и для дела было необходимо: Милютин никаких нововведений не заводил, пока не выяснял настроения горожан. В своем кабинете принимал по 20 посетителей ежедневно. А Череповец при нем хоть и прирастал народом, на момент смерти Милютина в 1907 году

насчитывал всего 7–8 тысяч жителей. 20 посетителей в день – это очень высокая степень близости власти к народу. Свое кредо управленца Милютин выразил так: «Для устранения скудости жизни, по моему мнению, представляется одно: создание вослед реформе нынешнего царствования целой системы, целой воспитательной школы, которая охватила бы жизнь с самых корней ее для водворения среди общества и народа правильных понятий с практическим умением приложить к делу. Без такого направления, конечно, невозможно достигнуть ни общего довольства, ни стройного развития духовных и умственных сил, ибо последним не на чем будет покоиться. Праздный и ленивый насыдут на трудящегося, и в результате явится всеобщее изнурение». Главные стимулы роста

Этот коллектив преподавателей обучал девушек-гимназисток

по Милютину – доступные кредиты и народное просвещение. Окончив всего один класс школы, он почему-то понимал это лучше интеллектуалов-дворян. До 1860-х годов в Череповце практиковалась выдача ссуд из свободных городских средств. После объявления реформ предпринимательство активизировалось за счет уездных крестьян, денег перестало хватать. В Череповце решение об учреждении общественного кредитного банка созрело уже в октябре 1862 года, но согласовывали его в губернском центре более двух лет. В 1865 году банк открылся с капиталом в 10 тысяч рублей, а в 1915-м выдал кредитов на 27 миллионов. С кредитами – понятно, а что с просвещением? А вот, пожалуйста: петербургский журналист, прокатившись в то время по железной дороге между Череповцом и Тихвином, отмечает: «Разница между этими городами громадная. Она наблюдается во всем, но более резко обозначается в просветительном отношении. Тут Тихвин является вполне отсталым городом. Главная Череповца особенность – это обилие учебных заведений, дающее ему завидное право именоваться «русским Оксфордом», какое название, кроме Череповца, ни одному из небольших уездных городов обширной земли русской присвоено быть не может». В путевых очерках публициста А. Субботина читаем: «...на пути от Рыбинска лежит знаменитый город Череповец, – или проще говоря, северные Афины. В городе около 800 учащихся, или по одному на пять жителей – пропорция такая, какую встретишь только где-нибудь в Цюрихском кантоне. В Череповце имеется реальное училище, женская гимназия, учительская семинария, сельскохозяйственная школа и др. Кроме того, в городе находится окружной суд, так что интеллигенция хоть отбавляй. Сюда посылают учиться из разных мест Новгородской и смежных с нею губерний. Оканчивающие в здешнем ремесленном училище и в техническом

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

На архитектуре образовательных учреждений Милютин не желал экономить

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

отделении реального училища разбираются нарасхват на места механиков, мастеров, на пароводные верфи, на завод...» Или в журнале «Новое слово» К. Левин подмечает: «Череповец и его уезд все-таки в образовательном отношении стоит несравненно выше большинства русских городов и их уездов. О просвещенности города и уезда также можно судить и по тому, что в городе существуют три книжных магазина. Один из этих магазинов, по своим оборотам, количеству и подбору книг, далеко превосходит книжные магазины даже таких губернских городов, как Ярославль и Вологда». Эффективность Милютина как городского головы проявилась еще и в способности не дать растащить свой «Оксфорд». Однажды на губернском собрании возник спор о выделении для содержания череповецкого реального училища 1400 рублей. Дескать, в Череповце учебных заведений слишком много, давайте его куда-нибудь переведем. В другой раз техническое училище передали из ведения Минфина в Министерство народного образования. Милютин пошел на прием к Николаю II и попросил оставить все по старому. Государь его внимательно выслушал и сказал: «Ничего не имею против желания вашего. Это так сделал Абаза – включил ваше училище в об-

щий доклад. Скажите министру финансов, что я разрешил войти с докладом ко мне об оставлении училища в ведомстве Министерства финансов». Когда в империи встал вопрос о строительстве Северной железной дороги, Милютин понял, что это – уникальный шанс для города. В Петербурге при МПС работала комиссия, обсуждавшая вопрос, как вести магистраль – от Вятки на Кострому для соединения с Ярославлем, Рыбинском и Бологим или на Вологду и Петербург через Череповец. Милютин переезжает в столицу: пишет доклады и статьи, обивает пороги, доказывает. До этого он всю Европу объездил – дочь Мария была при нем переводчицей, – вызывал порядки, «переводил их на русский язык». Северная железная дорога в итоге прошла через Череповец.

ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Железная дорога – основа процветания Череповца в начале XX века

В детях Милютина была та же страсть к народному благу. Но революция спутала карты

ЭФФЕКТ БУМЕРАНГА

Для монархиста Милютина страшным ударом стал тот факт, что среди убийц Александра II оказался Николай Рысаков – сын тихвинского лавочника, выпускник череповецкого реального училища, в создание которого Иван Андреевич вложил личные средства. Училище долго потом стояло перекрашенное в черный цвет, а его учащиеся передвигались по улицам, стараясь не смотреть прохожим в глаза. Но Милютин и представить себе не мог, что спустя десять лет после его кончины монархия падет, а августейшую семью расстреляют. Что троих его сыновей ждет не слишком счастливая судьба: Иван погибнет в 1917 году, Андрей, три года руководивший Череповцом после отца, умрет в 1924-м, а в 1930-м в полной нищете и одиночестве окончат дни блестящий инженер Василий. Что жители, на заботы о благоденствии коих он не жалел сил, снесут его могилу – действительного статского советника, кавалера множества орденов, которого они всем городом просили остаться и служить им до 78 лет, хотя он давно просился на пенсию... Среди множества забытых ныне деятелей империи Милютину еще повезло. С 2000 года одна из улиц Череповца носит его имя, в 2005 году в городе появился памятник Ивану Андреевичу, а также площадь его имени. Позже город воссоздал его дом, учредил в нем музей. В городе на Шексне теперь живут 400 тысяч жителей – почти в пятьдесят раз больше, чем при Милютине. И в самом центре Череповца по-купечески крепко стоит бронзовый памятник тому, кого легко признать примером для подражания. 📍

Редакция благодарит за помощь в подготовке материала Череповецкое музейное объединение, лично Светлану Чернову и Эльвиру Риммер.

СМЕХ И СЛЕЗЫ ТАТЬЯНЫ БАХ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ПОСЛЕВОЕННАЯ МОСКВА... Мои дедушка и бабушка – Терентий Кондратьевич и Александра Павловна – жили в Большом Тишинском переулке. Жили со всей бабушкиной родней в деревянной пристройке из двух комнат с сениями и кухней – дом 13 строение 1. А рядом стояли два особых дома, сложенных из огромных бревен и окруженных высоким забором. Почему-то они назывались «еврейскими». В них жили особые люди. Теперь все эти дома снесены, а на их месте построено посольство Польши.

В одном из «еврейских» домов жила примадонна столичной оперетты Татьяна Яковлевна Бах. В справочнике «Театральная Москва», изданном в 1935 году, указан не только ее адрес – Большой Тишинский переулок, дом 15, квартира 4, но и телефон – Д1-65-35.

В июне 1947 года у Терентия Кондратьевича и Александры Павловны родилась дочь Татьяна – будущая моя мама. То ли потому, что времена были голодные, то ли потому, что на фронте бабушка была дважды ранена и тяжело контужена, молока у нее не было. Нечем было кормить новорожденную. Врачи советовали коровье молоко. Но тогда в Москве с этим были трудности. В общем, девочка тяжело заболела. И, наверное, сейчас я не писал бы эти строки, и не читала бы их Татьяна Терентьевна, если бы

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ*

В ДРЕВНОСТИ ПЕРЕПИСЧИК КНИГ, ЗАКАНЧИВАЯ ТРУД СВОЙ, ПРОСИЛ ЧИТАТЕЛЕЙ: «ЕСЛИ КТО ОБРЯЩЕТ ОШИБКИ, НЕИСПРАВНОСТИ ИЛИ НЕДОСМОТРЫ, ПУСТЬ НЕ КЛЯНЕТ МОЕ ГРЕШНОЕ ХУДОУМИЕ И НЕВЕЖЕСТВО, НО ДА ИСПРАВИТ, КАК ЕГО ГОСПОДЬ ВРАЗУМИТ». ЭТИМИ СЛОВАМИ Я ХОЧУ НЕ ЗАКОНЧИТЬ, А НАЧАТЬ СТАТЬЮ.

Татьяна Яковлевна Бах.
Фотография
1920-х годов

Если бы не Татьяна Бах, не было бы ни этой девочки на руках у мамы, ни автора этой статьи

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

на помощь по-соседски не пришла примадонна. Каким-то образом она узнала о болезни маленькой Тани. И каждое утро домработница Бах приходила к бабушке и приносила стакан молока с Тишинского рынка. Так моя мама была спасена. С детства я знаю этот рассказ о Татьяне Яковлевне. И вот пришло время отплатить добром за добро.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Заслуженная артистка РСФСР Татьяна Бах некогда блистала на сцене «Московской оперетты», а ныне несправедливо забыта. Хотя статьи о ней есть в советской Театральной энциклопедии, в Большой Российской энциклопедии, в Московской энциклопедии и даже во всезнающей «Википедии».

О Татьяне Яковлевне писали в воспоминаниях партнеры по сцене – Михаил Днепров, Григорий Ярон, Татьяна Шмыга. Но, восторгаясь талантом артистки, они мало рассказывали о ней самой и о ее жизни. Сведения о Бах, разбросанные по многим источникам, приходится собирать по крупицам.

Татьяна Яковлевна Бах родилась 17 (30 по новому стилю) января 1895 года в Москве. Судя по всему, она рано осиротела. Но все-таки получила хорошее образование, возможно, в Московском Елизаветинском институте благородных девиц. В нем обучались за казенный счет дочери дворян, военных и купцов, преимущественно сироты.

Затем Таня училась в одной из частных балетных школ. В числе ее преподавателей была знаменитая в ту пору балерина Мария д'Арто (Александрова).

Единственное свидетельство о детстве и отрочестве Бах можно найти в книге театрального деятеля Ильи Шнейдера «Записки старого москвича»: «Среди учениц д'Арто была девочка-подросток лет пятнадцати, проявлявшая способности к танцу, певшая недурным голоском и обладавшая живым юмором и даром имитации...

Таня Бах
в пансионе.
Фотография
1909 года

Эта девочка, не имевшая никакой родни, за исключением дальней тетки, бедствовала, перебиваясь мелкими заработками, из которых основными были 5 рублей ежемесячного жалованья, получаемого ею в церковном хоре. Ее способности и веселый уживчивый нрав привлекли к ней наше внимание».

Балерина
Мария д'Арто
(Александрова)

Девушка пела в церковном хоре. Затем испробовала силы в балете на сцене Театра миниатюр в Мамоновском переулке. И в дальнейшем Бах не раз пригодились мастерское владение искусством танца.

Юную артистку пригласили в театр Маргариты Ртищевой, открывшийся осенью 1913 года у Каменного моста вблизи Кремля. Бах участвовала в завершающей программе балетном ди-вертисменте из матросских, норвежских танцев и танго.

Талантливая и обаятельная, Таня быстро стала своим человеком в театральном мире. В 1913 году она – участница литературно-артистических собраний «Лаудита». В том же году завсегдагой этих собраний Евгений Иванов начал издавать сатирический журнал «Театр в карикатурах».

И пригласил к сотрудничеству Татьяну. Скрывшись под инициалами «Т.Б.», она в 1914 году поместила несколько эпиграмм в разделах «Случайные посвящения» и «Рифмы на лету». Вот, к примеру, эпиграмма на Федора Шаляпина, решившего попробовать силы в антрепризе:

*Вам, гениальнейший артист,
Поклонники желают дружным хором,
Чтоб путь ваш не был бы тернист,*

Коль станете антрепренером.

В 1913 году Татьяна начала актерскую карьеру в кино, в знаменитом киноателе Александра Ханжонкова. Ее первая роль – горничная в комедии «Дядюшкина квартира». В этом фильме снимался Иван Мозжухин – кумир тогдашней публики. В 1915 году артистка участвует сразу в нескольких картинах: «Драконовский контракт», «Игра судьбы», «Леон Дрей», «Остался с носом, но без зуба», «Первая любовь», «Тени греха», «Юность прекрасная, светлая, чистая».

Вряд ли, снимаясь в немых черно-белых фильмах, молодая Бах могла предположить, что когда-нибудь окрепший кинематограф задушит веселую оперетту, которой она посвятит всю жизнь.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

В ВИХРЕ ОПЕРЕТТЫ

В феврале 1914 года театр Ртищевой разорился и закрылся. Татьяна перешла в театр Игнатия Зона. У Бах было замечательное лирическое сопрано. И в новом театре она испробовала свои силы не в танце, а в пении. В 1916 году у Зона впервые в Москве была поставлена оперетта Имре Кальмана «Сильва». В ней артистка великолепно исполнила роль Стасси. Эдвина пел Михаил Днепров. Так начался долгий творческий путь Татьяны Бах. Она сыграла множество блистательных ролей, извела громкую славу и познала головокружительный успех.

Театр Зона размещался на Триумфальной площади. А наша актриса жила неподалеку. Она снимала квартиру на Патриарших прудах, в доходном доме Эристовна на Малой Бронной (дом 31/13).

Но в начале 1918 года Зон уехал за границу. В Москве единственной хозяйкой оперетты осталась Евгения Потопчина. Ее труппа выступала в здании бывшего театра «Парадиз» на Большой Никитской улице (дом 19/13). Сюда Бах и Днепров перешли в 1919 году. Здесь на репетиции оперетты Оскара Штрауса «В вихре вальса» Татьяна Бах познакомилась с Григорием Яроном, на многие годы ставшим для нее не только сценическим партнером, но и близким другом. Некоторое время они даже жили в одной коммунальной квартире на Петровке (дом 15). Сам Ярон вспоминал: «Еще до начала репетиций «В вихре вальса» я предложил Потопчиной вымарать в третьем акте весьма неинтересное трио. Потопчина не согласилась: «Нельзя! Наша молодая актриса Татьяна Бах обидится. Вот вы ее завтра увидите – очень талантливая, чудная танцовщица, вообще умница». На другой день я познакомился с моей будущей многолетней партнершей в театре и на эстраде и вскоре убедился, что оценки Потопчиной не преувеличены ни на йоту. Татьяна Бах действительно превосходная опереточная артистка».

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Татьяна Бах активно занималась спортом – играла в теннис и ездила на велосипеде. Фотография 1920-х годов

Хмурая советская власть не знала, что ей делать с веселой венской опереттой. В декабре 1919 года Совнарком принял решение: «Театр оперетки в Москве (антреприза Потопчиной) закрыть немедленно». И после некоторого промедления в сентябре 1920 года театр был закрыт. Но в следующем году на его основе возник Московский театр оперетты, где нашлось место и Бах. Татьяне Яковлевне посчастливилось выступать вместе с Шаляпиным. Считалось большой честью петь на одной сцене с великим русским басом. На концерте 27 января 1921 года в Доме союзов, бывшем Благородном собрании, Бах и Днепров исполняли дуэт из

Евгения Потопчина, российская певица (сопрано), работавшая в жанре оперетты

оперетты Валентина Валентинова «В волнах страстей». После них выступал Шаляпин с романсом «Хотел бы в единое слово...».

Талант Татьяны Яковлевны был несомненен и общепризнан. Современная Большая Российская энциклопедия пишет: «Оригинальным было ее умение импровизировать. Танцевальное и актерское мастерство сочеталось с приятным, захватывающе-выразительным пением». Кроме того, Бах считалась непревзойденной исполнительницей опереточного каскада – быстрого танца, сопровождающегося пением.

Такой яркий талант был востребован даже Большим театром. Одно время Татьяна Бах служила здесь вместе с Григорием Яроном.

В 1924 году в Большом была поставлена оперетта Эдмона Одрана «Маскотта» («Красное солнышко»). В ней артистка исполнила роль крестьянки девушки Беттины, а Ярон – роль неvezучего герцога Лорана. Газета «Известия» откликнулась на эту постановку благожелательной рецензией, назвав Бах и Ярона «китами опереточного жанра».

СЛУХИ И СПЛЕТНИ

В том году газета много рассказывала об успехах нового, советского театра. И никогда – о личной жизни советских государственных и партийных деятелей. Между тем в наши дни если и вспоминают Татьяну Яковлевну, то только как любовницу «всесоюзного старосты» Михаила Калинина.

Современная газетная сплетница утверждает: «Став любовницей Калинина, начинающая певица тут же превратилась в приму московской оперетты». Кроме того, «Калиныч» якобы подарил Бах шубу, купленную за казенный счет. И еще: «Историки могли бы подкрепить сей факт печатным словом, достав из фондов Библиотеки им. В.И. Ленина номер газеты «Известия» за 1924 год с фельетоном Демьяна Бедного «О том, как наш староста Калиныч отбил Татьяну Бах

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Татьяна Бах
в оперетте
«Вольный
ветер».
Фотография
1950-х годов

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

у Авербаха». На полполосы поэт расписал в красках предоставленный ему НКВД компромат на Калинина».

Что ж, «подкрепляю» сей факт: в «Известиях» такой фельетон никогда не публиковался. Но откуда взялась сплетня? Якобы от самого Льва Троцкого. Утверждают, что в амстердамском собрании его бумаг сохранился рукописный фельетон начала 1930-х годов под таким же заглавием – «О том, как наш староста...». Но архив Троцкого – странный предмет. Вроде бы есть, а вроде бы нет. Никто его не видел. Поэтому сложно понять, где тут ложь, а где – правда.

Правда в одном – в 1924 году Бах была не начинающей певицей, а «китом опереточного жанра». И всего она добилась сама, а не с помощью «Калиныча».

Летом 1926 года Московский театр оперетты закрылся. Татьяна Яковлевна вместе с некоторыми

ведущими солистами покинула московскую сцену. Уехала в Харьков, но вскоре вернулась в Москву. Поэт Вадим Шершеневич высмеял отъезд звезд оперетты в фельетоне «Бравада»: «Говорят, что Бах, будучи на распутье между Харьковом и Москвой, встала со свечкой у Иверской и думала: «Куда свечка склонится, туда я и поеду. Склонится к Тверской – в коллектив. Склонится к вокзалу – в Харьков». Свечификация указала на Харьков».

С 1927 года Бах – солистка нового Московского государственного театра оперетты. Замужем за уважаемым человеком. Татьяна Шмыга вспоминала: «Она потрясала зрителей не только своей эффектностью, бравурностью, каскадами, но и роскошными костюмами. Т.Я. Бах могла себе позволить выступать на сцене в собственных туалетах – ее мужем был очень известный в Москве врач-гомеопат Постников».

ЖИЗНЬ СЕМЕЙНАЯ

О докторе Василии Васильевиче Постникове следует сказать особо. Он родился в Москве в 1895 году в семье протоиерея Василия Постникова, настоятеля храма Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище. С 1935 года Василий Васильевич работал в Московской гомеопатической поликлинике. Недолгое время был ее директором. Постников и Бах жили хорошо: у них была машина, дача – одноэтажный дом с большой застекленной верандой и ухоженным огородом.

Постников был арестован 16 июня 1938 года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации врачей-гомеопатов и заключен в Таганскую тюрьму. На сайте «Сахаровского центра» можно прочесть воспоминания некоего Ивана Башкирова. В них есть строки, посвященные Постникову: «Однажды в камеру 315 вошел плотный мужчина лет сорока пяти, в отличном, но сильно помятом костюме, в кремовых ботинках, с энергичным, чуть смуглым лицом. Щеточки черных усов, под машинку остриженный шар головы и строгий внимательный взгляд карих глаз дополняли внешность. Это был Василий Васильевич Постников, крупнейший врач-гомеопат. Был он настолько известен, что запись к нему шла за несколько месяцев». Сокамерникам доктор говорил: «Мне как врачу известны некоторые факты об отравлении Максима Пешкова, сына Горького, и самого Горького».

Поскольку явных доказательств вины Василия Васильевича не нашлось, 1 июля 1939 года он был освобожден. Но машина и дача, судя по всему, у него были отобраны. О дальнейшей судьбе доктора нет достоверных известий. Его могила находится на Ваганьковском кладбище возле храма. К сожалению, неизвестны обстоятельства смерти Постникова. Сообщается, что он умер «в ссылке или тюрьме» и даже «погиб, репрессирован за брата-свя-

щеннослужителя». Что за загадочный брат? Это Иван Васильевич Постников – деятель антисоветской «катакомбной» православной церкви. В феврале 1928 года он принял от епископа Арсения (Жадановского) тайный монашеский постриг с именем Филарет, а затем – священнический сан. Возглавлял нелегальный монастырь в деревне Трубачеевке под Москвой. Был арестован 28 декабря 1930 года и приговорен к трем годам ссылки.

Помимо Ивана у Василия были еще братья – Александр и Георгий. Александр Постников – инженер, профессор Химико-технологического института имени Д.И. Менделеева, преподаватель Московского института инженеров транспорта, автор нескольких книг. Кажется, он умер своей смертью. А вот Георгий Постников был расстрелян в 1938 году на Бутовском полигоне. Руководитель группы сводного плана Наркомвнуторга СССР, библиофил, он был знаком с мыслителями Алексеем Лосевым и Сергеем Дурьилиным. Был обвинен в «контрреволюционной клевете». Но вины не признал. В наши дни православная церковь причислила его к лику святых и включила его имя в Собор новомучеников и исповедников российских, в Бутово пострадавших.

Кстати, Бах и Постников были верующими. В письмах Татьяна Яковлевна поздравляла знакомых с Пасхой, а слово «Бог» всегда писала с прописной буквы. Недаром Шершеневич высмеивал «свечификацию» у Иверской! Между тем наша примадонна входит в возраст и постепенно изменяет амплуа. Она уже не играет легкомысленных красоток – лирических героинь и субреток, а переходит к ролям характерным, возрастным. В 1928 году она исполнила сразу две подобные роли в оперетте Юрия Сахановского «Людювик ...надцатый». Это одна из первых советских оперетт. Ее сюжет был злободневен и необычен: нэпманская Москва, зубной врач Флюс (он же спекулянт мануфактурой) недоумен большевиками и мечта-

Татьяна Яковлевна с мужем Василием Постниковым на курорте. Фотография 1930-х годов

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ет оказаться в романтической и галантной Франции времен Людовика XIV. Флюс зачитывается книгами Дюма и берет уроки французского языка у гувернантки Эклер. За чтением очередного романа зубной врач засыпает и видит сон: он переносится в прошлое и попадает ко двору Людовика ...надцатого. Но жестокое разочарование ожидает незадачливого спекулянта. И в роскошном Версале он не раз тоскливо вспомнит свою тихую квартиру на Малой Бронной.

Роль зубного врача исполнял Ярон. Бах играла гувернантку Эклер и французскую королеву из сна Флюса.

Теперь «Людювик ...надцатый» забыт. Забыта и роль Татьяны Яковлевны, которой восторгался критик Михаил Загорский: «Та самая Татьяна Бах, которая, казалось, никогда не выйдет из рокового круга опереточного шика, бле-

ска, роскошных платьев, обворожительной улыбки. Посмотрите, с какой великолепной изобретательностью, с какой крепкой жанровой остротой она изображает гувернантку Эклер с ее смехотворной, спотыкающейся, акцентированной речью, со смешной жеманностью старой девы и уморительными попытками быть обворожительной».

С тех пор примадонна занята не только в классическом репертуаре, но и в новом, советском. В 1932 году в оперетте Николая Стрельникова «Холопка» Бах играет французскую певицу Виолетту Леблан. А через пять лет Татьяна Яковлевна стала первой исполнительницей роли Софьи Михайловны (матери Яринки) в оперетте Бориса Александрова «Свадьба в Малиновке». Музыковед Моисей Янковский особо отметил это в книге «Советский театр оперетты»: «Большой интерес представил сложный путь, пройденный артисткой Т. Бах, которая от бесчисленного количества ролей «героинь» и «каскадных» неовенского репертуара обратилась к глубоко человеческому образу крестьянки Софьи Михайловны». Сменить амплуа вынуждал не только возраст. Появились проблемы со здоровьем – Татьяна Яковлевна полнела. В августе 1936 года театральный критик Виктор Ивинг (Иванов), увидев актрису на сцене, неприязненно записал в дневнике: «Бах в I акте потрясающе в серовато-голубом с серебром обтягивающем платье. Самое широкое место у нее – талия, хотя и остальные части тела

Татьяна Бах на даче. Фотография 1930-х годов

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Татьяна Яковлевна в последние годы жизни. Фотография 1970-х годов

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

далеко не худощавы... Уже давно принимает всевозможные меры от полноты. Каталась на велосипеде, выдерживала строгую диету, вышла замуж за д-ра Постникова, известного гомеопата. Вот и верь после этого в гомеопатию. Постников считается знаменитостью, а собственной жене не способен помочь».

НА ЗАКАТЕ ДНЕЙ

Когда началась Великая Отечественная война, Театр оперетты был эвакуирован из Москвы. Но Бах не уехала. Вместе с некоторыми оставшимися артистами она давала концерты в госпиталях и на сборных пунктах. В декабре 1941 года в Москву вернулся Ярон – художественный руководитель театра. Тот час начались репетиции «Свадьбы в Малиновке», которой столичная оперетта возобновила работу в январе 1942 года.

В конце войны Татьяна Яковлевна часто гастролировала. В декабре 1944 года она писала Элеоноре Мелодист, матери Ярона: «Я очень много ездила на гастроли, пела «Сильву», «Марицу», «Баядерку». И буквально все, кто знал меня раньше, многие меня еще помнят по театру Потопчиной (актеры, которые там со мной работали), все говорят: «Татьяна Яковлевна, мы помнили вас каскадной актрисой, а теперь вы певица».

После войны, в августе 1947 года, состоялась премьера одной из лучших советских оперетт – «Вольного ветра» Исаака Дунаевского. В ней Бах исполнила роль Клементины Марич (матери Стеллы).

За выдающиеся творческие достижения 5 ноября того же года Татьяна Яковлевна удостоилась от советского правительства звания заслуженной артистки РСФСР. Соответствующая на-

градная грамота была вручена ей 15 января 1948 года.

Солнце театральной карьеры Бах, ярко взойдя и блистательно просияв, клонилось к закату. На сцену пришли молодые актрисы. Одна из них, Татьяна Шмыга, позже напишет о знаменитой тезке: «Хотя ее прежняя слава, ее успехи были уже в прошлом, она продолжала держаться как примадонна... Помню, при мне Т.Я. Бах выступала в «Вольном ветре» Дунаевского в роли матери Стеллы, главной героини этой оперетты, или мадам Арно в «Фиалке Монмартра».

В 1949 году Татьяна Яковлевна стала первой исполнительницей роли Параси Никаноровны в оперетте Юрия Милютина «Трембита». А в 1955 году Бах была назначена персональная пенсия. Тогда это многое значило – персональный пенсионер союзного значения! Наверное, в это же время она переехала на новую квартиру – из Большого Тишинского переулка на улицу Горького, в дом 46в. Теперь это дом 18 по Тверской-Ямской.

В 1957 году (по другим сведениям – в 1966-м) Татьяна Яковлевна оставила сцену. А в августе 1971-го переехала в Дом трудовой интеллигенции на Правобережной улице. В наши дни – Пансионат ветеранов труда №1. Здесь Бах и умерла 17 сентября 1983 года. Ее похоронили на 36-м участке Даниловского кладбища.

Актриса надолго пережила свою славу. Такова участь многих звезд театра и кино. Из всех партнеров Бах по сцене современному зрителю более или менее памятен только Ярон.

Немые фильмы, в которых снималась Татьяна Яковлевна, мало кому известны. Звуковой кинематограф давно отбил у публики вкус к оперетте. Практически невозможно услышать прекрасный голос артистки, увидеть ее яркую игру. Но значит ли это, что Бах недостойна нашей памяти? ❶

* Автор – сотрудник
Государственного музея
А.С. Пушкина.

А.И. Гебенс.
Николай I
в мундире
генерала
по лейб-гвардии
Уланскому полку.
1853 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ФОТОГРАФ С КИСТЬЮ И ПАЛИТРОЙ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I, КАК ХОРОШО ИЗВЕСТНО, БЫЛ ВЕСЬМА ВЫСОКОГО МНЕНИЯ О СОБСТВЕННОЙ ВНЕШНОСТИ. НА ТО У НЕГО ИМЕЛИСЬ ВСЕ ОСНОВАНИЯ, ЧТО ПОДТВЕРЖДАЮТ ПОРТРЕТЫ ГОСУДАРЯ, СДЕЛАННЫЕ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ РАЗНЫМИ ХУДОЖНИКАМИ. НО ИМЕЮТСЯ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ДВА ИСКЛЮЧЕНИЯ.

Н ИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, желая того или нет, позировал мастерам кисти с малолетства. Первое известное изображение великого князя датируется 1797 годом. Двойной портрет, на котором Ника изображен вместе с сестрой Анной, писан Владимиром Боровиковским, когда персонажу едва исполнился год. Позже над образом работали живописцы как известные, так и вовсе нынче позабытые: Алоиз Густав Рокштуль, Джордж Доу, Александр Поляков, Василий Голлике, Франц Крюгер, Николай Федоров, Егор Ботман, Василий Тимм, Николай Майков, Орас Верне, Богдан Виллевальде, Владимир Сверчков... Последний мастер, правда, творил в 1856 году не с натуры. Государь ушел из жизни годом ранее.

Не готов утверждать, что кто-либо из перечисленных авторов был склонен приукрашивать образ и без того интересного мужчины, изображенного на этих полотнах. О внешности самодержца современник во второй половине 20-х годов XIX века писал так: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный... Свежесть лица и все в нем выказывало железное здоровье». Спустя без малого четверть века врач лейб-гвардии Конного полка лейб-медик Филипп Карель рассказывал барону Модесту Корфу: «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты.<...> Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аскультации, я убедился, что все это свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»

В 1853 году был написан еще один портрет – «Николай I в мундире генерала по лейб-гвардии Уланскому полку». Официальный заказ из Зимнего был сделан художнику Адольфу Гебенсу. На парадном портрете застыл

мужчина более чем средних лет с легко узнаваемым лицом. В первую очередь благодаря огромным глазам «василиска». Темно-синий уланский мундир с красным лацканом на груди плотно облегает торс императора, вследствие чего отчетливо виден выступающий из-под сукна и офицерского шарфа живот. На портрете Гебенса царь выглядит, мягко говоря, не таким стройным и подтянутым, каким живописали его другие. Да, государю 57 лет, канун войны, за плечами 28 лет царствования – так что нет ничего удивительного в том, что формы уже не те. Удивительно другое: решимость художника, вовсе не чужого в России и при дворе, нарушить устоявшееся правило. Не дрогну-

ла кисть, что называется. Но еще более удивительно, что никаких санкций со стороны повелителя не последовало. Картину приняли, отправили в Царское Село, в музей которого она и доселе хранится. Гебенс продолжил получать государственные заказы. Выходит, высокое мнение о себе не мешало Николаю Павловичу быть к себе объективным, а в некоторых случаях – и ироничным.

Адольф Иванович Гебенс прибыл в Россию в 1844 году. 25-летний художник к этому времени прошел хорошую школу. Рожденный в германском городке Эльбине в 1819 году, он поступил в Берлинскую академию искусств, затем несколько месяцев брал уроки в Париже, перебрал-

В.Л. Боровиковский. Портрет великого князя Николая Павловича и великой княжны Анны Павловны в детстве. 1797 год

ся на стажировку в Италию и, наконец, на два года осел в Данциге, где ученичество закончилось и началась работа. Вероятно, Гебенс сделал что-то весьма достойное, раз получил рекомендации к русскому императорскому двору. А без рекомендаций он вряд ли, едва появившись в Петербурге, получил бы заказ сразу на две работы. Ему предложили сделать копии с портретов императрицы Елизаветы Петровны и великой княжны Александры Николаевны, младшей дочери Николая I. Предполагалось, что в случае удачного исполнения копии будут вывешены в Романовской галерее Малого Эрмитажа. Как и на что жил Гебенс в Петербурге следующие четыре года, неизвестно. Никаких официальных бумаг на сей счет не сохранилось. А значит, можно предположить, что его первые работы оценили сдержанно. Надо заметить, что в царствование Николая Павловича конкуренция среди художников в столице была высока. И не столько доморощенных, сколько приезжих. Богатство и роскошь аристократического света Северной Пальмиры манили мастеров кисти из Европы. В свою очередь, талантливые или нахрапистые не оставались незамеченными, так как живопись в первой половине XIX века являлась не только высоким искусством, но и вполне банальным средством информации. Фотография только зарождалась, а люди, особенно богатые, нуждались в том, чтобы в истории остались их лица, их любимые животные и интерьеры, архитектурные изыски в поместьях, озера и рощи в угодьях. И все прочее, что и составляло их жизнь. Обеспечить следующим поколениям представление об этой жизни можно было только двумя способами: описать словом и описать карандашом или кистью. Спасибо им, художникам и заказчикам, что в свое время побеспокоились и сохранили нам возможность увидеть мир прошлого в оригинале. Одним из таких мастеров и стал Адольф Иванович Гебенс.

СЕКРЕТ УСПЕХА

На этот вопрос затрудняется ответить даже главный исследователь жизни и творчества художника, начальник военно-исторического отдела музея-заповедника «Царское Село» Георгий Введенский. А именно: что помогло Гебенсу получить в 1848 году следующий заказ Собственного кабинета Его Императорского Величества? Но в том, что заказ был, Георгий Эдишевич абсолютно уверен. Ему удалось обнаружить финансовый документ, из которого следует, что Кабинет оплачивал картины художника начиная с 1848 года по 400 рублей серебром за холст. Более чем достойно, если учесть, что килограмм зерна в это время стоил 12 копеек. Некто штурман Черноморского флота Филипп Машкин по ведомости за 1845 год получил годовых 345 рублей серебром.

Если прибавить, что с этого же года Адольф Иванович преподавал живопись в рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств, можно утверждать, что жизнь стала налаживаться. Пошли заказы из аристократических кругов. Гебенс исполнил портреты графа и графини Строгановых, министра внутренних дел Ланского, генерал-адъютанта Огарева. Однако все эти портреты были лишь отголосками прежних надежд. В Гебенсе теперь видели не портретиста, коих в Петербурге имелось в достатке. В нем разглядели мастера батальной живописи. И не где-нибудь, а в Зимнем дворце.

Что касается батальной живописи, то сегодня большинством из нас могут вспомнить считанные имена. Само собой, георгиевского кавалера Василия Верещагина, мэтра этого жанра. Он прославился полотнами, отразившими успехи и неудачи русских войск на Кавказской войне, в Туркестанских походах, в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Знают имя Митрофана Грекова (Мартыщенко), создавшего собственную школу батальной живописи в советское время, но де-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.И. Гебенс.
Группа преподавателей и воспитанников Берейтерской школы. 1859 год

бютировавшего зарисовщиком картин Первой мировой войны, в которой участвовал вовсе не армейским художником. Разумеется, вспомнят его учителя Франца Рубо, создавшего три батальные панорамы: «Оборону Севастополя», «Бородинскую битву» и куда менее известную «Штурм аула Ахульго». Ну, кого еще? Да, Джорджа Доу, написавшего портреты генералов Русской армии для Военной галереи 1812 года в Эрмитаже. Пожалуй, все... Хотя были в XIX веке такие мастера, как график и скульптор Иван Тербенёв, Франц Крюгер, Богдан Виллевалде, Николай Каразин. Намеренно обхожу живописцев-маринистов, ибо это – отдельная тема. В ряду художников-баталистов достойное место должен занять и Адольф Гебенс – бытописатель, вернее, бытохудожник Русской армии на протяжении двух десятков лет: с 1848 по 1869 год. Есть свидетельства о том, что в 40-х годах XIX века император Николай I познакомился с нарождающимся искусством фо-

тографии. Даже держал в руках фотоаппарат. В том смысле, что просто осматривал новую машинку для увековечивания памяти. Однако не проникся. И предпочитал «фотографировать» бытие с помощью проверенного способа: живописи, рисунков, гравюр, скульптуры, офорт. А для этого нанимал проверенных специалистов.

ДЕТАЛЬНАЯ РАБОТА

Первые из сохранившихся работ Гебенса не отличались художественным изыском, уникальной композицией, стремлением превзойти реальность. Скорее – наоборот. Он тщательно выписывал детали солдатской и офицерской жизни, скрупулезно следовал тем принципам, которые сегодня исповедуют мастера военной миниатюры, создающие из олова и прочих сплавов столь популярные фигурки воинов разных эпох. Живопись Гебенса можно назвать батальной только в том смысле, что персонажам его полотен были военные. Но вовсе не воюющие.

А.И. Гебенс.
Солдаты
лейб-гвардии
Московского
полка стирают
белье. 1850 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.И. Гебенс.
Солдаты
лейб-гвардии
Павловского
полка
на бивуаке.
1850 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Судите сами: «Крестьяне прощаются с Семеновцами» (лейб-гвардии Семеновский полк), «Измайловцы в деревне» (лейб-гвардии Измайловский полк), «Квартирьеры лейб-гвардии Преображенского полка», «Солдаты лейб-гвардии Московского полка стирают белье», «Павловцы бреются» (лейб-гвардии Павловский полк), «Преображенцы пляшут под балалайку»...

Гебенс, рисуя жанровые сценки, мастерски передавал быт, настроения, отношение русского солдата к службе. А еще – до мелких деталей выписывал то, чему в армии всегда придавали особое значение: форму, знаки различия, награды, проявления субординации и почитания. В первых работах почти нет намека на узнаваемость прототипов. Прежде всего художник ста-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

рался не забывать о «полковых особенностях» изображаемых солдат. Павловцы у него, как и положено, были курносы, москвичи – рыжие. Все как в жизни. Помнил Адольф о принципах, по которым велся отбор новобранцев в гвардейские части. Хотя и в этих картинах он, что называется, штатный портретист, некоторым персонажам сохранял узнаваемость. Более того, сохранил для истории имена некоторых изображенных им солдат. Желание и необходимость вернуться к системной «портретности» персонажей появились во время работы над серией, которая называлась «Одиннадцать картин, изображающих Его Императорское Величество со свитой и всех полков гвардии». Тут уж действительно, никуда не деться. Император должен быть похож на императора, а стало быть, и свитские генералы, и полковые офи-

церы тоже. К сожалению, о дебюте Гебенса в батальной живописи известно, но не более. Увидеть сами полотна, похоже, возможности не представится. Они погибли в годы, когда «придворная живопись» в глазах советской власти ценности не имела. Характерный пример нового подхода в творчестве Гебенса – картина «Группа чинов Крымско-Татарского эскадрона», датированная 1858 годом. Была в русской гвардии и такая часть. Все вроде как обычно: несколько персонажей в тщательно описанной военной форме, условный пейзаж за спинами. Но каждый из восьми изображенных на картине – реальные люди. Поручик Сеатта Мурза Сулейманович, корнет Мамет Ахметов, полковник Батбер Челеби Муфта Заде, трубач Иван Корнилов, корнет Хазан Мурза Палкачев, вахмистр Эмир

Мурзаев и рядовые Каями Ахметов и Али Ильблосов. Заметьте, и нижние чины не забыты. Судьбы этих людей сегодня в большинстве своем тайна. Как и на многих фотографиях, хранящихся в домашних архивах. Но их лица, лица-то – вот они! Кто сейчас помнит о существовании такой воинской части в середине XIX века, как лейб-гвардии Гарнизонный батальон? В 1799 году он был сформирован из заслуженных чинов гвардии, неспособных переносить тяготы действительной службы. Потом были всяческие преобразования и реформирования. Но в 1859 году несли службу в батальоне полковник Гусев, капитан Андреев, штабс-капитан Орлов, прапорщик Юрьев... Имена ветеранов остались в памяти благодаря все тому же Адольфу Гебенсу. В общей сложности сохранилось до наших дней около 140 полотен его

А.И. Гебенс.
Песенники
лейб-гвардии
Семеновского
полка. 1848 год

А.И. Гебенс.
Группа чинов
Крымско-
Татарского
эскадрона.
1858 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

А.И. Гебенс.
Группа чинов
лейб-гвардии
Гарнизонного
батальона.
1859 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

кисти, посвященных Русской армии. Насколько ценили картины Гебенса в царской России? Получивший отменное гуманитарное (помимо военного) образование князь императорской крови Гавриил Константинович вспоминал: «В передней я повесил мои любимые картины А. Гебенса...» Они – картины Адольфа Ивановича – по-прежнему в цене. Хранятся в лучших музеях, в том числе в Государственном Эрмитаже, Русском музее, музеях-заповедниках «Петергоф», «Царское Село», «Гатчина», Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, в Мемориальном музее Суворова. Не так давно на одном из аукционов была представлена случайно обнаруженная в частной коллекции картина Гебенса «Чины 3-его пехотного корпуса». Предварительная оценка лота – до 7,5 миллиона рублей.

А.И. Гебенс.
Офицеры
и рядовые
лейб-гвардии
Павловского
полка. 1854 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА

В 1861 году баталист был удостоен звания академика Императорской академии художеств. Несмотря на слишком реалистичный портрет Николая I, его сын, император Александр II, отдавал должное таланту баталиста-«фотографа». В 1863 году Адольф Иванович, уже обжившийся в Петербурге и Петергофе, куда летом выезжал на дачу, получил заказ на семь картин. На сей раз предмет его творческого исследования находился в Варшаве, где было дислоцировано несколько славных полков, входивших в 3-ю гренадерскую дивизию. Командировка получилась своеобразная: в январе того же года в царстве Польском грянуло очередное восстание, продолжавшееся до осени следующего года. Не лучшее время для бытописательства мирной армейской жизни. Что там именно произошло с Адольфом Ивановичем – неизвестно, но в Россию он не вернулся, а направился

А.И. Гебенс.
Смена часового
лейб-гвардии
Гренадерского
полка. 1850 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.И. Гебенс.
Вынос штандарта
лейб-гвардии
Конно-Гренадерского
полка. 1853 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в родные земли. Из Берлина он в 1864 году выслал в Петербург пять работ, связанных с поставленной ему задачей. Год спустя прислал еще две. Правда, посвященные полкам прусской императорской кавалерии. Впрочем, все работы Гебенсу были оплачены по текущему тарифу. Последняя картина, присланная художником в Петербург, – «Генеральный штаб русской армии» – датирована 1869 годом. К этому времени мастеру, видимо, стало ясно, что в Россию он больше не приедет. В Германии он вернулся к классической портретной живописи, имел заказы, выставлялся, продавал работы в галереи. Жизнь шла размеренно и понятно. В стране, которой он отдал двадцать лет жизни, шла тем временем военная реформа. Меняли названия и места дислокации полки, шили новую форму, воевали со среднеазиатскими ханствами и Османской империей. Пришло время новых художников. И пришло время фотографов без

Великий князь Николай Павлович.
Гравюра с рисунка работы О. Кипренского. 1818 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

всяких кавычек. Адольф Гебенс умер в Берлине в 1888 году. А что же портреты Николая Павловича? Второе исключение по части бесспорного великолепия царского облика позволил себе замечательный портретист Орест Кипренский. Даже три исключения. Так как оба портрета, писанные Кипренским в 1814-м, 1816-м, и литография 1818 года с его рисунка предлагают нам совершенно иного человека. Отнюдь не античного героя, уверенного в себе, а субличного и сутулого молодого человека, склонного, судя по всему, к рефлексии. Что ж, каким увидел, таким увидел. Помнил ли об этих портретах Николай? В 1828 году государь повелел считать первым портретистом империи Джорджа Доу. Обиженный советник Академии художеств Кипренский тут же покинул Россию и больше ее никогда не увидел. Умер в Риме в 1836-м. Спустя восемь лет в Петербург приехал Адольф Гебенс. 📌

БАХТИНСКИЙ КРУГ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА, ПОЛИФОНИЗМ, МЕНИППЕЯ, КАРНАВАЛИЗАЦИЯ... У АВТОРА ЭТИХ ПОНЯТИЙ, СТАВШИХ УЖЕ ОБЩЕПРИНЯТЫМИ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ, НАКОНЕЦ-ТО ПОЯВИЛСЯ ПАМЯТНИК. ОН УСТАНОВЛЕН В САРАНСКЕ – ГОРОДЕ, В КОТОРОМ НЕМАЛО ЛЕТ ПРОЖИЛ ПРИЗНАННЫЙ ВО ВСЕМ МИРЕ РУССКИЙ ФИЛОСОФ И КУЛЬТУРОЛОГ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ БАХТИН...

БУДУЩЕЙ ВЕСНОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД, профессор Белградского университета Тая Попович поедет на конференцию, посвященную творчеству Михаила Булгакова, которая пройдет в Москве. Михаил Афанасьевич – один из ее любимых писателей. Не исключено, что ее доклад на этой конференции будет называться «Булгаков и Бахтин». По крайней мере, профессора весьма заинтересовал доселе ей неизвестный факт о том, что Бахтин написал письмо вдове Булгакова и пригласил ее в гости в Саранск. Поводом для приглашения стал роман «Мастер и Маргарита», который Бахтину был прислан для ознакомления. Михаил Михайлович оценил роман очень высоко. Правда, в Саранск Елена Сергеевна Булгакова не приехала...
Интересные параллели и точки соприкосновения в творчестве Михаила Булгакова и Михаила Бахтина (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2009 год, статья «Магия карнавала Михаила Бахтина». – Прим. ред.) литературоведами выявлены давно. Но мало кто знает, что помимо прочего их объединяет еще и извечный «квартирный вопрос». В Саранске, кстати, он измучил Бахтина не меньше, чем Булгакова в Москве.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НЕВЕСЕЛЫЙ КАРНАВАЛ СУДЬБЫ

После отбытия ссылки в Кустанае, которой Бахтину заменили тюремный срок на Соловках за участие в религиозно-философском кружке «Воскресение», Михаил Михайлович прибыл в Саранск в 1936 году и устроился преподавателем в пединститут. Тогда семья Бахтиных жила в снесенной ныне гостинице «Центральная», построенной, между прочим, из кирпичей разрушенного большевиками Петропавловского монастыря, в котором останавливался Емельян Пугачев. Через год Бахтин поселился на станции Савелово Калининской области, затем жил в Кимрах, до 1945 года работал учителем в школе. В 1938 году из-за

Имя ученого из Саранска во всем мире связывают с гуманитарным возрождением

VI Международные Саранские Бахтинские чтения собрали ученых со всего света

остеомиелита Бахтину ампутировали ногу.

В середине 40-х годов Михаил Михайлович возвращается в Саранск. На этот раз ему выделили комнату в бывшем здании саранской городской тюрьмы – именно здесь селили преподавателей мордовского пединститута. Новый заведующий кафедрой зарубежной литературы не жаловался.

Вместе со студентками Саранского университета Тая Попович нашла это здание, стоящее на спуске к реке. И долго сокрушалась у Бахтина взбираться по такой крутой лестнице, да еще на одной ноге? Да с костылями? Ногу-то не на что поставить – такие узкие ступени. Гораздо больше Тане понравилась вторая квартира Бахтина, окна которой выходят на главную площадь города. Правда, и здесь были свои минусы: во время демонстраций окна бахтинской квартиры закрывали огромными плакатами. Нынешние хозяева квартиры позволили Тане Попович осмотреть комнату, которая служила рабочим кабинетом всемирно известному литературоведу. Конечно, ничего о нем здесь не напоминает, ведь с момента отъезда Бахтина из

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Саранска прошло более пятидесяти лет.

О том, как в действительности выглядела квартира Бахтина, Тania Попович смогла узнать в другом месте. Благодаря стараниям Мордовского государственного университета в конце 2015 года в рамках Международных Бахтинских чтений, посвященных 120-летию ученого, в административно-библиотечном корпусе вуза открыли Центр Михаила Бахтина. В его музейной части воссоздана обстановка саранской квартиры Бахтиных: подлинные предметы быта, книжные шкафы с книгами, которыми пользовался ученый. Все это передали распорядители наследия Михаила Бахтина – москвичи Леонтина Мелихова и Сергей Бочаров. Здесь же в отдельной витрине под стеклом хранятся обручальные кольца супругов Бахтиных, хотя, как рассказывала соседка Бахтина, Антонина Шепелева, кольцо супруги ученого, Елены Александровны, им пришлось продать в голодные времена. Но удивляться нечему. Таких мелких бытовых несоответствий в жизни Бахтиных было немало, их принято относить на счет невеселого «карнавала» судьбы, сопровождавшего ученого и при жизни, и после его смерти.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Любимое кресло, стол, за которым он писал свои работы, перевернувшие традиционные представления в литературоведении, заставили вспомнить визиты к ученому тех посетителей центра, которые бывали в гостях у Бахтина, еще будучи студентами.

Для профессора из Белградского университета Тани Попович поездка в Россию – это прежде всего паломничество к Бахтину

Воссозданная обстановка квартиры ученого позволяет приблизиться к миру его идей

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЗАГАДОЧНАЯ КВАРТИРА

О квартире Бахтиных в Саранске ходили легенды, несмотря на то, что Михаил Михайлович и Елена Александровна жизнь вели замкнутую, в гости приглашали далеко не всех знакомых. Разговоров о политике Бахтин старательно избегал, местных газет не читал, жизнь города, по которому он передвигался одним и тем же маршрутом – от дома до работы и обратно, – его не интересовала.

В небольшом Саранске Бахтина воспринимали как человека не от мира сего. Горожанам, большинство из которых тогда были заняты на производстве медикаментов и лампочек, казался очень странным этот инвалид, кропающий что-то о Рабле, эпохе Возрождения и Достоевском. По воспоминаниям тех, кто бывал у Михаила Михайловича, квартира Бахтиных тонула в клубах сигаретного дыма. Скучная мебель, драные обои, многочисленные стопки книг, расставленные на полу и мешавшие передвигаться по комнате... В присутствии посторонних супруги всегда общались друг с другом на французском или английском – боялись доносов. Бахтины жили настолько бедно, что порой им приходилось растягивать несколько картофелин на неделю, а для того, чтобы купить подешевле морковь, Елена Александровна брела через весь город на колхозный рынок. Соседи вспоминали, что хозяйка Елена Александровна была не ахти какая, однако именно она была лучшим собеседником и надежным другом для своего мужа. Она же старательно ограждала его от праздного любопытства соседей и некоторых коллег. Все эти странности породили немало местных легенд о Бахтине, некоторые из них поражают своей нелепостью. Кое-кто, например, считал его едва ли не алхимиком.

А визит в 1961 году московских литературоведов Вадима Кожинова, Сергея Бочарова и Георгия Гачева? Вадим Кожинов, восторгавшийся работами Бахтина,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

был уверен, что Михаил Михайлович сгинул либо в период репрессий, либо в военное лихолетье. В своих воспоминаниях гости саранского затворника сообщают, что, увидев живого Бахтина в маленькой захлавленной бедной квартирке, испытали настоящий шок. Кто-то из них даже встал на колени от избытка чувств...

А издания работ Бахтина за рубежом? А почтовые переводы гонораров в валюте? Горожане косились на Бахтиных: странные какие-то... Да и книги этого Бахтина мало кто мог понять – о чем он пишет? Что уж говорить о простых людях, если даже специалисты из-за них до сих пор ломают копья? Сложный и плотный текст Бахтина, его стремление уклоняться от точных формулировок, использование

многозначных терминов – все это породило огромное число его толкователей. Что дало повод известному бахтиноведу Цветану Тодорову утверждать: «К единогласию о значении Бахтина приходят быстро, разногласия в толкованиях его мысли не перестают расти...»

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК

Когда ходишь между старинными предметами воссозданной в музее центра обстановки квартиры Бахтиных, то невольно представляешь сценки, свидетелями которых были эти безгласные шкафы, стол, книги... Вот рукопись романа «Мастер и Маргарита», которую Михаил Михайлович старательно прячет от чужих глаз под своими рукописями о Рабле и Достоевском... Вот молодые московские литературоведы

В открывшемся Центре Бахтина представлены оригинальные работы известных художников

во главе с Кожинным, стоящие на коленях и жадно ловящие слова вновь обретенного учителя... А вот Елена Александровна, привычно подпирающая кулачком подбородок и нервно крутящая кольцо на худом пальце... Настоящим украшением экспозиции организаторы центра называют графику известных художников, особо выделяя рисунки Эрнста Неизвестного. Они, как всегда, привлекают своей необычностью и неповторимостью. А ведь когда-то университет отказал Неизвестному в праве принять участие в изготовлении памятной доски, посвященной Бахтину... А теперь рисунки Неизвестного здесь – на почетном месте.

«Наша мысль изучает мир, совершая некое смеховое действие над ним» – эта цитата из знаменитого труда Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» красуется на одной из стен центра. Молодые студентки университета, сопровождающие Таню Попович, доказывают это незамедлительно. Они стеснительно хихикают, потому что профессор Белградского университета, прекрасно владеющая русским языком, уже несколько раз ошиблась в ударении, произнося фамилию Бахтина. Конечно, сербская гостья прекрасно знает, на какой слог нужно ставить ударение, просто она так разволновалась, что позабыла все правила.

Поводов для волнения у Попович много. Для нее каждый предмет, каждый факт из жизни Бахтина наполнен особым смыслом. Во-первых, потому что для нее Бахтин – фигура, можно сказать, космического масштаба. А во-вторых, ее семья также пережила все «прелести» репрессий со стороны властей. Ее отец, сотрудник одного из научных институтов Белграда, пострадал во время разрыва отношений между СССР и Югославией в период ссоры между Сталиным и Иосифом Броз Тито. «В нашем доме, – рассказывает Таня, – было принято

Таня Попович (третья слева) среди ученых и преподавателей Мордовского госуниверситета на открытии памятника

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

восхищаться русской литературой, культурой. Отец был большим поклонником России и за это расплатился тюрьмой, а семья прошла через период репрессий. Поэтому все горести, выпавшие на долю Бахтина, травля, преследования мне понятны, так как моя семья тоже их испытала. За русофильские настроения немцы расстреляли брата отца, когда заняли Белград. Но эти испытания не помешали нам любить Россию». О России Таня узнавала не только от отца, но и от многочисленных русских эмигрантов, живших в Белграде. Большинство ее сверстниц ездили в туристические поездки в Европу, а ей хотелось поехать только в Россию. К тому же там можно было больше узнать о Бахтине. С его работами она познакомилась в Белградском университете. Лекции о работах Бахтина были включены в курсы литературоведения. Когда Таня в первый раз посетила СССР, в 1983 году, о Бахтине здесь мало кто вспоминал. В 90-е годы в России о Бахтине появилась масса публикаций.

В Центре Бахтина собраны материалы о людях, входивших в бахтинский круг общения

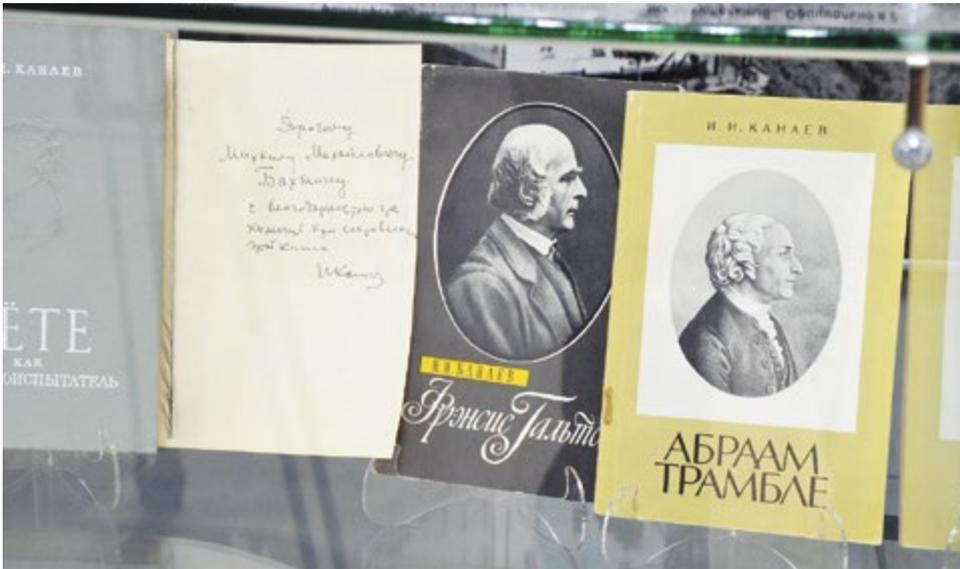
Ни один мемуарист не обходится без упоминания о пристрастии великого мыслителя и литературоведа к курению

Таня Попович делала копии статей, покупала его книги, приводила все в Белград, перевела на сербский одну из сложнейших работ Бахтина – «К философии поступка». Когда она рассказала своим коллегам в Белградском университете, что едет в Саранск на Бахтинские чтения, то они в один голос заявили, что ей очень повезло. Популярность работ Михаила Бахтина на Западе велика. «Вы не представляете, как волнующе пройти по улицам, по которым ходил Михаил Михайлович, видеть дом, где он жил», – признается Таня Попо-

вич и делится главным впечатлением. Когда она была в Болдине и в Михайловском, у нее возникало ощущение, что она находится рядом с Пушкиным, он как будто незримо присутствовал там вместе с каждым из гостей. А в Саранске такого ощущения относительно Бахтина не возникало. Потому что, как считает Таня Попович, с Бахтиным можно быть наедине в любом месте. Бахтин не соотносится с окружающим его миром. Он его не замечал, окружающее на него никак не влияло, настолько он был силен духом. Но в Саранске

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

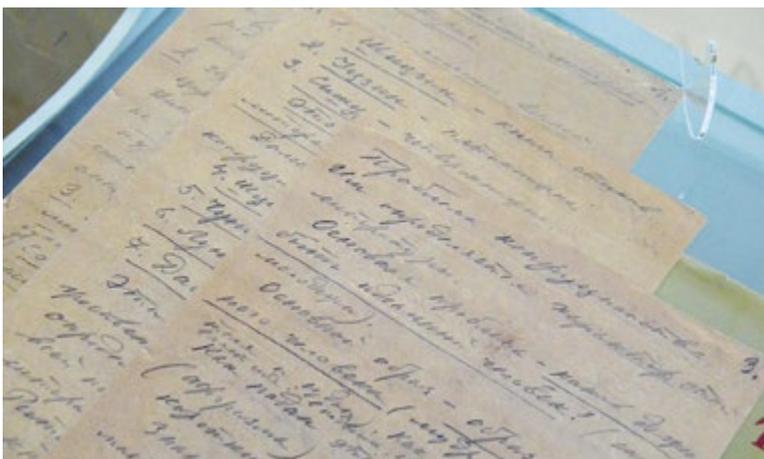
Таня Попович почувствовала горячую благодарность городу за то, что он сохранил Бахтина, дав ему здесь возможность работать и выжить.

...Единственный в мире памятник Михаилу Бахтину был открыт в первый же день Международных Бахтинских чтений в университетском сквере. У ног бронзового философа, скрытых пледом, – стопка книг. В руке – сигарета. Как признали все участники церемонии открытия памятника, место выбрано замечательно. С трех сторон сквер окружен стенами университета. И летом, и зимой здесь собираются студенты, чтобы перекусить пирожками из столовой или домашней снедью, купленной на соседнем рынке. Вон там, под высокой рябиной, традиционно назначают свидания и листают конспекты. Это

самая привычная атмосфера для Бахтина, ведь в университете он был чаще окружен студентами, нежели преподавателями. Коллеги обычно его старательно обходили и игнорировали, помня, что пребывание опального ученого в Саранске носило характер вынужденный, а университетский партком советует быть с ним настороже.

Но теперь круг замкнулся, и Бахтин в Саранске прописан навечно. Об этом говорили и на открытии памятника. Ректор университета Сергей Вдовин подчеркнул, что жизненный путь Михаила Бахтина – пример целеустремленности, научного творчества, пример беззаветного служения науке, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства. Здание университетского корпуса, на крыльце которого Бахтин

Теперь с кругом чтения ученого может ознакомиться каждый гость Центра Бахтина: Михаил Михайлович бережно хранил книги коллег с их автографами

Большой благодарности заслуживают распорядители наследия ученого, которые сберегли и передали в дар университету его рукописи

часто стоял в ожидании подводы с лошастью, которая иногда довозила его до дома, сейчас снесено, вместо него возведено новое. Но в городе еще живы люди, помнящие, как Бахтин, тяжело дыша и стуча костылями, входил в аудиторию. Как он прислонял костыли к кафедре и, закулив сигарету, начинал лекцию. Он никогда не пользовался конспектами или записями. Зато наизусть читал на древнегреческом Гомера, цитировал огромные отрывки из Гоголя и Достоевского, увлекался так, что, жестикулируя, ронял костыли.

«Я очень рад, что дожил до того времени, когда ему поставили памятник!» – радуется один из бывших студентов Бахтина, Михаил Павлович Глебочкин. Открытие памятника Михаилу Михайловичу стало итогом многолетних чаяний преподавателей и выпускников местного университета.

Как рассказал скульптор Николай Филатов, памятник был готов еще десять лет назад, но средства для того, чтобы установить его, нашлись только сейчас – к 120-летию юбилею со дня рождения ученого. Выступавшие с горечью замечали, что когда сами учились в университетах, то не слышали даже имени Бахтина, а сейчас, например, в военном вузе в Воронеже слушается специальный десятичасовой курс по Бахтину. Словно в подтверждение этого многие горожане, проходившие мимо сквера, останавливались и спрашивали, кому и за что открывается памятник. А услышав ответ, удивленно пожимали плечами и шли дальше.

«Такое часто случается не только у вас, – говорит Таня Попович, – во всем мире люди о гениях, живших рядом с ними, узнают слишком поздно, а зачастую – со стороны, от совсем посторонних людей. Об этом я буду в том числе говорить в своем докладе на чтениях».

Она была одной из первых среди тех, кто возложил цветы к гранитному подножию бронзового монумента... ❀

ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

МАТЬ КИРИЛЛА СИМОНОВА БЫЛА УРОЖДЕННАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ОБОЛЕНСКАЯ, ОТЕЦ – ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЦАРСКОЙ АРМИИ МИХАИЛ СИМОНОВ. ТРУДНО ИЗБЕЖАТЬ СОБЛАЗНА ЗАДУМАТЬСЯ, КЕМ БЫ СТАЛ ЭТОТ МАЛЬЧИК, СЛОЖИСЬ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ИНАЧЕ ИЛИ РОДИСЬ ОН ПОКОЛЕНИЕМ РАНЕЕ. НО СКОЛЬКО НИ ДУМАЙ, ВСЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ОН ИЗБРАЛ БЫ ТУ ЖЕ СУДЬБУ – И ОФИЦЕРСКУЮ, И ПОЭТИЧЕСКУЮ.

Константин
Михайлович
Симонов
(1915–1979)

МАЛЬЧИК РОДИЛСЯ в 1915 году. Отец к моменту его рождения уже был на фронте, служил начальником штаба 43-го армейского корпуса, затем, с осени 1917-го, – в штабе 5-й армии. Про отца своего Симонов писал, что тот пропал в Первую мировую войну. Сын поэта, Алексей Симонов, пишет, что дед долго не объявлялся, а потом в 1921–1922 годах писал жене из Польши, куда эмигрировал, и звал ее к себе вместе с сыном. Она отказалась к нему ехать. После 1922 года его следы теряются. В любом случае, отца своего поэт Симонов не знал и не видел.

Из голодного советского Петрограда Оболенские уехали в Рязань. Александра Леонидовна там вышла замуж за бывшего полковника Александра Иванишева, который преподавал будущим красным командирам военное дело. Иванишев участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, был трижды ранен, отравлен газами, имел Георгия за храбрость. Именно Александр Иванишев растил Симонова с 5-летнего возраста, именно его поэт считал своим отцом, называл своим «добрым гением». Подражая ему, в детстве пытался бриться и полоснул бритвой по языку – отчего не выговаривал потом «р» и «л». Поэтому он позже и стал Константином.

Детство Симонова прошло в Рязани и Саратове, где служил отчим, и было тесно связано с армией. В автобиографии Симонов

Александра
Леонидовна
и Кирилл

вспоминал: «Наша семья жила в командирских общежитиях. Военный быт окружал меня, соседями были тоже военные, да и сама жизнь училища проходила на моих глазах. За окнами, на плацу, производились утренние и вечерние поверки. Мать участвовала вместе с другими командирскими женами в разных комиссиях содействия; приходившие к родителям гости чаще всего вели разговоры о службе, об армии. Два раза в месяц я, вместе с другими ребятами, ходил на продсклад получать командирское довольствие.

Вечерами отчим сидел и готовил схемы к предстоящим занятиям. Иногда помогал ему. Дисциплина в семье была строгая, чисто военная. Все делалось по часам, в ноль-ноль, опаздывать было нельзя, возражать не полагалось, данное кому бы то ни было слово требовалось держать, всякая даже самая маленькая ложь презиралась...»

Отчим растил мальчика настоящим солдатом – в том старинном и прекрасном смысле, который у этого слова есть: храбрым, ответственным, честным. Мама вела хозяйство и воспитывала сына. Она была красавица, выпускница Смольного института; домашние звали ее Алинкой. Она писала стихи, прекрасно знала немецкий и французский языки, любила литературу. Была эмоциональна, кажется, до взбалмошности, импульсивна, сына любила всей силой души, всю жизнь хранила все, написанное его рукой, даже маленькие записочки (а он – все ее письма). Внешне он был очень на нее похож, особенно это видно на фотографиях, где она уже немолода.

Симонов впервые всерьез ослушался отчима, когда решил после семилетки поступить в фабрично-заводское училище и получить специальность токаря. Отчим считал себя обязанным дать мальчику хорошее образование, поэтому к его планам отнесся неодобрительно. «Была в разгаре первая пятилетка, – вспоминал Симонов, –

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

у нас в школе были кружки по изучению обоих вариантов – и основного и оптимального – пятилетнего плана: я увлекался этим куда больше, чем школьными предметами. Недалеко от Саратова, на Волге, гремело строительство Сталинградского тракторного, в самом Саратове строили комбайновый завод и одновременно с этим быстро построили для нужд Сталинградского тракторного маленький завод тракторных деталей – все это, вместе взятое, сыграло свою роль в том, что вопреки мнению отчима, через которое переступить мне было не такто просто, и при нейтралитете матери я после седьмой группы школы вместе с половиной своих одноклассников пошел в ФЗУ». Целый год отчим почти не разговаривал с пасынком.

В 1931 году, когда 15-летний Симонов должен был начать производственную практику, отчима арестовали, а его семью немедленно выставили из казенной квартиры. Мать была тяжело больна, и сыну пришлось самостоятельно искать квартиру, организовывать переезд и даже тащить в гору домашнюю мебель по бездорожью, потому что грузовик не смог подъехать

С сыном
Алексеем.
Абхазия,
Гульрипши.
1953 год

к дому. Он справился. Вскоре он стал работать и получать вполне приличную зарплату, которая помогла ему с матерью прожить те четыре месяца, которые отчим провел в тюрьме. Иванишева освободили, так и не доказав ни одного обвинения. Он уволился из военной школы, вышел в отставку и уехал в Москву, где стал преподавать на военной кафедре Индустриального института имени Либкнехта. В столице Симонов пошел доучиваться на второй курс ФЗУ, потом работал на авиационном заводе, а потом токарем в механической мастерской кинофабрики «Межрабпомфильм». Он писал потом, что руки у него вовсе не были золотыми, однако со временем он стал токарем седьмого разряда (всего в СССР было 8 разрядов).

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Он уже писал стихи (собственно, первые стихи написал в 7 лет). В начале 30-х годов, как и большинство сверстников, он был совершенно захвачен стихией социалистического созидания. В 1934 году вышла книга писателей о Беломорско-Балтийском канале – о перековке бывших уголовников в строителей социализма; Симонов, вдохновленный темой, написал поэму «Беломорканал», фрагменты которой вышли в сборнике произведений молодых писателей; затем Гослитиздат отправил его в командировку на Беломорканал, чтобы доработать поэму. «Допускаю, что я был поглощен своим, поэмой, стихами, вообще был еще, как говорится, молод и глуп, но из этой странной, на нынешний взгляд, лагерной командировки я вернулся без ощущения тяжести на душе. Наоборот, с готовностью писать заново поэму о перековке людей трудом, с ощущением, что я пусть недолго, но своими глазами видел, как это реально происходит, и с верою в то, что, наверное, так оно и должно быть, – какой же другой путь, кроме работы, которая списывает с человека его прошлые грехи, может

существовать в таком обществе, как наше?» – вспоминал он много лет спустя в своей печальной книге «Глазами человека моего поколения». Он задавался в ней тяжелыми для этого поколения вопросами – о вере в Сталина, о мере собственного ослепления и собственной ответственности за историю страны.

Поэму о Беломорканале он еще много раз переделывал, потом она получила название «Павел Черный» – но впоследствии он ее уже не переиздавал и в собрания сочинений не включал, сейчас это букинистический раритет.

В 1934 году он поступил в вечерний Литинститут; проучившись там год, перевелся на дневное отделение. Он учился у Луговского и Антокольского. Его однокурсниками были Матусовский, Долматовский и Маргарита Алигер.

В 1935 году, после убийства Кирова, когда из Ленинграда выслали людей дворянского происхождения, трех сестер Александры Леонидовны отправили в ссылку в Оренбург. Двоих, тетю Долли и любимую тетю Соню, в 1937–1938 годах репрессировали, они обе погибли в тюрьме; третья, тетя Люля, Людмила Леонидовна, вернулась из ссылки только в 1955 году. «Не могу вспомнить, что же я думал тогда, как рассуждал, как объяснял для себя происшедшее. Лес рубят – щепки летят, так, что ли?» – задумывался Симонов на склоне лет. В 1937-м арестовали нескольких его сокурсников из Литинститута. Публичные процессы, разоблаченные враги народа – все это не увязывалось с серьезными, наполненными разумным трудом буднями страны, не вполне укладывалось в сознании.

Симонова, выросшего среди военных, с детства привлекали люди этого душевного склада – может быть, люди, похожие на отца: суровые, прямые, верные слову и долгу. Отсюда и его увлечение Кипплингом, которого он переводил в 30-е, и лаконичность, даже скупость стиха, и темы его ранних поэм – «Ледовое побоище», «Суворов»...

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

*Князь перед русскими полками
Коня с разлета повернул,
Закованными в сталь руками
Под облака сердито ткнул.
«Пусть с немцами нас Бог рассудит
Без проволочек тут, на льду,
При нас мечи, и, будь что будет,
Поможем Божьему суду!»*

Время было еще мирное, но в воздухе уже сгущалась гроза. И понятно было, пожалуй, что это будет серьезный военный поэт. Впрочем, второй жене он однажды сказал, что, если бы не происхождение – не занимался бы литературой, пошел бы в политику. Он был честолюбив и, конечно, *глядел в Наполеоны*.

В Литинституте он успел жениться на однокурснице, дочери известного драматурга и сатирика Виктора Типота Наталье, которую друзья звали Атой. Брак этот был незарегистрированным и не особенно удачным; в 1938 году Симонов ушел от Аты Типот к Евгении Ласкиной – и ей принес показать поэму «Пять страниц» – прощание с прежней любовью.

Брак с Евгенией Ласкиной, которая стала матерью его сына, тоже оказался недолгим: уже в 1940 году Константин Симонов влюбился всерьез – так, как бывает только раз в жизни. В последние годы жизни он говорил,

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

С женой
Валентиной
Серовой
и дочерью
Машей

С женой
Евгенией
Ласкиной

что это было самое большое его счастье – и самое большое горе. Валентину Серову, молодую вдову летчика-героя Анатолия Серова, он увидел в театре, она играла роль Павлы в спектакле «Зыковы» – и с этого времени ходил на каждый ее спектакль и сидел в первом ряду с цветами. Красавица-актриса и знаменитый поэт – это прекрасный зачин для легенды, для поэмы, для сказки. В жизни из этого может получиться счастье, а может и беда. Он долго осаждал ее, а она, не пережившая еще свое вдовство, не сдавалась; даже когда они сблизились, он все ждал от нее настоящего, искреннего «люблю» – сказанного честно, а не в пылу страсти. Он любил, она не любила, не сдавалась. «Тело она отдавала с легкостью, душа же принадлежала только ей. А ему хотелось завоевать ее душу», – написала однажды в «Независимой газете» Татьяна Кравченко; скорее всего, так и было.

Ее признания в любви он дождался только тогда, когда между ними встало огромное, всенародное горе:

*Такой я раньше не видал
Тебя, до этих слов разлуки:
Люблю, люблю... ночной вокзал,
Холодные от горя руки.*

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

В 1938 году, после окончания Литинститута, Симонов поступил в аспирантуру ИФЛИ. Практически сразу его назначили редактором «Литературной газеты» – правда, проработал в ней он совсем недолго: его отправили военным корреспондентом на Халхин-Гол; он писал стихи в газету «Героическая красноармейская», но позднее от стихотворных очерков отказался, предпочитая прозаические. Для него, мирного и необстрелянного, это был первый настоящий военный опыт, настоящая опасность, настоящая смерть кругом. «На этой войне сложился фундамент военного писателя и журналиста, каким Симонов останется на всю жизнь: преклонение перед военным про-

фессионализмом, уважение к храбрости врага, милосердие к поверженным, верность фронтовым друзьям, воинскому долгу, брезгливость к слабакам и нытикам, подчеркнутое гусарство по отношению к женщинам», – писал его сын Алексей Симонов.

Из Монголии его сразу отправили в Западную Белоруссию, только что присоединенную к СССР; там он тяжело заболел пневмонией, мама прорвалась к нему и увезла его живого в Москву; пока он приходил в себя – коллеги отправились на финскую войну, некоторые там погибли. В январе 1940 года он, не вполне еще здоровый, пошел на двухмесячные курсы подготовки военных корреспондентов при Академии Фрунзе. Он умел наблюдать и думать над тем, что видит, и понимал, что будет война, что войны не избежать. Это предчувствие войны сквозит в его пьесе 1940 года «Парень из нашего города», которая стала всенародно любимой. И на обсуждении пьесы – в это время все крупные произведения советских писателей обсуждались в Союзе писателей – Симонов говорил о том, что закончил пьесу словами о войне с фашистами, потому что был уверен в том, что она непременно будет.

С октября 1940-го по июнь 1941-го Симонов снова на курсах, на сей раз при Военно-политической академии; перед самым началом войны он успел побывать на сборах в военном лагере и получить звание интенданта – в военно-хозяйственном и административном составе оно соответствует званию майора.

И все равно война оказалась неожиданной, не такой, как представлялась по книгам. Одно из первых военных стихотворений Симонова – «Из дневника», зарисовка испуганной Москвы: *Неподвижные, круглые, желтые, как фонари, Над твоей головою – ракеты... Да, война не такая, какой мы писали ее, – Это горькая штука...*

РИА НОВОСТИ

Военкор газеты «Красная Звезда» Константин Симонов

С НЕЙ И БЕЗ НЕЕ

Семейная жизнь даже не началась: он уехал корреспондентом на фронт, даже не зная, верить в ее «люблю» или нет. Он постоянно писал ей с фронта, писал письма, которые даже цитировать неловко – столько в них тоски и мужской страсти (он перед смертью уничтожил письма, но копии были сняты и часть писем опубликована).

Он сразу попал на Западный фронт, где положение было катастрофическим. Он даже не

смог добраться до газеты, в которую был командирован. Здесь он пережил самые тяжелые минуты своей жизни – бой на Буйническом поле под Могилевом, где полк, в который он попал, оборонялся от немецких танков. Потом он привел на это поле своего героя, журналиста Синцова в «Живых и мертвых», с ним поделится своим опытом ужаса от беспомощности первых дней войны и надежды, внезапно появляющейся в безнадежной ситуации. На этом Буйническом поле Симонов завещал развеять свой прах.

Всю войну он прошел корреспондентом «Красной Звезды». «Стал одним из лучших военных журналистов, – подытожил военный опыт отца Алексей Симонов, – ходил на подводной лодке в румынский тыл, с разведчиками – в норвежские фьорды, на Арабатской стрелке – в атаку с пехотой, видел всю войну от Черного до Баренцева моря, закончил ее в Берлине, присутствовал при подписании акта капитуляции гитлеровской Германии и на всю жизнь остался военным писателем, летописцем и историком этой войны». Его военные корреспонденции составили потом книгу «От Черного до Баренцева моря».

В августе 1941-го на чужой даче, тоскуя по Валентине Серовой, он написал знаменитое «Жди меня» – наверное, главные стихи той войны. Он не публиковал их – слишком лирические, в первые месяцы войны каза-

Константин Симонов читает свои стихи раненым бойцам. Орловско-Курское направление. 1943 год

ЯКОВ ХАЛИП / РИА НОВОСТИ

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

лось, что военные стихи должны быть строгими, гневными, звучными – никоим образом не камерными, а здесь – каждый слышал, «как тоскует мой голос живой», говоря словами другого знаменитого стихотворения той войны, другого поэта. Голос живой – это то, что все услышали. В моей семье сохранилась открытка с этими стихами, которую дед прислал с фронта бабушке; перепечатанные и переписанные стихи разлетелись по всей стране, а их автор стал не столько даже знаменитым – это неподходящее слово, – а народным поэтом, как становится народной песня, попадающая в нерв. Этот живой голос слышит-

ся и в «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» – стихотворении, которое при всей его хрестоматийности невозможно читать без мучительной боли. Военные стихи Симонова разные – не все выдерживают сравнение с лучшими; иные принципиально публицистичны, иные кажутся избыточно пафосными на взгляд из далекого и мирного времени, но их читали и любили, и в большинстве своем – они и сейчас живы.

«С тобой и без тебя» – книга мучительной любовной лирики; он все еще пытается завоевать возлюбленную – уже не сияющую красавицу в шелковом платье, уже уставшую, умученную

На фронте.
1941 год

ЯКОВ ХАЛИП / РИА НОВОСТИ

Константин Симонов на первых захваченных в боях немецких тяжелых штурмовых орудиях «Фердинанд». 1943 год

войной; «злую, ветреную, колючую, хоть ненадолго, да мою» – ее пытается звать женой. Он предельно откровенен в своих любовных стихах – «по праву тех, кто может не вернуться»; он обезоруживающе печален, почти цинично горек, нежен; он умоляет и прокликает и надеется, надеется...

В январе 1944 года Симонов выступал в Москве с чтением стихов из сборника «С тобой и без тебя» – при огромном стечении народа, в присутствии Валентины Серовой. Мама его, Александра Леонидовна, написала ему потом об этом выступлении, что вышло все не так, неправильно: «И в зал пришла не мыслящая в своем большинстве, не оценивающая, заставляющая поэта расти аудитория, а та толпа, которая не постеснялась вставать, напирать друг на друга, толкаться, чтобы видеть ту женщину, кот<орую> одни осуждают, другие завидуют и все очень не любят, женщину, кот<орую> ты все равно что раздеваешь перед всеми. Не думаю, чтобы ей это могло быть приятно. <...> Такими театральными эффектами дурного тона не исправляют своих ошибок и не покупают прощения. А как мне больно, что все эти годы все дальше и дальше разматывается вокруг тебя этот грязный клубок сплетен и ты не находишь в себе сил и понимания жизни, чтобы все расставить по местам». Сплетен в самом деле было множество, в том числе о ее романе с Рокоссовским, например (который гневно отрицает дочь Симонова и Серовой Мария Кирилловна), и сам этот роман оказался под прицелом всенародного интереса, государственного внимания – а этого не выдерживает интимная лирика – вот такая:

*Какой была ты сонной-сонной,
Вскочив с кровати босиком,
К моей шинели пропыленной
Как прижималась ты лицом!*
Это – не для чтения со сцены Колонного зала Дома союзов. Но короткое счастье им досталось.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Валентина Серова
и Константин Симонов
на фронте. 1944 год

Он прошел всю войну безупречным солдатом, вернулся к ней – со всей силой надежды, страсти, тоски и любви. И была молодость, и война кончилась, и была надежда, что все пойдет иначе, что все заслужили счастье и будут счастливы...

Актриса Римма Маркова, которая дружила с Серовой, вспоминала, как Валя в послевоенной Москве выпархивает после премьеры из театра в сиреневом платье, с букетом цветов и садится в открытую машину... «А потом мы приехали в квартиру Симонова и Серовой на улице Горького. В лифт все не поместились, и Симонов пошел пешком. На каждой лестничной клетке он подходил к лифту, открывал дверь, тот останавливался, и Симонов говорил: «Валя, скажи, что любишь меня». Серова отвечала: «Ни-ког-да!» Лифт проезжал еще один этаж, Симонов снова подходил к двери: «Ну скажи, что любишь». А Валентина Васильевна стояла на своем: «Ни за что!» Вошли в их огромную, в пол-этажа наверное, квартиру. Валя эффектно так туфли с ног сбросила и упала на диван. Она когда выпивала, у нее становились алыми уши. И вот сидит красавица-блондинка, ушки алые, глаза горят. А Симонов смочил салфетку холодной

водой, нежно положил ей на лицо. И начал читать стихи...» В 1946 году они вместе ездили в Париж – Симонов встречался с Буниным, с Тэффи... Обсуждали их возможное возвращение в Советский Союз. Рассказывают, что Серова, выждав, когда Симонов отошел, сказала Бунину – не слушайте его, не возвращайтесь...

ЧУЖАЯ ТЕНЬ

После войны началось новое время в их жизни – время, о котором Симонов больше всего, пожалуй, сожалел. Время, когда он взлетел в писательской иерархии вверх, когда присутствовал на совещаниях у Сталина, когда руководил писателями, когда полностью, пожалуй, реализовал свои амбиции быть политиком, руководителем – амбиции, которые едва не погубили его как писателя и стоили ему многих мук на склоне лет.

Константин Симонов беседует с румынскими пленными. 1941 год

Слева направо: писатели Алексей Толстой, Константин Симонов, Илья Эренбург и начальник отдела Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков Дмитрий Кудрявцев

РИА НОВОСТИ

Время его взлета было самым удушливым временем в русской литературе со времен РАППа – временем зажима, кампаний преследования то Ахматовой и Зощенко, то космополитов – и во всем этом он принимал участие. С другой стороны, того же Зощенко он пытался вернуть в литературу, опубликовав в «Новом мире» несколько его рассказов. Но уже после этого, на новом витке травли, выслушав на очередном собрании яростный монолог отчаявшегося, загнанного в угол писателя, Симонов сказал: «Тут товарищ Зощенко бьет на жалость»... Что это? Жестокость? Или та самая «брезгливость к слабакам и нытикам», смешанная с чудовищным непониманием ситуации, в которой оказался собрат-писатель? Иногда мотивы участия в том, в чем участвовать не следовало, были другие: как рассказывает Алексей Симонов, доклад о космополитах его отец взялся сделать вместо ушедшего в запой Фадеева, хотя его был готов сделать другой фадеевский зам, Софронов, но тот добавил бы к официальному списку еще несколько фамилий. Моральный выбор из двух зол сродни выбору Софи; Симонов сделал доклад и потом, как

Константин
Симонов
выступает
на вечере,
посвященном
творчеству
китайского
писателя
Лу Синя,
в Центральном
Доме
литераторов

Е. СТОПАЛОВ / РИА-НОВОСТИ

свидетельствует его сын, «тайком подкармливал некоторых фигурантов своего доклада», изгнанных после этого доклада из литературы.

Внешне все было идеально: высокий пост, заграничные поездки, несколько Сталинских премий, руководство «Новым миром», но стихи становились, под стать времени, все более неживыми, риторическими, а за пьесу «Чужая тень» ему самому потом было очень стыдно.

Симонов был солдат. Он делал то, что надо. Серова была женщина – прежде всего женщина, которая делает то, что хочет, и которую нельзя заставить терпеть то, чего она не хочет. Но теперь они жили одним домом, у них появилась дочь, с этой новой жизнью надо было считаться, а жизнь не клеилась. Отношения Симонова с пасынком не сложились, так что его отдали в интернат для трудновоспитуемых, Серова тосковала и пила – пила все больше, так что со временем и дочь у нее отняли, передали ее матери...

Он все больше становился большим начальником, а она – несчастной пьющей женщиной. Он ушел от нее, написав последнее безжалостное стихотворение:

*Упреки поздно на ветер бросать,
Не бойся разговоров до рассвета.
Я просто разлюбил тебя. И это
Мне не дает стихов тебе писать.*

БЕЗ СТИХОВ

Его новой женой стала вдова поэта Гудзенко Лариса Жадова, жена такого же склада, как он сам, – дочь военного, «стойкий солдатик», по выражению Алексея Симонова. В новой семье были дети – дочь жены Екатерина и их общая дочь Александра. Было тепло, был уют. Но стихов он почти не писал. Может быть, как он говорил, «лирические стихи, точнее сказать, интимные, пишутся тогда, когда жив нерв любви», а нерв отболел и умер. Новая любовь не была юношески страстной, а жена сама взяла с Симонова обещание не посвящать ей стихов.

Может быть, как это часто бывает с поэтами, «лета к суровой прозе клонят»; пришло время прозы. Может быть, ее требовало осмысление собственного опыта и опыта страны. «Оттепель» ставила перед Симоновым новые вопросы, и отве-

С женой
Ларисой
Жадовой

из СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ты надо было давать прежде всего самому себе.

На одной из встреч писателей с Хрущевым в конце 50-х генсек съязвил: мол, голос Симонова после XX съезда звучит как то невнятно. Симонов ответил: «Даже автомобилисту, чтобы дать задний ход, необходимо выжать сцепление и перевести рычаг в нейтральное положение. Очевидно, многим из нас потребуется некоторое время на раздумье». Ему действительно было нужно время на раздумья, которые оказались тяжелыми. Вскоре после этой встречи Симонов, снятый с поста секретаря президиума Союза писателей, отправился в Ташкент, формально – в командировку, неформально – в ссылку. В Ташкенте у него было достаточно времени для прозы. Сейчас, когда он отошел от руководства Союзом писателей, он может быть просто писателем – может отдать Синцову свой военный опыт, заново перечитать свои дневники. Он может посмотреть на войну глазами немолодого человека. И герои его становятся старше – в написанной во время войны повести «Дни и ночи» герою нет тридцати, а в «Так называемой личной жизни» Лопатину за сорок; новому авторскому взгляду нужен другой герой – мирный человек в очках, страдающий, стыдящийся, рефлексирующий.

Военная проза Симонова – скупая и точная; война – это тяжелые рабочие будни хороших усталых людей; это кровь и смерть – но он нигде не груб и не физиологичен, даже когда речь идет о вывалившихся из живота убитого немца почерневших кишках. Может быть, в силу аристократического воспитания или потому, что для многих в этом поколении было то, о чем не пишут, – он никогда не обнажен до отчаянного бесстыдства – когда условности и табу уже теряют значение; даже когда он говорит о страсти – он сохраняет целомудрие слога в хорошем старинном смысле слова. И если в стихах он мог

РУДОЛЬФ КУЧЕРОВ / РИА НОВОСТИ

быть совершенно откровенен – впрочем, если до обнажения души, то не до выворачивания ее наизнанку, – то в прозе он застегнут на все пуговицы и никогда не расслаблен, он и в прозе вечный солдат. Он говорил всегда, что у каждого своя война, каждый ее видит по-своему. Война в его прозе – катастрофа, но человек может с этой катастрофой справиться. В ней нет кризиса гуманизма; нет, пожалуй, безысходного абсурда, нет экзистенциальных бездн и глубоких прозрений. Есть честный, суховато и лаконично описанный тяжелый опыт – опыт, оказавшийся ему по силам; впрочем, опыт не самый жуткий, он и сам признавал, что военный корреспондент – работа тяжелая и опасная, но не самая тяжелая и не самая опасная. Симоновская проза о войне выносима, хотя иногда трогает до слез – но не заставляет задыхаться от ужаса и жалости, и в конце нескончаемого тоннеля войны всегда свет.

ПРОЗРЕНИЕ

Самая трудная часть симоновского осмысления опыта – это, конечно, «Глазами человека моего поколения» – мучительная работа над ошибками, попытка понять и проанализировать роль Сталина в истории страны и свое отношение к Сталину – тогда и сейчас. Прозрение было медленным и трудным, работа над ошибками оказалась тя-

Юрий Никулин, Михаил Кононов и режиссер Алексей Герман во время съемок фильма «Двадцать дней без войны» по повести Константина Симонова «Из записок Лопатина»

Министр культуры СССР Екатерина Фурцева и писатели Чингиз Айтматов и Константин Симонов

Константин Симонов в своем кабинете

ЯКОВ ХАЛИПРИА / РИА НОВОСТИ

желой. Но он отказывался поддерживать движение маятника в другую сторону – стереть память, вычеркнуть Сталина из истории, отказывался снимать его имя из ранних стихов, как будто не было ни Сталина, ни этого опыта захлебывающейся любви к нему и полного доверия. Не стирать, а осмыслять, не вычеркивать, а думать – это было для него принципиально. Он был советский человек – но он был честен и упрям. Он подписывал письма против Сахарова и Солженицына – но наотрез отказался поддержать ввод войск в Чехословакию; а книгу Солженицына, говорят, даже кому-то помог провезти через границу.

У него были несомненные организаторские заслуги перед

литературой – и любая статья о Симонове их перечислит: тут и публикация «Мастера и Маргариты», и повторное, после долгого периода умалчивания, издание романов Ильфа и Петрова, и публикация Хемингуэя, и так далее, и так далее. У него, депутата, была масса хлопот об обычных людях – переписку с ними ему помогал вести отчим, и делал это со всей военной аккуратностью, – и переписки этой – кому помочь с жильем, кому с лечением, кому с пенсией – у него в архиве накопилось десять томов.

Самое скучное, что можно сделать, – это подводить баланс этой непростой жизни и пытаться подсчитать: а сходитесь ли дебет с кредитом? Искупаются ли вины заслугами? Жизнь прожита, и прожита трудно; линия, которая должна была быть безупречно, военно прямой и героической, получилась ломаной. Задуманный прямым и цельным, он двоится: вот вам две стороны истории о поэте и красавице – прекрасная и нестерпимо горькая, вот две стороны истории о верном солдате – победная и постыдная; вот строки, которые читать противно, а вот – читаешь и думаешь: хорошо, как это все-таки хорошо...

ЮРИЙ АБРАМОВИЧ / РИА НОВОСТИ

ЧЕСТЬ, ЧТО ПРЕВЫШЕ ПРИБЫЛИ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК! ДА-ДА, ВЫ! НИКОГДА НЕ ЗАДУМЫВАЛИСЬ О ТОМ, А НЕ СТАТЬ ЛИ ВАМ КУПЦОМ? ДАВАЙТЕ ПРЕДСТАВИМ СЕБЕ, ЧТО ВЫ ЖИВЕТЕ ЛЕТ СТО НАЗАД И ХОТИТЕ ОТКРЫТЬ СВОЕ ДЕЛО. ПОСТРОИТЬ ФАБРИКУ, НАПРИМЕР... ДА! И ВЫБЕРИТЕ СЕБЕ ХОРОШУЮ ЖЕНУ ИЗ ЗАЛА! НУ ЧТО Ж, ИГРА НАЧАЛАСЬ!

КОГДА МЫ ПРИШЛИ В московский Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей, группа молодых ребят и девушек уже расселась в большом зале и приготовилась слушать рассказ о самых незаурядных предпринимателях и благотворителях прошлого. Гости музея были несколько озадачены: когда они шли сюда, то ожидали, что для них устроят скучную экскурсию; представляли, как будут бродить от экспоната к экспонату, слушая монотонные разъяснения о том, что это такое. Однако директор музея Елена Ивановна Калмыкова придумала хитроумный способ заинтересовать юных посетителей: добиться внимания представителей нынешнего поколения можно, погрузив их в атмосферу прошлого, чтобы они почувствовали ее по-настоящему.

ЛЮДИ, ИГРАЮЩИЕ В КУПЦОВ

Сегодня симпатичный юноша будет примерять на себя роль легендарного купца, Тимофея Саввича Морозова, и шаг за шагом вместе с «женой» и «архитектором» построит свою собственную, пусть и воображаемую, Никольскую мануфактуру. Ребята веселятся, представляя, как «архитектор» будет высаживать пальмы и возводить фонтаны, а мы рассматриваем стены музея, увешанные бесчисленными портретами. Музей небольшой, места здесь немного, поэтому портреты знаменитых

купцов висят очень плотно друг к другу. Серьезные, деловые мужчины в дорогих костюмах, разряженные кучкихи... Почему-то больше всех запомнилась длинная узкая картина с Павлом Третьяковым. Ее, как оказалось, написал Ливий Щипачев, сыгравший Тимура в старом советском фильме, снятом по известной повести Аркадия Гайдара. На картине Третьяков, с длинной бородой и миниатюрой своей знаменитой галереи в руках, получился похожим на древнерусского князя, построившего какой-нибудь собор и с тех пор с ним изображавшегося.

Юные гости музея

Директор музея
Елена Ивановна
Калмыкова

Тут раздается звонок в дверь – Елена Ивановна отходит на пару минут. В это время я успеваю перебраться парой фраз с гостями.

– Ребята, а вы школьники?

Новоиспеченный «купец» поворачивается ко мне и важно отвечает:

– Нет, мы первокурсники. Просто наш преподаватель по культурологии дала задание сходить в один из музеев и написать о нем эссе.

– А почему вы выбрали именно этот музей?

– Так мы же на факультете управления учимся!

Ясно... И, кстати, логично: юные управленцы хотят узнать секреты успеха предпринимателей дореволюционной поры.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Мануфактура построена, ее хозяин и хозяйка рассчитались с архитектором, да и рабочие довольны. Игра окончена, и теперь студенты могут побродить по самому музею. Он довольно скромный – всего четыре выставочных зала.

В самом большом зале помимо огромного количества портретов купцов за стеклами витрин – фотографии, альбомы, книги. Стоит здесь и старинный огромных размеров ткацкий стан, который в свое время вполне мог использоваться в каком-нибудь текстильном производстве. А у самой стены скачет пузатый самовар, обложенный разноцветными, но уже поблекшими и выцветшими от старости коробочками из-под халвы и карамелек. Кто же из нас не знает, как купечество любило чаевничать? Отправив своих мужчин по делам, женская половина дома порой целыми сутками принимала гостей – горячие самовары с бесконечными прикусками в такую пору, говорят, не переводились!

Внимание привлекла посмертная маска Николая Александровича Алексева – точно такая же выставляется и в музее построенной им психиатрической больницы на Канатчи-

ковой даче (см.: «Русский мир. ru» №1 за 2015 год, статья «Обнаженные души»). По признанию современников, золото-промышленник Алексеев был одним из наиболее выдающихся людей своего времени. В 1885 году Николая Александровича избрали городским головой Москвы – он преуспел и на этом поприще: именно при Алексееве была существенно усовершенствована водопроводная система, купец построил будущий Исторический музей, здание городской думы, многочисленные школы. Вот только свой самый яркий и дорогостоящий проект – психиатрическую больницу, в советское время известную как «Кашенко», – завершить так и не успел: по злой иронии судьбы пуля убийцы-душевнобольного оборвала жизнь талантливого предпринимателя.

А на другой стене еще один любопытный портрет: приятной внешности мужчина с аккуратной бородой и шейным платком. Настоящий франт! Даже не подумаешь, что это – филантроп и мультимиллионер Гаврила Гаврилович Солодовников, богатейший человек своего времени и герой бесчисленных анекдотов. Про него говорили, что он считает каждую копейку, ходит по дому в старом заплатавшем халате и не чист на руку в коммерческих делах. Младший сын небогатого серпуховского купца, он переехал в Москву, купил маленькую ткацкую фабрику и уже к 20 годам стал купцом 1-й гильдии! Но самое интересное происходит после его смерти: еще при жизни обещавший, что когда-нибудь о нем заговорит вся империя, Гаврила Гаврилович составляет невероятное завещание: 20 миллионов рублей – сумасшедшие по тем временам деньги – он отдает на благотворительность! А своей семье завещает всего лишь 830 тысяч: значительную часть получил старший сын и его душеприказчик, а меньше всех – младший, отказавшийся идти

Полезные на производстве предметы: весы, замки и гиря

в торговые люди. Неудачливый прапорщик от отца получил только платье и нижнее белье покойного...

Деньги, пожертвованные на благотворительность, Гаврила Гаврилович распорядился потратить следующим образом: треть на строительство школ и приютов в Серпухове, треть на устройство земских училищ и еще треть – на строительство дешевого жилья для бедных людей. В конце завещания Солодовников оставил приписку: «Большинство этой бедноты составляет рабочий класс, живущий честным трудом и имеющий неотъемлемое право на ограждение от несправедливостей судьбы». Семье

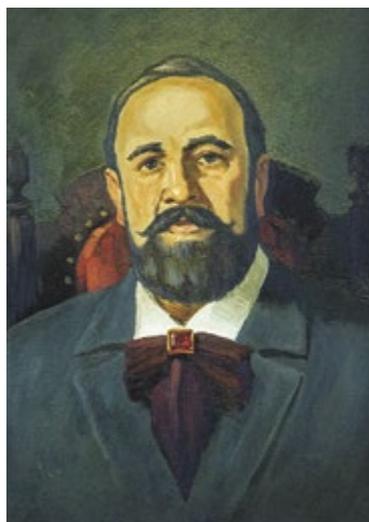
же ничего не оставалось, как исполнить последнюю волю покойного...

Сразу за «семейным» залом с портретами купцов идет зал финансовый, рассказывающий о времени экономического расцвета Российской империи. Это так называемый золотой век – конец XIX – начало XX столетия: здесь собраны всевозможные государственные и муниципальные ценные бумаги.

Те, кому сложно разобраться в хитросплетениях дореволюционной экономики, здесь не задерживаются и проходят в два оставшихся тематических зала – детский и бытовой. В первом взгляд сразу останавливается на массивном деревянном письменном столе трех поколений семьи Рукавишниковых, на котором разложен целый набор успешного предпринимателя: костяшки-счета, старинная печатная машинка, несколько любопытных чернилниц и печаток. А у стены красуется вложенная в рамку похвальная грамота с портретом самого императора!

Представитель этого купеческого рода, Николай Рукавишников, открыл в Москве исправительный приют для малолетних преступников, чем спас от смерти или тюрьмы немало беспризорников.

Мультимиллионер и большой шутник Гаврила Гаврилович Солодовников

Дети тех, кто побогаче, жили по-другому: красивые игрушки и одежда, наряженные куклы, содержательные учебники – все это стоит в противоположной стороне зала. Но, наверное, самый интересный зал музея – бытовой. В центре комнаты стоит внушитель-

ных размеров сундук – символ купеческого благосостояния. Рядом с ним – старинная кровать с кружевными накидками на подушках. Долгое время купечество сохраняло дух патриархальности – взять хотя бы яркие воспоминания детства Ивана Шмелева, так подробно описан-

Экспозиция портретного зала музея

ные им в «Лете Господнем». Однако ближе к началу XX века значительная часть предпринимателей переняла западный образ жизни: модная одежда из Европы вытеснила из гардероба привычный русский наряд, сыновья учились в университетах, излюбленным досугом стали театр и опера... Вещи для себя и своей семьи купцы тоже старались покупать только самые качественные. Некоторые из них сегодня можно увидеть и в Музее предпринимателей. Бытовой зал заставлен бесчисленными предметами домашнего обихода: грампластинки, мороженица, сервизы, туалетное мыло «Для дам и господ», коробочка из-под сладостей, конечно же, от Абрикосова... Кондитерские изделия Товарищества А.И. Абрикосова сыновей, поставщика двора Его Императорского Величества, считались лучшими не только в Москве,

Музей собирает различные документы золотого века купечества

но и во всей стране (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2015 год, статья «Дольче вита» с купеческим размахом). Тающий во рту шоколад, нежные конфеты-пralине, марципан и пастилу от Абрикосова, равно как и завернутые в бумажные полотенца ароматные филипповские булочки и калачи, доставляли самому государю! Вот только Абрикосов, в отличие от пекаря Филиппова, свои изделия упаковывал в фантастическую по красоте «одежку», которая сегодня, спустя целый век, даже выставляется в музеях...

Несколько манекенов в одежде позапрошлого века, пожелтевший от времени свадебный наряд, изысканные женские перчатки, которые и раньше-то были узкими, а теперь не налезут ни на одну ручку, разве что на детскую... И кто бы говорил про дородных, добрых купчих с их пухлыми белыми руками?

С чем любили пить чай тогдашние предприниматели?

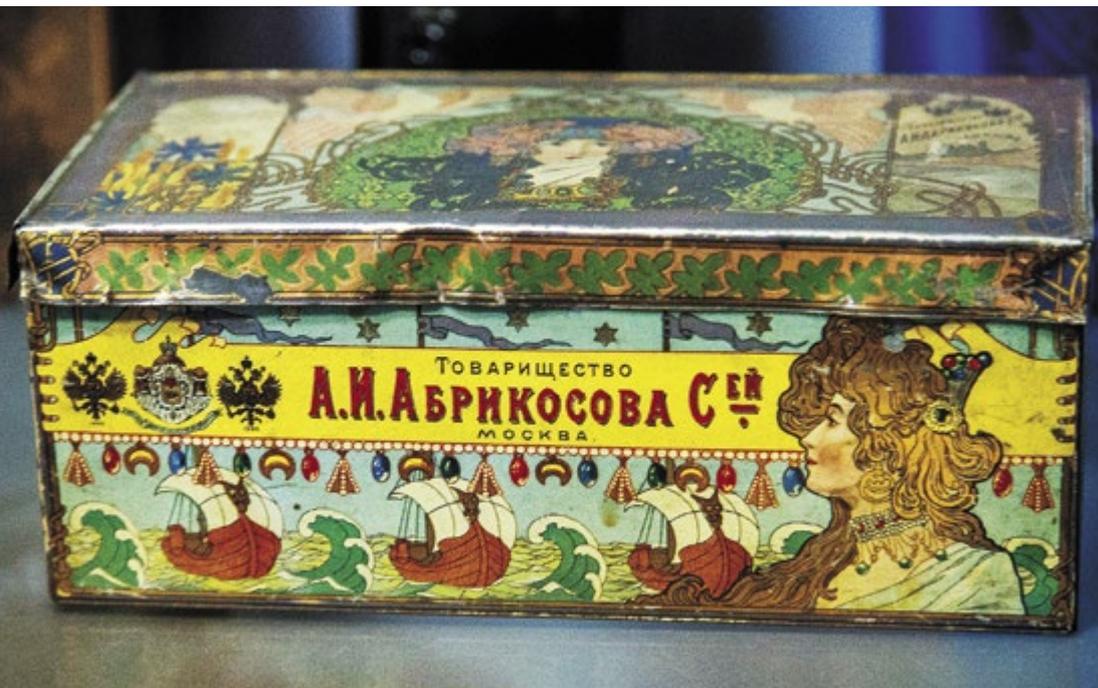
Кто бы мог подумать, что это – мыло середины позапрошлого века!

УЛИЦА БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ

«Все экспонаты переданы в дар музею потомками российских предпринимателей», – рассказывает Елена Ивановна, после того как шумные студенты покинули экспозицию. Музей

ничего не покупает, однако почти за 25 лет было собрано несколько тысяч предметов, как подлинных, так и копий. Да и большинство работников музея – волонтеры, волею случая оказавшиеся здесь. Среди

С приходом к власти большевиков в доме сначала устроили столовую международной организации помощи голодающим в России, чуть позже открыли детскую библиотеку. По-видимому, библиотека была очень неплоха, если ее бывшие читатели до сих пор приходят сюда и с ностальгией вспоминают о том, какие книги читали в детстве. Другим этот дом запомнился тем, что когда-то здесь располагался музей Октябрьского района столицы при райкоме партии – немалая часть его экспозиции была собрана Львом Николаевичем Краснопевцевым, диссидентом, аспирантом исторического факультета МГУ, в 50-е годы выступившим против советской власти и по «университетскому делу» на десять лет сосланным в Дубравлаг.

Кстати, при советской власти слово «купец» было едва ли не ругательным. В сознании людей при упоминании этого слова то и дело возникал образ человека из «темного царства» Островского: этакого дремучего, необразованного и жадного бородача в красной косоворотке и сапогах гармошкой, готового ради наживы свести со свету любого. Даже самые блестящие и яркие купеческие биографии неожиданно образом представлялись далеко не в лучшем свете вплоть до 1991 года! Однако затем пришло осознание того, что торговые люди вовсе не были поголовно самодурами и невеждами, было даже создано Общество купцов и промышленников, собравшее потомков многих известных до революции династий. Тогда же в доме на Донской было решено создать Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей, а Лев Николаевич стал его главным хранителем. Так в 1992 году и появился единственный в своем роде музей, посвященный жизни московских предпринимателей.

них есть и бизнесмены, и архитекторы, и даже профессора высших учебных заведений, и каждый занимается тем, что ему по душе. Читают лекции молодому поколению управленцев, например. Кроме того, волонтеры поддерживают контакты с более чем тремя сотнями семей, у которых остались памятные вещи знаменитых дедов-предпринимателей. Что говорить, даже дом, в котором разместился музей, тоже своего рода настоящий памятник купечества и меценатства!

Здесь, на Донской улице, в свое время было расположено более десятка благотворительных учреждений. Дом №9 когда-то был финансовой конторой предпринимателей Солодовниковых, однофамильцев того самого благотворителя-рекордсмена Гаврилы Гавриловича.

В конце XIX века дом переходит к их племяннику, домовладельцу и хозяину небольшой подмосковной фабрики Ивану Григорьевичу Простякову, кавалеру пяти российских орденов за благотворительную деятельность (за помощь в строительстве клинического городка на Девичьем поле, например). На улице, где Иван

Григорьевич сдавал квартиры внаем, в доме, где сейчас работает музей, он открыл начальную школу для мальчиков, которую полностью содержал вплоть до своей смерти в 1915 году.

Сладости от Абрикосова

Купеческая кровать с кружевными наволочками

«К НАМ ПРИХОДЯТ НАШИ БУДУЩИЕ ЭКСПОНАТЫ»

Потомки известнейших в прошлом купеческих семей до сих пор с удовольствием встречаются в этом доме, время от времени передавая сотрудникам новые экспонаты. Именно поэтому получилось так, что музей приобрел четкую региональную специфику – в центре внимания оказались Москва и Московская область, хотя Елена Ивановна мечтает о том, что когда-нибудь здесь появится экспозиция, рассказывающая, например, о предпринимателях Кяхты – уникального городка на границе с Китаем, ставшего центром российско-китайской торговли. Именно отсюда везли столь любимый русскими чай – привычный сегодня, но весьма дорогой в то время. Приспосабливаясь к торговле с китайскими партнерами, людьми сложными и непредсказуемыми, кяхтинские купцы сами начинали хитрить: говорят, заподозрив китайцев в обвесе или подмене сорта чая,

В этой части зала представлено несколько женских портретов

русские предприниматели пришивали к заячьим шкуркам песцовые хвосты, красили меха или же просто прятали дырку от пули (чай обменивали на меха. – Прим. авт.). Куда уж им до тех купцов, которые даже сделки заключали устно, считая их выполнение делом чести.

То, что в музее представлен в основном золотой век россий-

ского купечества, тоже не случайно: Елена Ивановна рассказывает, что экспонаты более ранних эпох, петровской и екатерининской например, найти невероятно сложно.

Когда-то почти все посетители музея были школьниками и студентами, интересующимися историей дореволюционной России, а потому и билеты в то время были бесплатными. Однако после кризиса 2008 года нужно было придумать что-то такое, что сохранило бы маленькому частному музею жизнь. Тогда для юной публики начали устраивать игры, самым маленьким рассказывали о предметах бытового и детского залов, а взрослых, которые раньше заходили редко, решили привлекать интересными лекциями по истории предпринимательства и меценатства.

Частенько здесь бывают и «будущие экспонаты» – современные предприниматели, многие из которых помогают музею материально. Музей дружит и с

Поддевка – рабочая одежда мелких и средних торговцев начала прошлого века

взять хотя бы знаменитый фантастический особняк Саввы Морозова на Спиридоновке, ставший Домом приемов Министерства иностранных дел России (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2015 год, статья «Особняк высокого уровня»).

Елена Ивановна, библиотекарь по образованию, за четверть века работы в музее собрала обширную книжную коллекцию, доступную даже гостям. Полистайте каталог на сайте музея: среди множества как исторических, так и современных книг наверняка найдется такая, которую непременно захочется почитать – нужно только написать заявку и прийти.

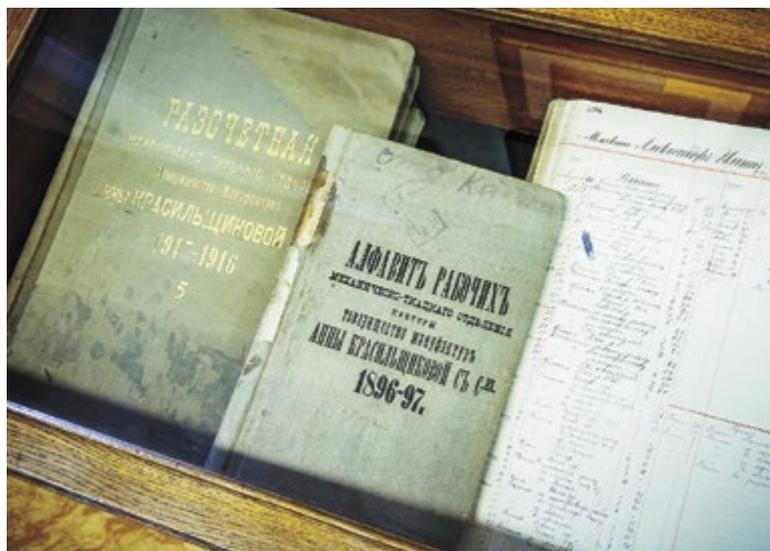
Сходить в этот музей нужно хотя бы для того, чтобы понять, что предприниматели дореволюционной России – это не просто люди, которые много заработали. По большей части глубоко верующие и преданные своему делу, они старались придерживаться железного принципа: «Прибыль превыше всего, но честь – превыше прибыли». А влиятельный фабрикант Павел Рябушинский вдобавок любил повторять: «Богатство обязывает», считая, что Бог, который дал достаток, потребует отчет за каждую копейку, следовательно, нужно помогать всем нуждающимся. Во многом благодаря этому убеждению именно представители купечества стали известнейшими меценатами, на их средства в Российской империи строились больницы, собирались огромные картинные галереи, открывались образовательные учреждения, театры, музеи и консерватории.

Конечно, и тогда не все купцы честно выполняли свой долг, но, как говорит Елена Ивановна, в истории остались имена лишь самых достойных – тех, на кого можно ориентироваться и современным бизнесменам. Они и глядят сегодня на новое поколение россиян с многочисленных портретов на стенах Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей. ❀

Ассоциацией менеджеров России, некоторые компании специально собирают и направляют на экскурсии группы своих работников, которые приходят сюда узнать секреты ведения дореволюционного бизнеса. А еще в Музее предпринимателей, меценатов и благотворителей можно попасть на интересную лекцию от настоящего знатока купеческой жизни. Все анонсы размещаются на официальном сайте музея и в группах в социальных сетях. Так, в этом году каждое третье воскресенье месяца Анна Кобленц-Никифорова рассказывает что-нибудь

об истории и традициях русского купечества. Например, о том, как в России развивалось пивоваренное или ювелирное дело или же как торговые люди оказывались новомучениками и исповедниками. А Алла Лисицына, которую мы тоже встретили в музее, устраивает пешеходные экскурсии по столице, во время которых может рассказать, например, о Федоре Шехтеле. Удивительно, но талантливый архитектор тоже был из купеческой семьи, правда, очень быстро обанкротившейся. Федор Осипович с торговыми людьми дружил и нередко для них строил –

Стол трех поколений семьи Рукавишниковых

Расчетливые купцы весьма трепетно относились к документации

ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

СОЛМАЗ ГУСЕЙНОВОЙ

САДИШЬСЯ В ЭЛЕКТРИЧКУ В ПЕТЕРБУРГЕ В СТОРОНУ ВЫБОРГА – И ВЫХОДИШЬ В ШУВАЛОВЕ. НОМИНАЛЬНО ТЫ В ЧЕРТЕ ГОРОДА, А ПО СУТИ – В ПРЕДМЕСТЬЕ. ПЕЙЗАЖ, ВОЗДУХ, БЫТ – ВСЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ЦЕНТРА.

АЖУРНЫЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ особняки соседствуют с кирпичным новоделом и ветхими хибарками. Кругом тихо, кажется, время остановилось, а декорации XIX века кое-где забыли сменить, и они обветшали. Мы идем в удивительный дом, который находится в деревне – «Деревне художников»... Но в ней нет пейзажа с вилами, да и сами художники в шароварах с палитрой наперевес у колодца хороводы не водят. Топонима «Деревня художников» нет на карте, а дома ее жителей разбросаны далеко друг от друга в ареале Шувалово – Озерки – старые Коломяги. «Деревня» – понятие условное, не административное. Само это пространство – генератор мифов и легенд. Если дворянская усадьба – место уединения, удаления от света, то дача – то же «общество», только занятое в основном развлечени-

ями. Дачи в Царском Селе и Павловске традиционно считались аристократическими, а в Шувалове и Озерках в 1870–1890 годах отдыхало купечество, интеллигенция, военные. «В Озерках и Шувалове можно найти роскошнейшие и благоустроеннейшие дачи...» – обещали многие путе-

водители по Петербургу. Летом – купальни, лодки, рестораны. Зимой – катки, рождественские гулянья, Масленицы. Среди местных дачников множество известных имен: писатель Николай Лесков, этнограф Сергей Максимов, а в особняке Глазуновых очень любил бывать Федор Шаляпин. Здесь гостили Александр Грин, Кузьма Петров-Водкин, Александр Блок. Последнего можно назвать менестрелем окраинного Петербурга – дачного. В дневниках поэта записано: «Я эти дни занимался главным образом изучением Шуваловского парка и его парголовских окрестностей. Удивительные места». Здесь же в ресторанчике у озер и родилась «Незнакомка».

Со стороны улицы особняк обнимают зеленые джунгли

О КРАСНОМ ЖЕРЕБЦЕ И КАМЕННОМ ГРЕБЦЕ

Современных жителей Коломяг, Озерков и Шувалова можно разделить на три группы: прежних их обитателей, живущих в старых деревянных домиках с мезонинами и башенками; обосновавшихся здесь художников и буржуа нового времени в огороженных коттеджах и элитном жилье.

Ареал «Деревни художников» – это не только мастерские и музеи под открытым небом, но и арена оригинальных творческих акций. В «Деревне» есть выставочный зал «Сельская жизнь», издается журнал, проходят мастер-классы. А в день летнего солнцестояния на втором Суздальском озере художники спускают на воду плоты со скульптурами и инсталляциями. Праздничное мероприятие так и называется – «Плот искусства». В 2003 году на Среднем озере открылась скульптурная композиция «Каменный гребец», авторы которой – скульптор Дмитрий Каминкер и архитектор Станислав Одновалов.

«Каменный гребец» – настоящий тотем Озерков

«Гребец» стал талисманом места и спасением прибрежных земель от продажи и застройки. Сегодня «Деревня художников» – официально признанное творческое объединение, но, в отличие от большинства творческих организаций, у «деревенских» поселян нет общей идеологии. Поначалу многие

даже не были знакомы. Дружеские и творческие отношения выстраивались постепенно. Художники-«деревенщики» связаны только географически. Соседские дети посещают мастерские, занимаются керамикой, живописью, скульптурой. А заодно узнают историю места, в котором живут.

Гипсовый фрагмент скульптуры «Добрый пастырь» украшает крыльцо. Бронзовый оригинал – в Дании

ЭМИГРАНТЫ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

По радио звучит Шопен, а нас встречает Дмитрий Каминкер – человек, увидевший небо в алмазах, истинное лицо Дзержинского и изваявший много чего интересного. Если вы были в Петербурге, наверняка заметили бронзового усача с пропеллером в Пулковке, а может, проходили мимо «Слепого» и «Блашатая» на улице Правды.

Дмитрий Каминкер стоял у истоков творческой эмиграции из города в деревню, потому что он, как никто другой, знает историю «Деревни художников». На своем сайте мэтр написал о себе скромно: «Дмитрий Каминкер – петербургский скульптор». Именно так – просто, без отчества, хотя гордиться отцом у Дмитрия Давыдовича есть множество поводов (Давид Моисеевич Каминкер – известный ученый, один из основателей Института ядерной физики

На стенах – работы хозяина, его дочери и, конечно, подарки друзей

Российской академии наук. – Прим. авт.). В Русском музее – 17 композиций Дмитрия. Его работы – в Государственной Третьяковской галерее, Музее городской скульптуры Санкт-Петербурга, музеях Ярославля, Магнитогорска и других городов России. Дмитрий Каминкер не менее известен за границей – и как скульптор, и как препода-

ватель. Перечислять все звания и награды мэтра слишком долго. Главное – его скульптуры живут рядом с нами, в городах, а представить современный Петербург без бронзовых чудачков Каминкера невозможно. Город сроднился с ними. Скульптуры точно отражают чувство юмора автора – по-детски дерзкое, хотя и мрачное. Выбирая эклек-

Ничто не исчезает: модели скульптур нашли пристанище на чердаке

тику, Каминкер определяет направление своего творчества как «публич-арт» (искусство в общественном пространстве – от англ. public art. – Прим. авт.), объясняя, что более точного термина для городской скульптуры пока не найдено.

– В 1980-е я был в прямом смысле андеграундным творцом – работал в подвале. Тогда, условно говоря, в мансардах ютились «левые», в подвалах – андеграунд, в коммуналках – Союз художников, – вспоминает Каминкер. – Худсоветы, выставки, комиссии. «Бои» шли и по горизонтали, и по вертикали среди своих. Те, кто уставал от этой борьбы, уезжали за границу. Мы уехали в Озерки и Шува-

лово. Здесь было тихо, дешево и просторно. Материала для работы – кругом полно. Мы нащупали новый способ существования художника в городе, до нас этого не было. У нас не колония художников, а именно деревня, хотя мы люди городские. Почему? В деревне каждый дом сам по себе. У нас нет администрации, а главное – нет общей художественной идеологии. Все занимаются своим делом: кто-то живописью, кто-то иконы пишет, кто-то – скульптуры ваяет. «Деревня художников» – организация условная: у нас нет юрлица. Мы все члены Союза художников. У нас художник – это часть гражданского общества, а не затворник на черда-

Деревянные композиции в саду стали частью ландшафта

Даже плюющийся в колодец может вдохновить мастера

ке. В каждой общине есть свой врач, учитель, художник.

Проект «Деревня художников» как творческое объединение легализовался в 1990-е. В центре города в мансардах и на первых этажах были мастерские, которые нужно было реконструировать под офисы и жилье. Куда деть художников? Появилась идея выделять им участки земли по периметру города: они сдадут мастерские, а в пригороде построят домик. За художниками числится 10 домов-мастерских, которые занимают примерно 30 человек. Многие живут в городе, но приезжают работать в «Деревню». После смерти или отъезда мастерские передают другим творческим хозяевам. Во всем мире престижность среды определяется людьми, населяющими ее. Соседство с художниками, актерами, музыкантами престижно, и местные дачники это понимают. Многие заходят в гости – посмотреть работы, приводят детей. Двери мастерских открыты для всех! Художники – местная достопримечательность. А сложности, конечно, бывают. Если не пожар, то юридические провокации.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ КЛОСТЕР

Каждый дом в «Деревне» имеет свое лицо и историю – настоящую или вымышленную. Говорят, мастерская на Новоорловской, 40 напоминает несохранившуюся дачу, на которой отдыхал Кузьма Петров-Водкин. Кстати, «Купание красного коня» он написал на Втором Суздальском озере. Все дома этой деревни интересны своей историей, как и их новые хозяева – художники. Но рассказать обо всех мастерах этого удивительного поселения невозможно, поэтому остановимся на доме, в котором живут и творят две семьи старожилов «Деревни», на Новоорловской, 40.

Двухэтажный деревянный дом прячется в деревьях. Это именно та старая дача, «как раньше», – для души, отдыха и творчества, с при-

стройкой. Ни грядок, ни теплиц, ни рева пилы вы не услышите. Дореволюционный дом так и стоит не обшитым, в отличие от большинства подобных. По легенде, особняк был построен как доходный дачный дом немцем, которого нынешние хозяева зовут Хостером Клостером. Существовал ли этот человек? Сложно сказать, скорее всего, он – порождение красивого мифа. Но вот история дома более чем реальная. В начале войны его отдали под госпиталь. После войны здесь были коммуналки и дачный трест, потом жили бомжи. Деревянный особняк перестраивался, и сегодня сложно сказать, как он выглядел первоначально. Его признали непригодным – ни воды, ни канализации не было. В таком плачевном состоянии дача и досталась художникам. Впрочем, «досталась» неверное слово. Газ, отопление, ремонт художники сделали сами. Последние хозяева – скульпторы Дмитрий Каминкер и Леонид Колибаба – продлили жизнь не

Младший Каминкер, Даниил, продолжил дело отца

только дому, но и целой эпохе. И не только они, но и все творческие мастера, составляющие «Деревню художников»...

С 1993 года этот особняк стал новой мастерской, которую арендуют у города Дмитрий Каминкер и Леонид Колибаба, старожилы «Деревни». Принадлежат дома Союзу художников. В доме-мастерской – пять членов Союза художников: два скульптора – Дмитрий Каминкер и Леонид Колибаба, иконописец Татьяна Колибаба, керамист Александра Каминкер и скульптор Даниил Каминкер.

МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ И ПРАВДОЙ

– Скульптура не предназначена для выставок. Она должна быть на улице, в храме, становясь частью окружающей среды, а не таскаться из зала в зал, – говорит Дмитрий Каминкер. – Кладбище – хорошее место для скульптуры. Скульптуры Каминкера живут своей жизнью, вписавшись в

ткань города. Тот же «Глашатай», например, генерирует милые суеверия у студентов-киношников. – «Мифологизация пространства как задача» – мое кредо. С каждой работой связана своя история. Работа скульптора небystрая, что мне нравится, – рассказывает мой собеседник. – Это проект длиной в жизнь. Скульптура должна вписаться в среду – пространственную и интеллектуальную. Картина может жить в разном пространстве, скульптура – нет. Чтобы скульптура состоялась, должны встретиться три талантливых человека: художник, зритель, способный воспринять, талантливый заказчик.

Заказчики разные: и частные лица, и университеты, и городские власти. Каминкер считает, что большинство боится нового и хочет «диетического продукта», потому ждут то, что «понравится всем», то есть банальность. Кто-то, увидев новое, пройдет равнодушно мимо. Другие – обидятся, начнут жало-

ваться, ломать. А третьи заинтересуются, не поймут – спросят. Дмитрий считает, чем лояльнее и восприимчивее зритель к новому – тем благополучнее страна, в которой он живет. Когда Архитектурно-художественный фонд в середине 2000-х заказал Каминкеру скульптуру, связанную с газетой «Правда», печатью и пропагандой, для пешеходной зоны на улице Правды, мастер предложил вариант. Он делал модель в то время, когда лозунг «Партия – орга-

низатор наших побед!» еще не ушел в прошлое. И назвал скульптуру – «Передвижной памятник «неизвестному организатору» как неизвестному воину бюрократического фронта». В общем, не вовремя изваял. А через двадцать лет скульптуру установили, где и планировали, только сменили название на «Глашатай». Но студенты соседнего Института кино и телевидения решили, что эта бронзовая фигура с рупором – помреж.

На первом этаже – мастерские Каминкера и Колибабы

Мастер подумал, что одной скульптуры мало, договорился с литейщиками и за те же деньги сделал новую скульптуру – «Слеплого». Фигуры стоят на пересечении улиц Правды и Социалистической, что знаменательно. Вот мэтр и решил поставить между правдой и социализмом слепого. Он, как ванька-встанька, – шатается, но не падает. Литейщик не понял, что за чудака задумал мастер. А Каминкер, хоть и не претендует на роль философа, но безыдейных скульптур не делает. Бронзовый калека, как нетрудно догадаться, символизирует не физическое увечье, а духовное, будто герой Метерлинка.

– Он тычет палкой в землю, а смотрит в небо. А на самом деле болтается между небом и землей, как фиалка в проруби, – резюмирует со свойственным ему юмором скульптор. – Равновесия ищет, найти не может. Каминкер объяснил старому литейщику замысел скульптуры, тот подумал и сказал: «Это про меня!..» «Нет, это про всех», – не согласился мастер. Скульптуры Каминкера – настоящие генераторы мифов. Так, одна дама написала жалобу, поскольку посчитала, что начала слепнуть, после того как на ее улице возник незрячий персонаж с тростью. Видимо, соседство с памятником Ленину грозило бы утратой волос... Вот она – волшебная сила искусства.

САД КАМНЕЙ, ИЛИ НЕБО В АЛМАЗАХ

На первом этаже гостей встречает бронзовая модель фонтана «Всадник на мосту»: святой Георгий с драконом. Привычная оппозиция «добро–зло» пересматривается мастером – всадник и дракон сливаются воедино. Получается, человек борется сам с собою. Каминкер лихо рифмуется христианство и язычество, архетипы и культуры, мифы и каноны, при этом эклектичные фантазии автора не отменяют собственный почерк. Черный юмор оптимиста-реалиста

Забавная велосипедистка в кустах не кто иная, как Саша Каминкер

заметен в каждой работе, как и излюбленные технократические детали – пропеллеры, колеса. Подписи Дмитрия Каминкера, как и названия его работ, заслуживают отдельного внимания, например: «Воин-фундаменталист, убивающий балерин Большого театра». Скульптор буквально воплощает метафору. Пример тому – «Памятник плюющему в колодезь» или «Небо в алмазах» – да любой проект автора. Скажем, «Портрет Дзержинского в испанском костюме» (Железный Феликс напоминает... Дон Кихота, рыцаря революции, а сама скульптура не что иное, как гильотина. – Прим. авт.). У Каминкера не бывает простых аллегорий и коротких названий. Мастер, запечатлевая в бронзе метафору, наделяет произведение множеством смыслов. Впрочем, сам ваятель не считает себя философом, осененным высшим знанием.

– Скульптура выставлялась в Русском музее, – рассказывает Дмитрий, извлекая из своего творения гулкую музыку революции. – Если его покачать – голова падает и наносит свой карающий удар. Интерактивный он такой... У Каминкера к каждой работе есть аннотация, а нередко и

Где еще можно увидеть небо в алмазах, как не в саду художника?

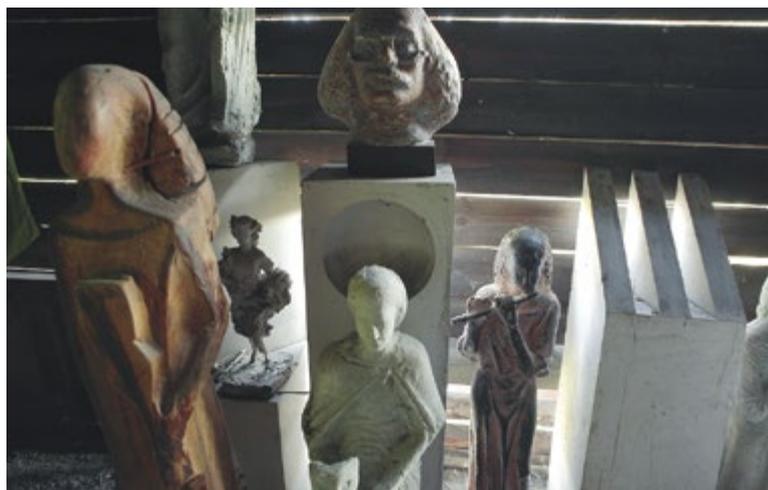
стихи. Мэтр далек от однозначных трактовок – и в форму, и в символы, и в само название вкладывает несколько смыслов. У человека-аэроплана, или, по выражению автора, авиакентавра, украшающего терминал в Пулково, в прямом смысле сердце – пламенный мотор. Прототипом послужил авиаконструктор Борис Россинский, романтическая внешность которого, в свою очередь, отсылает к рыцарю Сервантеса.

На чердаке тоже есть что посмотреть: старая пишущая машинка, модели скульптур – разные, как и их создатели. Хозяин предлагает кофе и рассказывает о семье.

В общении Дмитрий Давыдович обаятелен, очень открыт и прост. Легендарная Симона Синьоре, урожденная Каминкер, – тетка скульптора. Его старший брат пошел по стопам отца – стал физиком. А дети Дмитрия занимаются творчеством.

Экспозиция-мастерская домом не ограничивается и продолжается под открытым небом в саду. Каменные и деревянные памятники обоим Каминкерам вписались в ландшафт между сливами и яблонями, как, например, «Похищение Европы» (Европа сидит на быке как на мотоцикле, фактически образуя с ним одно целое. – Прим. авт.). Дмитрия

«Чердачное собрание» позволяет отследить перемены интересов и стилей мастеров

В мозаичной мастерской Татьяна Колибаба работает над храмовым панно

заниматься садом не тянет, в отличие от сына Даниила, он – дитя деревни. А на прощание мы увидели небо в алмазах. Какое оно? Каменное, тяжелое, но сверкает стразами...

К ИКОНЕ ЧЕРЕЗ МУЗЫКУ

Скульптор Леонид Колибаба и его супруга Татьяна снимают вторую половину особняка. Леонид преподает в Академии имени А.Л. Штигилица. А его супруга Татьяна – в прошлом инженер – пишет иконы. Вообще-то она рисовала с детства, но для себя. А началось все с церковного хора... Татьяна стала водить дочь в воскресную школу Спасо-Парголово-го храма. Там познакомилась с Ольгой Стеблин-Каменской – известным мастером-иконописцем, она-то и стала учителем Татьяны по благословению отца Василия Лесняка, настоятеля храма, известного в Ленинграде пастыря. Первую икону – образ Иоанна Предтечи – писала очень долго. Леонид делу жены не удивился, обрадовался. Сам он не писал, но очень хотел, а супруга мечту воплотила. «Все лучшее, что сделано в искусстве, пришло от христианского наследия», – рассуждает Леонид.

Тополь обрел новую жизнь, став композицией-трансформером «Новое начало»

Супруги уже не представляют жизни в каменном городе. С мастерской они сроднились – живут здесь более двадцати лет. После окончания Мухинского училища Леонид уехал в Сибирь. Вернувшись в Петербург, в поисках мастерской ютился у друзей, в том числе у Дмитрия Каминкера. Наконец через райжилуправление получил с женой ключи от полуразрушенной дачи в Шувалове. Дом затопило, молодым родителям с новорожденной пришлось трудно. В довершение всего супругов выселили, так как объявилась наследница. Семье помог дачный трест – сдал в аренду полдома, в котором сегодня и работают супруги Колибаба. Любое соседство не бывает безоблачным, но в творческом плане у друзей-коллег полное взаимопонимание и выручка. В комнатах четы Колибаба на стенах подарки друзей – масло, акварели. На солнечной кухне хозяева угощают нас чаем с медом и домашним хлебом. В красном углу – иконы, на стенах – фотографии отца Василия Лесняка и Александры Федоровны, выловленные из лужи и реанимированные. Из кухни можно перейти в иконописную Татьяны, раньше там была детская дочки

Клавдии. Она стала врачом, но гены родителей в ней не уснули – Клавдия хорошо рисует.

Чтобы понять, что время может быть осязаемым, нужно прийти в иконописную мастерскую, особенно если она находится в старом доме. Там тихо, светло, кажется, попал в фильм Тарковского. На большом старом столе – алтарные иконы. Пахнет олифой, деревом и левкасом. Вдоль стен книжные стеллажи и, как в лаборатории, – баночки с минералами на полках. Первым серьезным заказом Татьяна считает иконостас в храме Первоверховных апостолов Петра и Павла. Работы Татьяны можно увидеть в храмах Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также Англии.

Помимо иконописи Татьяна занимается мозаикой. В английском Эссексе есть многонациональный монастырь, там-то она и училась мозаике у французской монахини. Сама Татьяна не преподает, хотя просьбы были, считает, учить должны профессиональные педагоги. Татьяна говорит, что иконопись умиротворяет. С чем с улыбкой соглашается Леонид и уточняет: жена стала сдержаннее и... умнее. Татьяна признается: критику мужа иногда воспринимает болезненно, но профессор Колибаба скидок никому не делает. Сам Леонид Яковлевич с этим не согласен и шутит, что супруга равнодушна к его работам. Как бы то ни было, с мужем Татьяна советуется, а он рад помочь супруге.

В саду, там, где раньше была постройка, Леонид благоустроил место и оборудовал маленькую, но светлую мозаичную мастерскую. Здесь на большом столе дожидается завершения наружное храмовое панно с ликом Спасителя.

– Когда утром заходишь в комнату, – говорит Леонид, – кажется, что там живоносный источник со свежей водой, к которому никто давно не подходил. Мы выйдем, а вы побудьте одна в комнате, почувствуете!.. И мастер прав.

В руках у Леонида Колибабы – эскиз барельефа для музея

КАК МУЗЫ СТАЛИ АНГЕЛАМИ

Если подняться по старшим ступеням на чердак, можно увидеть много интересного. Там хранятся работы обоих скульпторов – хозяев дома.

Муза-ангел так и не украсила костел

– А сейчас вы увидите... реквием, – предупреждает Леонид, подводя к деревянной фигуре. – Видите, она стоит на плахе? Это Ахматова.

Скульптура поэта необычна – из цельного дерева, по сути – саркофаг. Ахматова вырезана не тоненькой дамой, а пожилой женщиной-матерью – сильной, мудрой, со взглядом сквозь вечность. На скульптуре – надпись из дневника Анны Андреевны: «Римские матроны еще носили свои одеяния и драгоценности так, что палач не знал, как отрубать голову, чтобы не повредить жемчуга и изумруды на шее первых мучениц». Торс фигуры перерезает трещина – так распорядилась природа. Сначала мастера это смутило, а потом он понял символ: судьба Ахматовой именно такая – с надломом. – Это собирательный образ, – объясняет автор. – С одной стороны – мать. Видите, как она смотрит в бесконечность? Умиротворенно. С другой – это образ России и наша современница. Было предложение установить памятник у «Крестов», но не вышло... Вот девочка-ангел управляет колесницей. Это «Ферапонтов день» – макет композиции, ко-

торая сейчас находится в Третьяковской галерее. Но это не единственный ангел на чердаке. Есть и другие... Для Красноярского костела с концертным залом был сделан заказ скульптору Колибабе – Аполлон с музами. Когда Леонид стал изучать чертежи, понял, что логика линий подразумевает не муз, а ангелов. Мастер увидел в этом сакральный смысл и смутился: как же лепить Аполлона, когда тут кресты? Расстроенному вялелю приснился сон, в котором

ксёндз этого храма запретил работать над музами. И произошло удивительное: заказчик отменил работу, то есть мастеру не пришлось ломать себя! Так ангелоподобные музы поселились на чердаке. Удивительные создания обитают не только в доме, но и в саду. Среди белых гортензий живут добродушные драконы из прутьев. Скульптор опускает одному из них крыло и ведет нас дальше – смотреть сюрприз-представление. А моделью

У супругов Колибаба есть свой дракон – деревянный, зато добродушный

«представления» стал послушный экспонат из тополя. Погибшее дерево обрело новую жизнь, став композицией-трансформером «Новое начало». Мы увидели, как внутреннее пространство перетекает во внешнее. Видно, что мастер получает удовольствие не только от создания своих скульптур, но от перемены композиции, новый ракурс – новый смысл.

В Шувалове – Озерках – Коломягах цивилизация пожирает следы прошлого. Но деревня мужественно противостоит этому натиску с его многоэтажками и «новорусским стайлом», причем противостояние это главным образом происходит благодаря художникам – хранителям традиций. Вот и у старого особняка со шпилем – трудная судьба, он пережил многих хозяев, переделки и пожары. Сегодня дом похож на памятник ушедшей эпохе: крутая лесенка со стершимися ступенями, воздух, пропитанный металлической пылью и олифой, и удивительный свет... Возможно, это просто сумерки, а может, очарование гения места. Исторический круг замкнулся. И пока в доме живут и творят, это хрупкое очарование не исчезнет. ❶

Порой молчание мастера не менее красноречиво, чем форма скульптуры

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ХОЗЯИН «СОВЕТСКОГО ЗАПОВЕДНИКА»

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НЫНЕШНИМ ЛЕТОМ, НЕСМОТря НА ПРОТЕСТЫ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, В ЛИТОВСКОЙ СТОЛИЦЕ С ПОСТАМЕНТОВ БЫЛИ СВЕРГНУТЫ ПОСЛЕДНИЕ КАМЕННЫЕ СИМВОЛЫ СОЦИАЛИЗМА – ЧЕТЫРЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ ГРУППЫ, УСТАНОВЛЕННЫЕ НА ВИЛЬНЮССКОМ ЗЕЛЕНОМ МОСТУ В 1952 ГОДУ. В НЕБЫТИЕ УШЛИ ДВА СОЛДАТА-КРАСНОАРМЕЙЦА, ПРИХВАТИВ С СОБОЙ МЕХАНИЗАТОРА С КОЛХОЗНИЦЕЙ, ШАХТЕРА СО СТРОИТЕЛЕМ И ПАРОЧКУ СТУДЕНТОВ С КНИЖКАМИ.

О Т ОКОНЧАТЕЛЬНОГО забвения их мог бы спасти хозяин литовского парка советских скульптур, он уже даже место присмотрел для столичных красавцев – на мосту через речку парка Грутас. В этом парке уже получили «политическое убежище» 120 литовских памятников, созданных местными художниками в советские годы. На 20 гектарах леса места еще на столько же хватит.

Это сейчас тут, куда ни глянь, кругом почти немецкая пастораль – ухоженные газоны, утопающие в зелени аллеи и парковые дорожки, обсаженные голубыми елями, клумбы с цветами, пруд, на берегах которого гуляют лебеди и страусы. А лет двадцать назад места здесь, под Друскинин-

каем, были гиблые – сплошные болота и лесные чащи. Бывший зоотехник и председатель колхоза Вилюмас Малинаускас в здешних лесах поселился на излете советской власти, когда уже окончательно разрутался с ней.

ИЗ ПРЕДСЕДЕТЕЛЯ – В ОТШЕЛЬНИКИ

– Я четверть века отработал в колхозах. Став председателем, хотел, чтобы в нашем «Коммунаре» работники жили как нормальные люди: имели пятидневную рабочую неделю, нормальную зарплату, выходные, отпуска... Районное руководство, кстати, меня даже подерживало. Но когда дошло до литовского ЦК, меня вызвал к себе первый секретарь Пятрас Гришкявичус и сказал: «Все, что ты делаешь, противоречит основам марксизма-ленинизма. Не наш это путь, не советский. Я тебе запрещаю...» Вот тогда-то я все бросил и уехал в эту тмунтаракань – в маленький лесной поселок Грутас, чтобы никого не видеть и не слышать. Здесь развел пчел, позже организовал кооператив по сбору грибов-ягод, завел разную живность – я это с детства любил.

Вилюмас Малинаускас секреты в шкафах не прячет, он хранит там книги с благодарностями от посетителей парка

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В затворниках Вилюмас прожил несколько лет. А когда рухнула советская власть в Литве, приватизировал здесь же свой участок земли, да и владельцев со всей округи уговорил уступить ему свои наделы. Многие пальцем у виска крутили, не понимая, зачем этому чудаку местные болота, здесь же, кроме комаров и лягушек, вообще никого нет. Но у Малинаускаса были свои задумки. Болота он решил осушить, местность облагородить, засадить деревьями, завести павлинов и страусов.

За политическими процессами, которые кипели в столице, он тогда не особо следил. Но когда в стране начался повальный снос памятников бывшим советским лидерам и кумирам, «болотный человек», как Вилюмас себя называет, все-таки не удержался и решил вмешаться. Ну не могла его хозяйская душа спокойно смотреть, как творения рук человеческих – среди снесенных памятников и скульптур было немало художественных шедевров, созданных знаменитыми скульпторами, – валялись под заборами и в подвалах!

В конце 1998 года Министерство культуры Литвы объявило конкурс на проект по использованию демонтированных советских памятников, находящихся у них на балансе. Речь шла о 89 скульптурах. Помимо

Малинаускаса на советское наследие претендовали три компании. Победил бывший председатель колхоза «Коммунар» с его концепцией создания под открытым небом оригинального туристического объекта, за реализацию которой он, единственный из всех, не запросил от государства ничего. Под территорию будущего парка советского периода он выделил 20 гектаров леса из своих частных угодий, которые ему предстояло осушить и обустроить.

Вилюмас взялся за дело с невероятным энтузиазмом. По документам ему должны были передать 89 скульптур, а привезли только 42, остальные пропали. Пока шли мелиоративные работы, он наматывал километры по всей Литве, собирая раритеты минувшей эпохи. Народ с радостью нес ему все, что у кого было, – книги, брошюры, труды классиков марксизма-лениниз-

По Александровскому мосту можно перейти в советскую зону

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ма, русских и литовских коммунистических лидеров, портреты, барельефы, ковры, плакаты, газеты, бюсты, скульптуры, разнообразные предметы быта – все перечислить невозможно.

Малинаускас спешил, понимая, что вокруг его проекта скоро начнется шумиха. Так и случилось. Местные патриоты его третировали еще лет пять после того, как он 1 апреля 2001 года открыл свой музей. Что тут началось! Как его только не называли! И апологетом коммунизма, и подпевалой Кремля, и даже красным сатаной. «Никто из этих идиотов, которые травили меня, даже концепцию мою не удосужился почитать! – с горечью возмущается хранитель советской истории Литвы. Глядя на его суровое лицо, мощную фигуру бывшего спортсмена-борца, большие крестьянские руки, сжатые в кулаки, я понимаю, что Малинаускас ничего не забыл и не простил. – Основная моя идея – показать миру, к чему может привести любая диктатура. Мы пятьдесят лет прожили в этом мире, разное было – и плохое, и хорошее. Разве можно просто вычеркнуть этот период из жизни и забыть? Нет! Но желающих это сделать в нашей стране нашлось немало. Меня вызывали на разбирательство в литовский Сейм, стращали по-разному, угрожали. Один депутат пригрозил, что сам лично приедет на тракторе и снесет все мои экспонаты! А я ему фигу под нос сунул... Думаю, эти люди просто хотели за мой счет себе рекламу сделать. Но спустя годы про них все уже давно забыли. А парк – вот он! Живет и процветает. За это время только стал больше и краше. К нам ежегодно приезжают 120–130 тысяч посетителей из многих стран, даже из Африки, – вот, полюбуйте, у меня забит до верха шкаф с книгами, полными записей с благодарностями! За то, что мы сохранили историю нашей страны – без прикрас, такой, какая она была и через которую мы все прошли!

ЛИТОВСКИЙ ПАРАДОКС

...Мы оставляем за собой пограничный столб и попадаем на «территорию вечного социалистического реализма». Пройдя через кассу, где добыли аудиогид на русском языке, идем по узкому коридору, с одной стороны которого стоит свежеекрашенный вагон теплушки – напоминание о сталинских депортациях и репрессиях, а с другой – стенды с газетными вырезками, посвященными парку Грутас. Здесь есть все – и хула, и хвала. Так решил хозяин парка. Таблички на трех языках – литовском, русском и английском, – рассказывающие об экспонатах.

По аудиогиду можно при желании прослушать речь Сталина о депутатах и выборах, записанную в декабре 1937 года, когда Литва еще была независимой, а в СССР уже вовсю шли чистки. Несколько минут я тоже слушаю голос человека, отправившего в лагерь миллионы ни в чем не повинных людей – русских, белорусов, евреев, украинцев. Потом дойдет очередь и до прибалтов. Не могу в эти секунды не вспомнить и своего отца – журналиста партийной ташкентской газеты, оклеветанного коллегами по работе и сосланного в 1938 году по 58-й статье в сибирские лагеря, где ему пришлось провести в общей сложности почти восемнадцать лет...

Да и сам хозяин парка о репрессиях знает не понаслышке: его отец в 1949 году тоже был сослан в Сибирь на десять лет. На мои расспросы Вилюмас откровенно признался, что его отец служил при немцах в полиции, даже два креста заработал. О лагерной жизни особенно тот рассказывать не любил, объяснив сыну, что просто время такое было – никуда не денешься! Вилюмас рассказал, что он сам поехал по Сибири, побывав в тех местах, где его родня отбывала наказание. «От отца я не слышал ни одного худого слова про русский народ, да и у меня среди русских много друзей. Я бы никогда не стал обвинять русских в том, что случилось, – уверяет Малинаускас. – Их столько погибло

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Мать Крижальниса» скорбит по погибшим на войне сыновьям

в сталинские годы – ужас! Какие сейчас распри могут быть между нами? Я этого вообще не понимаю, этим может заниматься только абсолютный идиот!» Задумывая парк Грутас пятнадцать лет назад, его владелец заранее отмежевался от политической составляющей, настаивая, что в его музее собраны только исторические факты. Но определенный парадокс, конечно, есть: сын бывшего немецкого полицая стал главным хранителем советской истории Литвы...

ПО УЛИЦЕ ЛЕНИНА

Перед нами открывается чудесный вид на речку, на другом берегу которой на холме стоит высокая статуя – «Мать Крижальниса». Вот именно здесь Малинаускас хотел бы поставить мостик с советскими скульптурами, снятыми с Зеленого моста в Вильнюсе. Здесь-то уж их никто не будет обливать красной краской и обзывать «болванами», как это делали в литовской столице. Он с нетерпением ждет пополнения. Но власти пока

Монумент литовским партизанам и подпольщикам был установлен в Вильнюсе в 1983 году. Авторы – группа литовских скульпторов и архитекторов. Памятник был демонтирован в 1991 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Под надежной охраной «Русского солдата» из Шяуляя. Работа группы немецких военнопленных

Красной армии. Но тамошние коммунисты от подарка отказались – статуя не понравилась, по словам секретаря горкома, имела «слишком нерусские черты». Оставшись в Литве, скульптура длительное время стояла на дороге между Каунасом и Клайпедой. Как собирательный образ литовской матери, скорбящей о погибших на войне сыновьях... А вот и гигантский монумент «Партизанам и подпольщикам» весом 75 тонн. С 1983 по 1991 год, пока «партизаны» еще были в чести у властей, они стояли в столице Литвы. После демонтажа несколько лет чернели в овраге, пока их не перевезли за 120 километров от Вильнюса – в парк Грутас. По словам гида, КамАЗ, перевозивший монумент, поменял 16 покрышек. Но оно того стоило – «партизаны» прекрасно вписались в местный пейзаж. Около кафе за елью пристроился еще один трехметровый «партизан» – солдат с автоматом наперевес. Черты лица выдают его явно арийское происхождение. Хотя на табличке почему-то написано «Русский солдат». Не верю – немец это дюралюминиевый! Секрет прост: фигуру делали пленные немцы из обломков «мессершмита». До 1991 года памятник простоял на постаменте в Шяуляе. Когда его демонтировали, то в основании нашли бутылку, а в ней – список пленных, работавших над его изготовлением. Литовцы связались с германским военным архивом, там нашли авторов памятника. Пару лет назад один из них приехал в парк Грутас вместе с сыном. Пожилой высокий немец, оказавшийся бригадиром команды пленных, делавших этот памятник в 1946 году, долго стоял у фигуры солдата, молча смахивая слезы. Бывший офицер рейха провел здесь целый день, осмотрел всю экспозицию, сфотографировался рядом с советским солдатом с арийским лицом и долго благодарил Малинаускаса за то, что сохранил историю, которая и по нему пропала катком.

Последняя улица в Прибалтике, носящая имя вождя мирового пролетариата

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ему отказали, заверяют, что после реставрации все вернут на место. Владелец парка Грутас в этом сильно сомневается, говорит, что литовские статуи приглянулись кому-то из европейского парка – продадут, как пить дать! Значит, и далее стоять «Матери Крижкальниса» в одиночестве. Статуя по замыслу авторов должна была символизировать Красную армию, «принесшую освобождение от буржуазного национализма». Что интересно, скульптуру в 1972 году литовцы хотели подарить небольшому российскому городу Алексеевке, в боях за освобождение которого во время войны погибли бойцы 16-й Литовской дивизии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На коленях каменного улыбающегося Ильича из Друскининкая любят фотографироваться литовские детишки

настоящий русский борщ, домашний квас, выпить наркомовских сто граммов, закусив килькой в томате. А подкрепившись, пойти дальше – на улицу Ленина. Сегодня это единственная улица в Прибалтике, носящая имя вождя мирового пролетариата. А в былые годы в каждом районе и самом захудалом поселке обязательно можно было натолкнуться на Ильича. Помимо всего прочего образ этого человека долгие годы был «кормильцем» огромной армии скульпторов, художников, артистов, получавших заказы на изображение Ленина. В советской Литве действовало негласное правило: чем больше город, тем выше памятник Ленину там должен стоять. Самый высокий, 6-метровый, был установлен в Вильнюсе, в Каунасе – на 20 сантиметров меньше, в Клайпеде – 5,1 метра. Теперь все литовские Ильичи нашли убежище в парке у Малинаукаса. Народ ходит, смотрит. Рассказывают, как раньше жители Каунаса шутили, что у них климат теплее, потому что Ленин стоит у них в расстегнутом пиджаке, а в Вильнюсе – одет в пальто. Еще могут рассказать, что Ленин из Паланги (скульптор Евгений Вучетич) в спешке надел пальто жены – с пуговицами на левой стороне. Желающие могут сфотографироваться на коленях у каменного Владимира Ильича из Друскининкая, благо он всег-

да улыбается, не то что его соратник и заклятый враг – Сталин, чья внушительных размеров статуя работы скульптора Николая Томского когда-то тоже стояла в Вильнюсе.

Еще мне показалось, что из-за всех кустов за нами наблюдает Железный Феликс, но оказалось, я ошиблась. Это лидер местных коммунистов Винцас Капсукас: в парке Грутас собрано около десяти его скульптур, украшенных бородкой «а-ля Дзержинский». Самая знаменитая – из Вильнюса: Капсукас с Лениным что-то оживленно обсуждают. Если приглядеться, можно увидеть шов, проходящий по фигуре Ильича на уровне коленей. За этим стоит вот какая история: в жизни Капсукас был на голову выше Ленина, что добросовестный скульп-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Ленин и его литовский соратник-революционер В. Капсукас

птор честно отобразил в своем творении. Но кто ж мог быть выше самого вождя? Фигуру Ленина пришлось переделать, немного удлинив ему ноги...

По улице Ленина мы выходим к сельскому Дому культуры и погружаемся в атмосферу недавно ушедшей эпохи – с переходящими красными знаменами, советскими плакатами, портретами вождей. Стеллажи с книгами и бюстами коммунистических лидеров, подшивки старых газет, стенды, увешанные партийными газетами прошлых времен. Можно послушать речи Ленина, Молотова, Брежнева или местных литовских деятелей. Можно даже самому встать за трибуну и заклеить империалистических агрессоров... Любители живописи советского периода могут поностальгировать в галерее искусств, где есть неплохое собрание картин и художественных полотен эпохи социалистического реализма. Но, конечно, осмотреть все полтора миллиона экспонатов и артефактов, собранных под крышами «Музеона», невозможно.

Памятник И. Сталину работы скульптора Н. Томского (1950 год). Стоял в Вильнюсе

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МАЛИНАУСКАС, МЫ – С ТОБОЙ!

Тем более что пора уже перейти и на вторую улицу парка Грутас, носящую имя партизанки Марите Мельникайте, расстрелянной немцами в 1943 году. Памятник «литовской Зое Космодемьянской» до 1992 года стоял на ее родине – в Зарасае. А потом партизанку развенчали, а ее статуя после долгих мытарств досталась Малинаускасу. Честно говоря, я ему попеняла за некоторую идеологическую однобокость в информации о героях, которым были посвящены памятники, и поинтересова-

Памятник литовской партизанке Марите Мельникайте, казненной немцами в 1943 году

В парке нашли свой последний приют памятники и монументы советским воинам, павшим за освобождение Литвы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В избе-читальне можно вспомнить былое и сказать свое веское слово, встав на трибуну

лась, сам ли он писал тексты к экспонатам. Хозяин музея даже обиделся: «Я что – похож на идиота? Когда я все здесь установил, то написал письмо правительству, чтобы все исторические справки для музея мне подготовил Центр геноцида. Не хотел, чтобы меня еще и за тексты третируют. Они написали. Я был в шоке. Кое-что попросил переписать. Понимаю, что в советское время были одни мифы, сейчас другие, но откровенный бред хотя бы не надо людям на уши вешать – стыдно же!» Аналогов его музея в Европе немного – есть в Будапеште подобная коллекция, но там удалось собрать всего лишь 30 скульптур, еще меньше – в Польше.

Одно время Вилюмас думал сделать прибалтийский парк советских скульптур, но в Латвии и Эстонии не нашел поддержки. Теперь высокие официальные лица из Эстонии и Латвии приезжают в парк Грутас на экскурсии со своими европейскими коллегами и сокрушаются, что у них не нашлось такого «болотного человека», который смог бы сделать что-то подобное.

– Знаете, если бы меня не поддерживал литовский народ, я бы ничего этого не делал, – говорит хозяин «советского заповедника». – Когда на меня были нападки в газетах, я получал мешками письма от простых людей. Они писали: «Держись, Малинаускас! Мы – с тобой, если надо, со всей Литвы приедем в Вильнюс, тебя поддержим». Люди считают, что это их история, их жизнь. Какая она была. И пусть останется, чтобы мы могли детям ее показывать. Я что заметил? Самые большие наши крикуны в советские годы громче всех прославляли советскую власть, пользовались всеми ее благами. А в новые времена они стали самыми большими патриотами Литвы...

– А вы себя считаете патриотом? – спросила я. Малинаускас строго посмотрел на меня, хлебнул холодного кваса и ответил твердо и без пафоса: – Я – литовец. 🇱🇹

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКИЕ НА «ТОЙ СТОРОНЕ»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

«МОЖНО УТВЕРЖДАТЬ БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ, ЧТО НИКОГДА БОЛЬШЕ ВО ВРЕМЯ ЭМИГРАЦИИ, ДАЖЕ В ГОСТЕПРИИМНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ, РУССКИЕ НЕ ЧУВСТВОВАЛИ СЕБЯ «ТАК У СЕБЯ», КАК В 1921 И 1922 ГОДАХ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ».

ТАК ПИСАЛ О ЖИЗНИ на Босфоре участник Белого движения Николай Николаевич Чебышёв. И объяснял, почему так сложилось: «В Константинополе не было тогда хозяев. Все были гостями, в том числе и сами турки. Хозяевами могло считаться союзное командование. Но оно числилось на этом положении только по праву силы и захвата, а потому морально тоже не могло признаваться настоящим хозяином. У турок же моральные права на положение хозяина яростно оспаривали греки. А греков усиленно, страстно от-

вергали турки, ненавидевшие их больше, чем «союзников». Таким образом, русские, прибыв из Крыма, чувствовали себя дома».

А какая это была масса народа! По данным генерала Врангеля, в ноябре 1920 года на кораблях из Крыма прибыло около 146 тысяч человек. В конце года в Константинополе было зарегистрировано 190 тысяч беженцев...

АРОМАТ БУБЛИКА

К пристани Каракёй, куда прибывали русские беженцы, и по сей день причаливают корабли. Паромы с азиатской стороны

Босфора то и дело вспенивают воды у причала и поднимают волну, так что чугунные крышки колодцев на берегу подпрыгивают на полметра. Для рыбаков, промышляющих возле пристани, – сплошные неудобства. И леску приходится убирать из-за приближающихся катеров, и вставать на колодцы,

ПРЕДОСТАВЛЕНО Л. ДАВЫДОВОЙ

Собор Святой Троицы – величественное напоминание о православной жизни в историческом районе Пера

Алла Улагай (урожденная Прискич) в русском ресторане «Режанс»

Пристань Каракёй – одна из самых старых ныне действующих в Стамбуле

Бублики-симиты и для самих турок – дорогой образ прошлого. Отсюда и стилизованные под старину лотки на колесах

ЛАРОЧКА, ВЕРОЧКА И КОТИК

Сердце русского Константинополя – церкви, построенные в XIX веке для русских паломников, направлявшихся в Святую землю и на Афон. Для измученных и голодных, потерявших родных и Родину русских изгнанников эти храмы в Каракёй стали настоящей отдушиной. В одном из них, церкви Апостола Андрея Первозванного, до сих пор теплится старая русская жизнь. Староста прихода – правнучка русского офицера из Карса; в числе постоянных прихожанок – внучка знаменитой актрисы немого кино Веры Холодной. Моя собеседница Лина Афанасьевна приехала в Стамбул из Риги в 1992 году и сейчас поет здесь в церковном хоре.

– В поисках чего-то близко своей душе я оказалась в Андреевской церкви, – вспоминает она. – Тогда еще были живы многие потомки первых русских эмигрантов. В храме я встретила красивых, благородных, интересных людей. Первым делом они спросили, на каких языках я разговариваю. Мне было ужасно неловко, что никаких иностранных языков я не знала. Выручила меня игра на фортепьяно – по образованию я преподаватель музыки. С Верочкой Паккер мы подружились с первых дней моего пребывания в Стамбуле, она познакомила меня с этим удивительным городом. Если вы заметили, в среде старых русских все называют друг друга ласково: Ларочка, Верочка, Галочка, Рочка. Котик Паккер, например,

чтобы тяжелая чугунина ненароком не ударила по ногам. Однако место это рыбаки оставлять не собираются: еще бы, то и дело на крючке у них оказываются сардины.

У этого причала мы и договорились встретиться с Линой Афанасьевной Давыдовой – стамбульской жительницей, знакомой с представителями старой русской эмиграции. Лина Афанасьевна прибыла в Каракёй как раз на пароме. Встретились мы у небольшого лотка продавца ароматных турецких бубликов-симитов.

– Я хорошо знала госпожу Аллочку Прискич, – рассказыва-

ет Лина Афанасьевна. – Когда ее родители бежали из Одессы, Аллочке не было и 2 лет. Семья перенесла тяжелое плавание по Черному морю, потом голодные дни у берегов Константинополя: беженцев ведь не сразу впускали в город. Потом их высадили на Принцевых островах. А когда они все же добрались до Константинополя, первое, что их потрясло, – это аромат свежего симита. Посыпанный кунжутом, с хрустящей корочкой, этот бублик стал для них настоящим символом новой жизни. Как вспоминала Аллочка, трепетное отношение к симиту в их семье сохранилось на всю жизнь.

Лина Афанасьевна Давыдова уже 23 года занимается судьбами старой русской эмиграции в Стамбуле

стал известной в Турции лично-стью, был профессором Стамбульского университета, инженером, который еще в 50-е годы планировал строительство метро в городе. Сейчас в университетской лаборатории, где он работал, красуется памятная доска с именем «Константин Паккер». Но мало кто знает, что это – талантливый русский человек. Тогда в Стамбуле я познакомилась с людьми интеллигентными, прекрасно воспитанными, у которых многому научилась. Они никогда никого не осуждали. Самое плохое слово, которое позволила себе графиня Софья Николаевна Татищева в отношении одной женщины, корыстно воспользовавшейся ее добротой, было: «Она – такая непоследовательная». Софья Николаевна прожила нелегкую жизнь. Родители ее погибли в революционной России. Дедушка увез своих внуков-сирот в Европу. Поначалу все складывалось благополучно, жили они на виллах, которые снимал дедушка. Софья Николаевна вспоминала, как они просили дедушку купить квартиру в Париже, а он им отвечал: вы – графские дети, не можете жить в квартирах, все наладится, вернетесь в свои дома. А когда дедушка умер, Софье Николаевне

пришлось трудно. Пошла учиться на стенографистку, работала. Волею судьбы оказалась в Стамбуле, где вышла замуж за турка по фамилии Субаши. Я ее застала уже овдовевшей. Жила она с сыном Александром в скромной, но своей квартире. Однако в конце жизни из-за недостатка средств Софье Николаевне пришлось сдать в аренду свое жилье и уйти вместе с сыном во французский дом престарелых.

Лина Афанасьевна на клиросе Андреевской церкви

«ПОЙДЕМ НА ПЕРА»

Центром жизни русской эмиграции стала улица Гран Рю де Пера, или просто Пера, проходящая в километре от пристани Каракей. Со времен поздней Византии здесь располагалась торговая колония латинян, отделенная от Константинополя заливом Золотой Рог. Отсюда и греческое название этого пригорода: «Пера» означает «На той стороне». Русские неслучайно выбрали это место. В начале XX века район Пера был средоточием европейской жизни Константинополя. Здесь размещались европейские посольства, жили греки, англичане и французы, работали европейские рестораны и магазины. Уже давно улица Пера переименована в Истикляль, что значит «Независимость», но старые русские нет-нет да и оговариваются: «Пойдем на Пера».

В 20-х годах район Пера стал русским. Более состоятельные эмигранты селились на самой улице Пера, остальные – на соседних улицах и в переулках, уходящих круто вниз к Босфору. На Пера появились русские магазины и мастерские, благотворительные организации и общества, рестораны и театры, книжные магазины и библиоте-

А в этом здании располагалось Осведомительное агентство (сокращенно «ОсвАг»), учрежденное в 1918 году генералом Деникиным

теки, редакции газет и журналов, музыкальная и балетная школы. Беженцы из России явили удивительный пример самоорганизации, сумев за несколько месяцев создать на Босфоре уголок московской или петербургской жизни. Только их происхождение теперь не имело значения: порой бывшие дворяне работали шоферами, официантами, гардеробщиками. О самых известных русских местах на Пера эмигранты вспоминали до конца своих дней, некоторые сведения сохрани-

лись в архивах. Несколько лет назад сотрудница Генерального консульства России в Стамбуле Ирина Касимова проделала большую работу, собрав всю информацию и издав книгу-путеводитель «По местам пребывания белой эмиграции в стамбульском районе Пера». В любой день и в любую погоду на Истикляль многолюдно. Улица пешеходная. Только маленькому старому трамваю из позапрошлого века позволительно колесить по этому «Арбату» длиной в полтора километра.

Здесь на улице Асмалымесджид в 1920-х годах стояли автомобили русских шоферов

В начале 20-х годов здесь почти в каждом доме было что-то русское. В самом начале улицы, напротив входа в старое миниатюрное метро «Тюнель», работала часовая мастерская Леина. Рядом располагался отдел пропаганды «ОсвАг», в витринах которого вывешивали карты военных действий белой армии, здесь офицеры подбадривали друг друга, что война еще не закончилась. На углу с улицей Асмалымесджид размещалась биржа Корпорации русских шоферов, тут же стояли их автомобили. По воспоминаниям современников, русские зарекомендовали себя в этой области заправскими профессионалами, так что понятия «русский шофер» и «русский механик» в Константинополе значили «лучший шофер» и «лучший механик». А в кафе «Лебон» с давних пор и до сего дня пекут на русский манер пасхальные куличи. За несколько дней перед праздником Воскресения Христова в витрине кафе появляется объявление на русском языке: «Куличи». На соседней улице Мершрутчет работало отделение американского Красного Креста. Возглавлял константинопольское отделение адмирал Марк

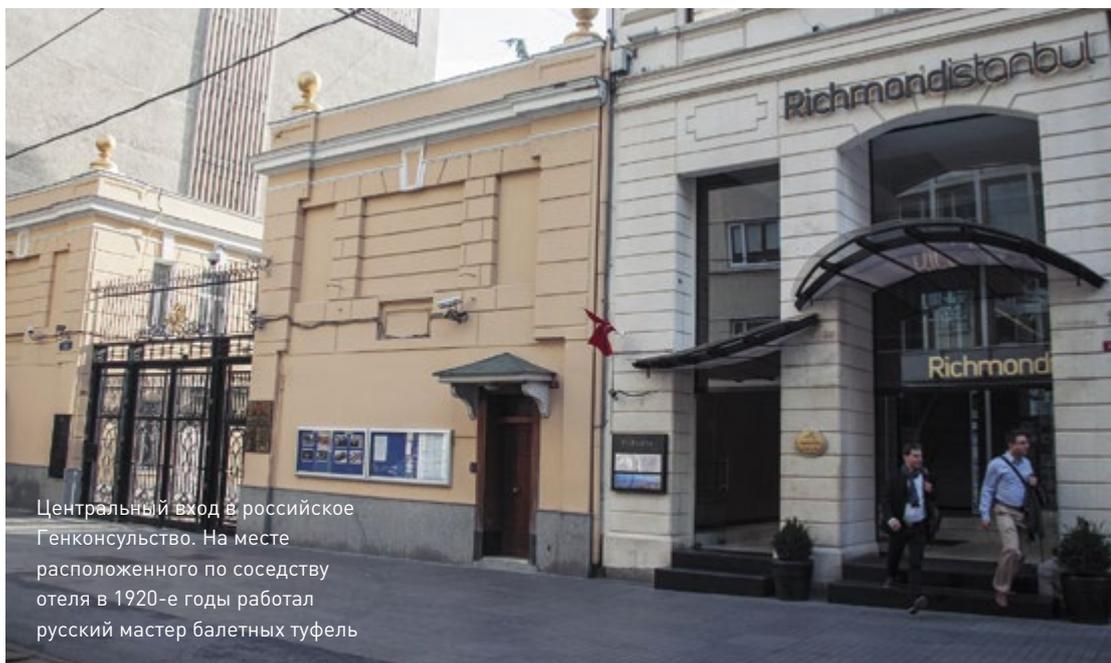
Один из странных топонимов на Пера: в XIX веке это кафе называлось «Санкт-Петербург», а с приходом русских эмигрантов было переименовано в Lebon

Ламберт Бристоль – дипломатический представитель США в Турции. Благодаря его деятельности американское общество живо представляло себе бедственное положение русских беженцев, что вызывало постоянный поток пожертвований из США. Известно, что американский Красный Крест обеспечивал питанием 6 тысяч русских, выдавал муку, консервы, шоколад и другие продукты, снабдил одеждой более 70 тысяч человек, оказал медицинскую помощь многим беженцам. Отделение организовало курсы по обучению нужным в городе специальностям. В мастерских, созданных американским Красным Крестом, было трудоустроено около 400 русских.

МАСТЕРА БАЛЕТНЫХ ТУФЕЛЬ

Здание бывшего российского консульства в последние годы пришло в ветхость и стояло опустевшим. И только в прошлом году началась его реставрация. В начале XX века здесь помимо консульства располагалось российское торгпредство, квартиры русских, магазины и даже тюрьма. В оккупированном Константинополе граждане европейских государств подчинялись юрисдикции своих посольств и консульств – наличие иностранных трибуналов и тюрем в то время было обычным делом. По воспоминаниям эмигрантов, во дворе консульства всегда стояла толпа русских беженцев.

Бурная жизнь кипела и в посольстве Российской империи, расположенном в паре сотен метров вверх по Пера. Этот прекрасный дворец, построенный в 1845 году по проекту Гаспаре Фоссати и расписанный художником А. Форкари, превратился в общежитие. Беженцы размещались во всех залах, служебных кабинетах, в коридорах и на широких лестницах. Отгораживались друг от друга развешанными на веревках одеялами. А в Зеркаль-

Центральный вход в российское Генконсульство. На месте расположенного по соседству отеля в 1920-е годы работал русский мастер балетных туфель

А здесь размещалась биржа Корпорации русских шоферов – «одной из наиболее прочных и выгодных беженских профессий», как писали современники

ном зале, где до того проводились торжественные приемы, был устроен госпиталь. Посольство стало и политическим центром русской жизни, которая порой принимала экстремистские формы. Так, 5 апреля 1920 года прямо возле парадной лестницы был застрелен генерал Иван Павлович Романовский – один из организаторов

Белого движения и начальник штаба Деникина. Убийцей оказался член ультрамонархической офицерской организации, обвинявший генерала в поражении большевикам.

Бывшее посольство ныне является Генконсульством России в Стамбуле со всеми известными строгостями. Мимоходом здесь можно увидеть только чугунные ворота и решетки, отлитые луганскими мастерами еще до революции.

В соседнем с посольством здании в дореволюционные времена располагался ресторан «Медведь». В эмигрантское время он превратился в «Сапожную и балетную мастерскую Б. Аблаева», в которой, согласно сохранившемуся рекламному объявлению, работал «специальный мастер балетных туфель».

Кстати, многие объявления и афиши из жизни русского Константинополя дошли до наших дней благодаря офицеру армии Врангеля Николаю Триполитову. С детства Николай увлекался пением и танцами, в Константинополе стал работать в одном из варьете. Он каждый день вел дневник, а также собирал афиши представлений со своим участием. Позже Николай открыл балетную школу и перебрался в Париж. Его жена, балерина Ксе-

В этом здании на втором этаже располагалось знаменитое кабаре «Черная роза»

ния Триполитова, до сих пор живет во Франции, в прошлом году она отметила свое столетие. Архивы мужа она опубликовала в книге мемуаров «Маленькая балерина», написанной в соавторстве с историком моды Александром Васильевым. Русские эмигранты во многом открыли для турецкого общества европейское искусство. Балета на берегах Босфора до того не было вообще. В городе на Босфоре блистали русские музыканты, оперные и эстрадные певцы, живописцы, театральные актеры. Профессор Стамбульского университета Жак Делеон в своем исследовании называет 144 фамилии русских людей искусства, живших в Константинополе в 20-е годы. Многие из них создали свои школы, некоторые – остались в Турции навсегда.

Ресторан «Режанс» был популярен и среди высших слоев турецкого общества; любил бывать здесь даже первый президент страны, Мустафа Кемаль Ататюрк

Английско-китайский дуэт представляет публике на Истиклярь свою очень стильную программу в духе кантри

ОТ «КАРПИЧА» ДО «РЕЖАНСА»

Напротив нынешнего консульства Нидерландов располагался ресторан «Карпич», в котором часто обедали турки. Хозяин ресторана Юрий Карпович прививал местным жителям культуру питания: официантам ресторана строго указывалось, через какие промежутки времени можно подавать разные блюда. А на возражения официантов, что от любителей быстро поесть они вместо чаевых получают только ругань, отвечал так: «Вы можете получить и пощечину от клиента. Но если вы подадите мясо ранее, чем через восемь минут после супа, я сам лично выгною вас отсюда... Они должны привыкнуть есть с удовольствием». Много позже один турецкий литератор написал, что Кар-

пич действительно «научил нас культуре питания».

В середине улицы Пера работало самое известное заведение русского Константинополя – кабаре «Черная роза», где пел Александр Вертинский. Располагалось оно на втором этаже здания «Восточного клуба», членами которого были европейские дипломаты и османская элита. «Я пел в «Черной розе», – вспоминал Вертинский. – Конечно, не свои вещи, которых иностранцы не понимали из-за незнания русского языка, а преимущественно цыганские. Веселые, с припевами, в такт которым они пристукивали, прищелкивали и раскачивались. Это им нравилось. Почти ежевечерне по телефону заказывался стол верховному комиссару всех оккупационных войск адмиралу Бристоль. Он приезжал с женой и свитой, пил шампанское и очень любил незатейливую «Гусарскую песенку» («Оружием на солнце сверкая...»), которую я ему пел, искусно приправляя эту песенку всякими имитациями барабанов и военных труб». Напротив «Черной розы», как следует из рекламного объявления, располагались книжный магазин и библиотека «Русь», где за 2,5 пиастра в сутки можно было читать самую разную литературу. Здесь же русская публика собиралась послушать кумира под окнами «Черной розы». Хозяин кабака это знал и закрывал окна во время выступлений. Вертинский

тоже знал. Говорил, что ему душно, и просил проветрить зал. Сейчас здание «Восточного клуба» закрыто на реставрацию. У грубых фанерных щитов играют на дудочке и гитаре южноамериканские индейцы в пестрых пончо. На Истикляль почти непрерывно льется музыка, выступают музыканты со всего мира. Среди завсегдаев – русская певица и аккордеонист. Лина Афанасьевна замечает их здесь уже не первый год. В последнее время ряды уличных музыкантов потеснили арабские беженцы. Как-то мы с Линой Афанасьевой забрались на второй этаж одного тихого кафе, чтобы выпить чая и поговорить. И в течение двух часов, пока длилась наша беседа, с улицы доносилось очень красивое восточное пение. Правда, такое заунывное, что мы не переставали возмущаться, когда же там «сменяют пластинку»? А когда вышли на улицу, увидели, что это совсем не «пластинка»: пел сирийский юноша. Пел без всяких усилителей несколько часов подряд...

– Ресторан «Режанс» – русское заведение-долгожитель, просуществовавшее до XXI века, – рассказывает Лина Афанасьевна, пока мы сворачиваем в уютный тупичок за пассажем «Оливио». – Когда-то в «Режансе» баронесса Таскин завораживала публику исполнением русских романсов. А на моей памяти здесь играли задорные балалаечники. Мы не раз собирались в этом ресторане со старыми русскими. Они говорили, что там сохранилась атмосфера их молодости: старинная обстановка, русские национальные блюда, русская музыка. Сами хозяева «Режанса» были выходцами из смешанных семей, плохо говорили по-русски, но восприняли завет своих предков держать здесь русский ресторан. «Режанс» закрылся несколько лет назад. Сейчас ресторан выкупил один турецкий бизнесмен и делает ремонт. Надеюсь, русский уголок здесь сохранится. Как видите, над обновленным входом уже появилось название Rejans...

Главный фасад «Чичек пассажа» (вверху) и его внутреннее пространство (внизу). Цветочная торговля здесь и сейчас существует, но совсем немного – в качестве символики

ГОТИЧЕСКАЯ КВАРТИРА

«Чичек пассаж», где сейчас расположились рестораны европейской кухни, согласно городской легенде, получил свое название из-за русских барышень. Продавая цветы на улице, эмигрантки нередко страдали от настойчивых ухаживаний покупателей. Барышни нашли защиту в лице хозяина пасса-

жа, который позволял им скрываться в многочисленных магазинах его заведения. А затем и торговать цветами в самом пассаже. Вскоре пассаж наполнился цветочными магазинами, за что и получил свое название: «чичек» на турецком означает «цветок».

Весьма экзотично смотрится на Истикляль величественная неоготическая базилика из красного кирпича с комплексом окружающих ее жилых зданий – таких же красных и готических. – В этом доме при церкви Святого Антония на четвертом этаже жила Галина Супрунова, – вспоминает Лина Афанасьевна свою недавно ушедшую приятельницу. – Прожила она здесь более шестидесяти лет, но мы узнали ее только в 2000 году. Случайно, на одном званом вечере. Галечка говорила на многих языках, русский почти забыла. Однако, познакомившись с нами, стала вспоминать русский язык и даже его специально изучать. Отец Галечки, бывший белый офицер, вместе с семьей Сокольских открыл в пригороде первую мукомольную фабрику современного образца. А затем и фабрику по изготовлению сыров. Галю отдали учиться во французскую школу. Кажется, жизнь устроилась, но в

ЗАКАТ РУССКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Конечно, для многих русских беженцев Константинополь был лишь временным пристанищем. Большинство в первые годы эмиграции перебрались в европейские страны и Америку. Лига Наций оказывала в этом беспрецедентную помощь. Тогда современный мир впервые столкнулся со столь массовым исходом людей, оставшихся без гражданства. В 1922 году в международном праве появляется закон о беженцах, который в адаптированном виде действует и сейчас. Русские изгнанники получили особый статус, права и документы – знаменитый «нансеновский паспорт». Из Константинополя уезжали, но не все. Около 5 тысяч русских остались на Босфоре. Однако в 1925 году отношение к иностранцам у турецких властей резко изменилось. В ответ на нежелание европейских держав вернуть под турецкий контроль провинцию Мосул правительство Кемаля-паши начало политику выдавливания из страны иностранцев. Был издан ряд декретов, запрещающих им заниматься доходными ремеслами и промыслами, состоять на службе во многих государственных, общественных и частных предприятиях. Для белоэмигрантов положение осложнилось еще и дружескими отношениями Страны Советов с Турцией. В ультимативном порядке до августа 1927 года русским беженцам надлежало принять турецкое или советское гражданство либо покинуть страну. Делегаты Лиги Наций пытались добиться хоть каких-то послаблений для беженцев в Константинополе, но получили резкий отказ. После чего русским рекомендовали эвакуироваться из Турции. Финансовую помощь отъезжающим оказывали американские благотворительницы Митчел и Регльс. Международное бюро труда начало массово выдавать контрактные визы в европейские страны, главным образом во Францию.

одночасье все рухнуло: ее родители погибли в автокатастрофе. Только благодаря французским монахиням сирота получила воспитание и образование. Галечка вышла замуж за одного испанского еврея и оказалась в его квартире в этом доме. Официально их брак так и не был зарегистрирован. Его родители, ортодоксальные евреи, не разрешали сыну жениться на русской. Но он любил Галю безумно, всю жизнь провел с ней и добился для Гали испанского гражданства. Когда я познакомилась с Галечкой, она уже много лет была вдовой. Мы бывали у нее в го-

стях вместе с Верочкой, Костином, Ларочкой. Нас, конечно, впечатляла ее квартира: огромный холл, большая ваза с цветами, старинная резная мебель, гобелены, зеркала. Галя сервировала стол английским фарфором и столовыми приборами Фаберже. На наши восторги хозяйка отвечала, что квартира красивая, да слишком большая: две гостиные и пять спален. Жила Галя одна с девочкой-турчанкой, которую удочерила в раннем детстве. Квартира была в аренде у семьи мужа с 1917 года, а после смерти Гали отошла церкви Святого Антония.

Внутреннее убранство базилики Святого Антония Падуанского, построенной в 1912 году

Здесь же, в конце улицы Пера, русские толпились возле французского консульства, желая получить путевку в лучшую жизнь. Эти старые каменные ступеньки консульства отполированы ногами тысяч русских константинопольцев... Хотя для современной Истикляль это не цифра. С наступлением вечера улица превратилась в сплошной поток людей, сквозь который, учтиво позвякивая, пробирается старый трамвайчик.

Из тех русских беженцев, что остались в городе, многие растворились в турецком обществе. Причем не только в Стамбуле, но и в окрестностях, где, согласно сохранившемуся объявлению, у «Русской торговли» были «собственные фермы и предприятия». Турецкий ученый-русист Тюркан Олджай рассказывала, что не раз встречала потомков первой русской эмиграции в районе Чаталджи и на Принцевых островах. Однако эти потомки только и знали, что их бабушки и дедушки были русскими и занимались фермерством. Сами они по-русски не говорят, истории своих предков не знают совершенно.

ВЫСОКИЕ ОТНОШЕНИЯ

– Из детей первого поколения русских эмигрантов до наших дней дожили единицы, – рассказывает Лина Афанасьевна. – Но есть некоторые – быть может, от смешанных браков, – которые в нашей церкви не появляются и ни с кем не общаются. Три недели назад мы случайно познакомилась с одной из них. В воскресенье после литургии мы зашли в храм Турецкой православной церкви (неканоническая православная юрисдикция, образованная в 1922 году и признанная турецким правительством. – Прим. ред.). Просто полюбозыгтовать. И встретили там пожилую русскую женщину – Клавдию Михайловну Зайченкову. Никто из нас до того о ее семье не слышал. Тем более удивительно было узнать, что ее сын является патриархом этой церкви. Разговорились. Отец Клавдии Михайловны служил в «придворном казачьем полку», как она выразилась.

В Стамбуле их семья испила полную чашу тяжелой жизни на чужбине. Когда она выходила замуж, отец говорил, что ничего не может дать в приданое, кроме русской крови. В 50-е годы в самые трудные минуты Клавдия Михайловна порывалась написать Хрущеву о бедственном положении русских эмигрантов. Но подумала, что России и так трудно, Хрущеву не до нас. Я просила ее рассказать о своей семье, но она не смогла. Сказала, что всегда плачет, когда вспоминает Россию.

С помощью смотрителя мы нашли могилы родителей Клавдии Зайченковой на православном кладбище в Шишли. На этом кладбище стоит множество памятников с русскими именами и фамилиями, о которых в современном русском Стамбуле не знает никто.

Да и не все похоронены в Шишли. Аллочке Прискич не удалось найти покой среди русских могил. Ее отец, православный человек, офицер белой армии Генрих Прискич, сумел вывез-

Торговцы жареными каштанами с передвижными лотками-жаровнями – еще одно напоминание о старой жизни на Пера

Софья Николаевна Субаши (урожденная Татищева) на своем надгробии так и осталась молодой веселой барышней с черным котом на руках

ти с родины только сундучок бумажных денег, которые потом продавал на развес торговцам жареными каштанами. Аллочка вынуждена была формально стать мусульманкой. Вышла замуж за состоятельного турка – сына хозяина фабрики лекарств. Умерла она четыре года назад в возрасте 98 лет. Перед смертью Аллочка говорила, что ее похоронят по мусульманскому обычаю на мусульманском кладбище – так захочет семья и в документах значит, что она мусульманка. Но просила молиться о ней в церкви, так как в душе она осталась православной. По завещанию Аллочки ее дочь позволила мне прочесть у гроба матери православную литию. Аллочка действительно осталась преданной своей Родине. До тех пор пока она могла подниматься по лестнице в наш храм, приходила в воскресенье на литургию. И в своей семье поддерживала русские традиции. Они даже Пасху праздновали каждый год, что в других смешанных семьях представить довольно сложно, – вздыхает Лина Афанасьевна.

Меня всегда удивляло, как наши старые русские эмигранты любят свою историческую Родину. Родину, которую они никогда не видели, в которой они никогда не были; Родину, которая отобрала у них все. Несмотря ни на что, они продолжают испытывать самые трепетные чувства к России, сохранили культуру, веру, язык, русскую кухню. Общаясь с нашими старыми русскими, всегда испытываешь какое-то особое чувство любви к Родине и высоких отношений. Нам всем есть чему у них поучиться. ❀